633.3(215
W34

Включено в каталог
1941
ПРОВЕРЕНО 1939 г.
ПРОВЕРЕНО ПЕРЕУЧЕТ 1935 г.

собо редких
БА высыла-
или микро-
пий и микро-
ниц (не бо-
есплатно за
ля издания;
икрофильмов
ного объема
иблиотеки-за-

Заверенный бланк-заказ с распиской ответ
издания или с указанием номера банде
библиотека-абонент несет ответственность

Место и год изд. _____ Том_____

Автор и название статьи_____

стр. от_____до _____ жел
мик

ШИФРЫ

Место печати

Подпись отв. лица (р

9(47)1918
П. Е. Щеголевъ
9(47)8
Щ 34
1965
91

ТАИНСТВЕННЫЙ УЗНИКЪ

БИБЛИОТЕКА
ЦЕНТРАЛЬНОГО ДОМА РАБОТНИКОВ
ПРОСВЕЩЕНИЯ

Глава изъ книги объ Алексѣевскомъ равелинѣ.

55563
47663
Инв. 3362
№ 47663
ПРОВЕРЕНО
ПЕРЕУЧЕТ 1935 г.
9(47)
481

БЫЛОЕ — ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА
Издательство «БЫЛОЕ». Петроградъ, 1919.

9(47)
481

Глава о «Таинственномъ Узникѣ» изъ книги «Алексѣевскій Равелинъ въ 19 вѣкѣ» появилась въ № 14 журнала «Былое». Въ отдѣльномъ изданіи сдѣланы нѣкоторыя дополненія и исправленія въ текстѣ и нѣкоторыя измѣненія въ расположеніи матеріала, а въ приложеніи напечатаны полностью конституціонный проэктъ Бейдемана и его поэма «Ванюша».

Авторъ.

Петроград. 14-я Государственная типография. Социалистическая, д. 14.

Шлиссельбургская и Петропавловская крѣпость — самыя секретныя, самыя таинственныя тюрьмы для важнѣйшихъ государственныхъ преступниковъ. Наши свѣдѣнія о крѣпостныхъ порядкахъ, о заключенныхъ крайне обрывочны и неполны. Мы не знаемъ всѣхъ, бывшихъ здѣсь въ заключеніи, не знаемъ относительно многихъ, что привело ихъ сюда, какіе грѣхи. Только теперь, когда съ 1917 года всѣ архивы перестали быть секретными, мы получили возможность раскрыть всѣ тайны и разъяснить исторію этихъ крѣпостей-тюремъ.

Въ окутанной мракомъ неизвѣстности Петропавловской крѣпости была особая тюрьма, о жизни которой не вѣдали даже тѣ, кто служилъ въ крѣпости. Кто сидѣлъ тамъ, этого не дано было знать не только чинамъ комендантскаго управленія, но и тѣмъ, кто служилъ въ этой самой тюрьмѣ. Для заключенія въ эту наисекретнѣйшую тюрьму и для освобожденія отсюда нужно было повелѣніе царя. Входъ сюда былъ позволенъ коменданту крѣпости, шефу жандармовъ и управляющему III Отдѣленіемъ. Въ камеру заключенныхъ могъ входить только смотритель и только съ смотрителемъ кто-либо другой. Попадая въ эту тюрьму, заключенные теряли свои фамиліи и могли быть называемы только номеромъ. Когда заключенный умиралъ, то тѣло его ночью тайно переносили изъ этой тюрьмы въ другія помѣщенія крѣпости, чтобы не подумали, будто въ этой тюрьмѣ есть заключенные, а утромъ являлась полиція и забирала тѣло, а фамилію и имя умершему давали по наитію, какія придутся. Эта тюрьма—Алексѣевскій равелинъ Петропавловской крѣпости. Объ этомъ страшномъ мѣстѣ разсказали въ своихъ жуткихъ воспоминаніяхъ П. С. Поливановъ и въ краткомъ, но насыщенномъ содержаніемъ отрывкѣ М. Ф. Фроленко [1]). Тѣ, кто прочелъ эти воспоминанія, никогда не забудутъ тѣхъ чувствъ, которыя вызвало ихъ чтеніе.

Когда въ русской легальной печати стало возможнымъ говорить о равелинѣ, а это случилось въ 1905 году, появились кое-какія подробности, и вниманіе сейчасъ же обратилось къ легендѣ о таинственномъ узникѣ равелина, какой-то желѣзной маскѣ. Былъ заточенъ, сидѣлъ много, много лѣтъ, кажется, помѣшался. За что, неизвѣстно. Догадывались, не за личное ли оскорбленіе Александру II. Фамилія его неизвѣстна, называли одну фамилію Шевичъ, но всѣ попытки узнать объ исчезнувшемъ съ лица земли Шевичѣ не привели ни къ чему. Вопросомъ о личности таинственнаго узника занимался въ 1905—1906 годахъ А. С. Пругавинъ [2]). Онъ обращался въ печати съ просьбой

[1]) П. С. Поливановъ. Алексѣевскій равелинъ. Отрывокъ изъ воспоминаній М. 1906. Милость. Изъ воспоминаній М. Ф. Фроленко. «Былое» 1906, февр. и отд.

[2]) Статьи А. С. Пругавина собраны въ его книгѣ: «Въ казематахъ». Очерки по исторіи русскихъ тюремъ. СПБ. 1909 г.

бой ко всѣмъ знающимъ дѣло дать какія-либо свѣдѣнія и получилъ отвѣты любопытные, но не разъясняющіе, а запутывающіе дѣло. Легенда оставалась легендой.

И только теперь, когда предъ нами раскрылись полностью архивы III Отдѣленія и департамента полиціи, и, наконецъ, архивы Алексѣевскаго равелина, когда мы можемъ перечислить по именамъ и фамиліямъ всѣхъ заключенныхъ тамъ на протяженіи 1812—1884 года, мы можемъ назвать таинственнаго узника и разсказать его исторію.

Да, такой узникъ былъ, и исторія его полна самаго подлиннаго трагизма. Онъ былъ заключенъ въ равелинѣ по приказанію Александра II, безъ суда и слѣдствія, и содержался такъ, что самый фактъ его пребыванія въ равелинѣ оставался неизвѣстнымъ. Онъ былъ забытъ въ равелинѣ на много лѣтъ, такъ много, что и вымолвить трудно. Листы архивнаго дѣла, впервые ставшаго доступнымъ изслѣдователямъ, раскрываютъ передъ нами неимовѣрно грустную исторію погубленной человѣческой жизни.

1.

16 іюня 1860 года въ Константиновскомъ военномъ училищѣ состоялось производство въ офицеры юнкеровъ 3-го спеціальнаго класса. По первому разряду со внесеніемъ въ списокъ по поведенію отличнѣйшимъ былъ выпущенъ Михаилъ Степановичъ Бейдеманъ, дворянинъ Бессарабской губерніи, 20-лѣтній юноша, поступившій въ училище въ іюнѣ 1859 года изъ экстерновъ Кіевскаго Владимірскаго корпуса. При выпускѣ Бейдеманъ былъ произведенъ въ поручики и назначенъ въ Драгунскій военный полкъ. По обычаю, онъ получилъ 28-дневный отпускъ и по истеченіи его долженъ былъ явиться въ полкъ, квартировавшій въ Кашинѣ, Тверской губерніи. Отпускъ свой онъ проводилъ у матери, жившей въ Лѣсномъ подъ Петербургомъ.

Въ назначенный срокъ къ полку Бейдеманъ не явился, а мать его въ іюлѣ мѣсяцѣ обратилась къ великому князю Михаилу Николаевичу, бывшему тогда Главнымъ Начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, съ необычной просьбой. Она довела до свѣдѣнія князя, что сынъ ея, получивъ 28-ми дневный отпускъ и подорожную на проѣздъ въ полкъ, прибылъ къ ней въ Лѣсной корпусъ, а 15 іюля объявилъ ей, что онъ долженъ отправиться, на день или на два, въ Петергофъ, и, не взявъ съ собою никакихъ вещей, уѣхалъ и съ того времени не возвратился, 2,—что передъ выпускомъ сына ея въ офицеры онъ неоднократно подвергался приливамъ крови и страдалъ сильными головными болями и 3, что за нѣсколько дней до отъѣзда изъ Лѣсного корпуса сынъ ея неоднократно выражалъ желаніе отправиться въ видѣ прогулки въ Финляндію. Въ заключеніе Бейдеманъ просила о розысканіи ея сына.

Слѣды Бейдемана нашлись, дѣйствительно, въ Финляндіи. Губернаторъ города Куопіо донесъ финляндскому генералъ-губернатору, что Михаилъ Бейдеманъ поздно вечеромъ 20 іюля (1 августа н. ст.) прибылъ въ Куопіо, остановился въ гостинницѣ Сосіетегузетъ, взялъ у буфетчика штатское платье, занялъ денегъ и на другой день рано утромъ вышелъ изъ гостинницы на охоту, оставивъ свое военное об-

мундированіе и подорожную. Обратно Бейдеманъ не возвращался. Губернаторъ добавлялъ въ донесеніи, что позже Бейдемана видѣли по дорогѣ изъ Улеаборга въ Торнео, поэтому надо было заключить, что Бейдеманъ отправился въ Швецію. Дальнѣйшіе розыски не увеличили свѣдѣній о Бейдеманѣ. Дѣло Бейдемана было доложено Александру II и великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ по штабу военно-учебныхъ заведеній и княземъ В. А. Долгоруковымъ, главнымъ начальникомъ III Отдѣленія, въ декабрѣ 1860 года.

Въ маѣ 1861 года фамилія Бейдемана промелькнула передъ царемъ въ докладѣ министра финансовъ. Послѣдній представилъ царю донесеніе начальника Скулянскаго таможеннаго округа о ходѣ дѣлъ въ Молдавіи; въ немъ было упомянуто о помѣщикѣ Бейдеманѣ, который „по окончаніи курса въ одномъ изъ кадетскихъ корпусовъ, взялъ отпускъ въ Бессарабію для свиданія съ родственниками, изъ С.-Петербурга уѣхалъ въ Кронштадтъ и неизвѣстными путями пробрался въ Италію, гдѣ вступилъ въ ряды гарибальдійцевъ, какъ онъ самъ писалъ изъ Рима къ своимъ роднымъ". Прочитавъ это мѣсто, Александръ II написалъ: „Справиться не тотъ-ли, который, бывъ выпущенъ въ прошломъ году въ Орденскій Драгунскій полкъ, скрылся".

---

18 іюля 1861 года въ сѣверномъ финскомъ приходѣ Рованіеми, Улеаборгской губерніи на станціи Корво коронный ленсманъ Коккъ обратилъ вниманіе на неизвѣстнаго человѣка. На вопросъ ленсмана, кто онъ и что дѣлаетъ, онъ отвѣтилъ, что онъ — кузнецъ, Степанъ Горюнъ изъ Олонецкой губерніи, искалъ въ Финляндіи работы, но не нашелъ и возвращается домой чрезъ Архангельскую губернію. Паспорта у Степана Горюна не оказалось, и ленсманъ задержалъ его и приказалъ приходскому сторожу доставить задержаннаго въ Улеаборгъ на распоряженіе губернатора. Здѣсь онъ былъ посаженъ въ острогъ, и 25 іюля на допросѣ подтвердилъ показаніе, данное ленсману. Черезъ четыре дня, 29 іюля Степанъ Горюнъ попросилъ допроса и заявилъ, что его показанія невѣрны, что онъ — поручикъ Михаилъ Бейдеманъ, въ іюлѣ 1860 года переправился черезъ границу у Торнео въ Швецію, а оттуда въ Германію, а теперь возвращался изъ-за границы и намѣревался отправиться въ Архангельскую губернію... При Бейдеманѣ были найдены: испорченный пистолетъ, ножъ, перочинный ножикъ и гребенка въ футлярѣ.

Объ арестѣ Бейдемана было донесено въ Петербургъ великому князю Михаилу Николаевичу. Въ отвѣтъ финляндскому генералъ-губернатору было сообщено по телеграфу высочайшее повелѣніе: задержаннаго въ Улеаборгѣ поручика Бейдемана препроводить немедленно въ III Отдѣленіе.

Изъ Улеаборга Бейдеманъ былъ доставленъ въ Выборгъ, а отсюда былъ отправленъ моремъ въ С.-Петербургъ.

2.

Выборгскій полицейскій надзиратель привезъ поручика Бейдемана въ Петербургъ на пароходѣ „Аура“. Бейдеманъ былъ въ военной формѣ, изъ вещей при немъ находились двухствольный пистолетъ съ испорченнымъ замкомъ, перочинный ножъ и еще одинъ небольшой ножъ. Въ 5 час. вечера, 18 августа, онъ былъ принятъ съ парохода старшимъ адъютантомъ корпуса жандармовъ. капитаномъ Зарубинымъ, и помѣщенъ въ арестантскіе номера при III Отдѣленіи. Начальникъ 1-й экспедиціи III Отдѣленія Ф. Горянскій явился предложить Бейдеману вопросы. Онъ подтвердилъ показанія, данныя имъ о себѣ Улеаборгскому губернатору. Горянскій спросилъ его, почему, съ какой цѣлью онъ уѣхалъ за границу, и что онъ тамъ дѣлалъ, и по всей вѣроятности, къ немалому своему удивленію, выслушалъ отъ заключеннаго рѣшительный отказъ отвѣчать на этотъ вопросъ и заявленіе о готовности перенести всякое наказаніе за запирательство. Случай выходилъ совершенно необыкновенный.

— Вы подпишете, что сказали?—спросилъ Горянскій.

— Подпишу, но ничего болѣе и никому объявлять о своихъ намѣреніяхъ не буду и въ этой рѣшимости умру—отвѣтилъ Бейдеманъ.

Горянскій началъ убѣждать Бейдемана, „ни мало впрочемъ не роняя его достоинства“ (по его словамъ), но онъ совершенно хладнокровно и спокойно попросилъ дать ему перо, чтобы написать, что ничего и никому не объявитъ. Горянскій пришелъ въ полное разстройство, но вспомнивъ, что Бейдеману при допросахъ финскихъ властей уже случилось перемѣнить первое показаніе, и рѣшивъ, что Бейдеманъ не особенно считается съ его авторитетомъ, рѣшилъ не брать отъ него „столь легкомысленнаго обвинительнаго показанія“ и передать дѣло въ руки графа Петра Андреевича Шувалова, управлявшаго III Отдѣленіемъ. Разсказавъ о своемъ неудачномъ свиданіи, Горянскій свою записку закончилъ слѣдующимъ обращеніемъ: „быть можетъ, ваше сіятельство изволите сами поговорить съ нимъ и вашимъ вліяніемъ предостережете его отъ такого поступка, о которомъ, если приведетъ въ исполненіе, рано или поздно онъ будетъ сожалѣть“.

Авторитетъ графа Шувалова не подѣйствовалъ на Бейдемана. Шуваловъ, надо думать, былъ изумленъ не меньше Горянскаго. 22 августа онъ отправилъ шефу жандармовъ, князю Долгорукову, бывшему съ царемъ въ Ливадіи, собственноручное сообщеніе: „Я лично убѣждалъ поручика Бейдемана и старался склонить его къ откровенному сознанію причинъ, побудившихъ его бѣжать, объяснялъ ему, что упорство его отвѣчать на дѣлаемые ему вопросы усиливаетъ его вину, но онъ остался до того непреклоннымъ, что я приписываю это физическому разстройству его здоровья. На видъ же онъ кажется совершенно здоровымъ“. Князь Долгоруковъ доложилъ дѣло Бейдемана царю и получилъ отъ него разрѣшеніе заключить Бейдемана въ крѣпость. „Если послѣ того онъ никакого сознанія не сдѣлаетъ, то по совѣщаніи съ Е. В. генералъ-фельдцейхмейстеромъ, какъ полагалось бы съ Бейдеманомъ поступить? Не нужно ли будетъ въ умственныхъ его способностяхъ увѣриться установленнымъ порядкомъ?“ — написалъ князь Долгоруковъ 29 августа на докладѣ своего помощника. Высочайшая воля была сообщена въ Петербургъ по телеграфу 29 августа. Въ этотъ же день Бейдеманъ былъ доставленъ въ крѣпость и заключенъ въ домѣ Алексѣевскаго равелина подъ № 2.

При пріемѣ въ равелинъ Бейдемана обыскали и на днѣ коробки съ папиросами, которую ему было разрѣшено въ III Отдѣленіи взять съ собою, нашли разорванные мелкіе клочки писанной бумаги. Клочки постарались сложить, многихъ клочковъ не оказалось, но и того, что осталось, хватило для того, чтобы возстановленный текстъ заинтересовалъ коменданта въ наивысшей степени. Немедленно онъ препроводилъ клочки въ III Отдѣленіе. Здѣсь тщательнѣйшимъ образомъ подобрали клочки, сложили и получили слѣдующій документъ.

Божіею Милостію

Мы Императоръ Константинъ Первый

Государь Всероссійскій

Ц Польскій, Великій Князь Ф скій

и проч., и проч.

емъ черезъ сіе нашему вѣрно ном
жителямъ областей: Бѣломо
, Отзейской, Бѣлорусской, Лито
ской, Задиѣпровской, Новороссійской, Д
анской, Курской, Московской, Рязанской,
занской, Уральской, Астраханской, Жи
бири, Финляндіи, Грузіи и Закавказья
ією помощью рѣшились отн
тельній престолъ у нынѣ незако
стьующаго Александра, отецъ котораго Николай,
да будетъ имя его проклято во вѣки, отнялъ
отъ насъ престолъ блаженныя памяти Константина
Павловича, дорогого родителя на
мы ащаемся къ нашему ному народу
такъ до рнѣвшему подъ проклятаго
и окаян Николая, незаконн дѣйствомъ достиг-
шаго обладанія Русскимъ престоломъ и сына
его Александра, нынѣ грабящаго народъ и русскую
казну, дабы онъ съ помощью Бога поднялся на
весь окаянный родъ его, истребилъ бы большаго
и малаго отъ поганаго древа сего и помогъ бы
намъ овладѣть нашимъ дорогимъ прародительскимъ
престоломъ. Мы выходимъ изъ темницы, въ которой
заключены были съ самыхъ малыхъ лѣтъ янным
и пр мъ Николаемъ, дабы объяв шему
вѣри русскому Народу, который всег личался
здрав мысломъ, полную свободу и за
преще е им безаконіе и рабство. М вляемъ
ѣдующее:
ская земля принадлежитъ на
водѣровъ помѣщиковъ, которымъ
царями и Императорами въ уѣзд
ляетъ на будущее время собственн
ская душа, родившееся на свѣ
въ пользованіе этой землею.

3) Народъ русскій будетъ управляться самъ собою, чиновники и всякая канцелярская челядь изгоняется на всемъ пространствѣ Россійской Имперіи.

4) Общее управленіе Россійской Имперіей будетъ сосредоточено въ астныхъ съѣздахъ общемъ Земскомъ С

5) Рекрутчина тожается.

6) Вся русская казна, если Богъ поможетъ намъ вступить на нашъ прародительскій престолъ раздѣлится между народомъ.

обращаемся къ нашему народу дабы онъ вооружился и сталъ подъ наши знамена, мы сами поведемъ его на завоеваніе его правъ, и надѣемся съ помощью Бога и усердіемъ русскаго народа прогнать изъ Им незаконно пріобрѣтшаго на ародитель престол Александра.

Д ъ сей Манифестъ Царевъ

Константинъ

1861 Отъ Рождества Хри

Несмотря на утрату нѣсколькихъ клочковъ документа, текстъ возстановливается безъ затрудненій. Передъ нами проэктъ манифеста отъ имени императора Константина перваго, сына Константина Павловича. Константинъ первый заявляетъ, что русскій престолъ незаконнымъ образомъ былъ отнятъ у его отца отцомъ Александра II. Николаемъ, что самъ онъ съ дѣтскихъ лѣтъ былъ заключенъ въ тюрьму. Манифестъ призываетъ къ свержению власти Александра II, какъ незаконной, во первыхъ, и какъ грабящей русскій народъ и русскую казну, во вторыхъ. Народу обѣщается: передача всей земли въ его владѣніе, областное самоуправленіе и полное уничтоженіе чиновничества, осуществленіе его верховной власти черезъ земскій Соборъ, отмѣна рекрутчины и раздѣлъ государственной казны. Такова заявленная въ манифестѣ, въ общихъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ, программа соціальной революціи. Оцѣнивая этотъ документъ, какъ произведеніе агитационное, предназначенное разбудить и поднять народную массу, мы должны отмѣтить, что авторъ опирался на народныя желанія (земля народу, уничтоженіе помѣщиковъ и чиновничьей челяди, отмѣна рекрутчины) и на казавшуюся ему безспорной преданность царю. Манифестъ предлагалъ свергнуть существующаго царя именемъ будущаго. Выдавая манифестъ отъ лица Константина, сына Константина Павловича, авторъ разсчитывалъ на то, что воцареніе Николая Павловича, совершившееся послѣ отреченія Константина, среди мятежа, оставило въ массахъ впечатлѣніе событія неправомѣрнаго, несправедливаго, нарушающаго обычныя представленія о правѣ наслѣдованія.

Разорванный въ клочки документъ не могъ не произвести возбуждающаго впечатлѣнія на III Отдѣленіе. Рѣзкая и поносная брань по адресу Александра II и незабвеннаго Николая I, призывъ къ соціальной революціи привлекли къ Бейдеману самое строгое вниманіе. Время, къ тому же, было очень непріятное... III Отдѣленіе стояло передъ революціоннымъ броженіемъ въ русскомъ обществѣ; внѣ сферы его

наблюденія совершались дѣйствія антиправительственныя и антигосударственныя. Появились революціонные листки: 4 іюля 1861 года шефъ жандармовъ получилъ по почтѣ экземпляръ произведенія нелегальной печати: „Великоруссъ"; 22 іюля были арестованы въ Москвѣ Аргиропуло и Заичневскій, поставившіе на широкую ногу распространеніе революціонныхъ воззваній и запрещенныхъ заграничныхъ изданій. Въ августѣ и въ первыхъ числахъ сентября получила распространеніе обширная прокламація „Къ молодому поколѣнію", написанная Шелгуновымъ, напечатанная въ лондонской Герценовской типографіи, привезенная и распространенная Михайловымъ. 30 августа была учреждена особая слѣдственная комиссія для разслѣдованія о распространеніи революціонной литературы. III Отдѣленіе было на изготовкѣ: заполучивъ въ свое распоряженіе предателя Вс. Костомарова, оно собиралось широко развернуть борьбу съ крамолой и было на слѣдахъ М. Л. Михайлова. Графъ П. А. Шуваловъ, стоявшій во главѣ III Отдѣленія, одинъ изъ видныхъ представителей крѣпостнической партіи, въ это время спѣшно дѣлалъ карьеру и былъ полонъ неукротимой энергіи и молодого рвенія: онъ былъ всего на всего 33 лѣтній генералъ. Онъ еще только грезилъ о томъ, какъ изловить крамолу и захватить возмутителей, а революціонеръ—и притомъ, казалось ему, серьезнѣйшій—сидѣлъ уже у него за семью замками.

Немедленно полетѣло въ Крымъ, гдѣ былъ царь и шефъ жандармовъ, князь Долгоруковъ, донесеніе о находкѣ у Бейдемана вмѣстѣ съ текстомъ манифеста. 16 сентября кн. Долгоруковъ доложилъ донесеніе царю: положено было „разспросить Бейдемана тщательнымъ образомъ объ этомъ проектѣ".

Тѣмъ временемъ, слѣдуя совѣту своего шефа князя В. А. Долгорукова, графъ Шуваловъ обратился къ великому князю Михаилу Николаевичу, стоявшему во главѣ военно-учебныхъ заведеній и въ этомъ званіи бывшему какъ бы церковнымъ начальствомъ: поручика, выпущеннаго изъ военнаго училища, изложилъ сущность дѣла и предложилъ свое мнѣніе—передать Бейдемана въ военное вѣдомство съ тѣмъ, чтобы судить его военнымъ судомъ въ случаѣ, если, по освидѣтельствованію, онъ признанъ будетъ дѣйствующимъ въ нормальномъ состояніи. „Совершенно согласенъ и раздѣляю твое мнѣніе" — написалъ на запискѣ великій князь. О согласіи великаго князя графъ Шуваловъ сообщилъ 12 сентября князю Долгорукову.

3.

Но пока докладъ графа Шувалова былъ на пути въ Ливадію, дѣло Бейдемана вступило въ новый фазисъ. Вышло новое и крупнѣйшее осложненіе, и 16 сентября въ догонку докладу графъ Шуваловъ телеграфировалъ князю Долгорукову- „для немедленнаго доставленія" вмѣсто пребыванія государя императора: „Прошу пріостановиться докладомъ дѣла о Бейдеманѣ до прибытія фельдъегеря, выѣхавшаго сего числа".

Новое по дѣлу Бейдемана было въ томъ, что онъ пересталъ запираться и заговорилъ, по доброй волѣ, да какъ заговорилъ!

Бейдеманъ обратился къ коменданту съ просьбой разрѣшить ему написать въ III Отдѣленіе о причинахъ ареста... 11 сентября графъ Шуваловъ командировалъ къ нему Горянскаго, съ Горянскимъ Бей-

демань не сталъ говорить и заявилъ, что онъ дастъ показанія только на письмѣ. 12 сентября III Отдѣленіе предложило коменданту крѣпости разрѣшить Бейдеману написать свои объясненія и затѣмъ въ запечатанномъ конвертѣ представить написанное въ Отдѣленіе. 13 сентября комендантъ препроводилъ запечатанный пакетъ графу Шувалову, а 14 сентября Шуваловъ отвѣсся къ коменданту съ слѣдующимъ лаконическимъ совѣтомъ: „по прочтеніи препровожденнаго при отношеніи... объясненія арестанта Бейдемана оказывается, что онъ въ высшей степени вредный человѣкъ, а потому считаю долгомъ обратить особенное вниманіе вашего превосходительства на этого арестанта". Комендантъ немедленно же предписалъ смотрителю равелина маіору Удому „имѣть за Бейдеманомъ бдительное наблюденіе и употреблять чиновъ самыхъ надежнѣйшихъ".

Грезы графа Шувалова о захватѣ крамольниковъ осуществлялись на яву: въ его рукахъ былъ не просто революціонеръ, крамольникъ, а еще и цареубійца, которому не удалось покушеніе.

Приводимъ полностью замѣчательное объясненіе Бейдемана, вызвавшее такой поразительный эффектъ:

„Я просилъ г. Коменданта С. П. Б. Петропавловской крѣпости, чтобы мнѣ позволено было письменно изъяснить нѣкоторыя обстоятельства, послужившія причиною моего ареста. Отвѣтомъ на мою просьбу было появленіе чиновника III Отдѣленія, присланнаго начальникомъ его, предложившаго мнѣ изъяснить ему эти обстоятельства; но я отклонилъ это, въ томъ убѣжденіи, что изъясненіе ихъ на бумагѣ больше выиграетъ въ постепенности самаго изложенія.

„Насчетъ причинъ удаленія моего изъ Россіи отвѣчу тѣмъ же, тѣмъ отвѣчалъ прежде г. Начальнику III Отдѣленія, т. е. — ничего, и это мой послѣдній и рѣшительный отвѣтъ.

„Но насчетъ причинъ, побудившихъ меня возвратиться обратно въ Россію.—на родину, я хочу дать нѣсколько объясненій. Причиною этой излишней откровенности было, есть и будетъ не желаніе улучшить свое положеніе въ настоящемъ и будущемъ, не надежда на какое-либо снисхожденіе, а внутренняя потребность высказать всю мѣру моей ненависти и моего презрѣнія къ существующему правительству и ко всему порядку вещей, которыя господствуетъ и господствовать.

„1) Я воротился на родину для того, чтобы отомстить за всѣ страданія, которыя она переноситъ и перенесла; — за глубокое, мерзкое рабство, въ которое погрязли и несчастный русскій народъ и русское общество, и которое поддерживается развратнымъ, грабящимъ и убивающимъ въ самомъ зародышѣ всѣ благородныя начала народнаго развитія правительствомъ, за пролитую и проливаемую кровь бѣдныхъ крестьянъ, кругомъ ограбленныхъ и обворованныхъ гнусно-нѣмецкимъ правительственнымъ произволомъ: за подлѣйшимъ образомъ пролитую кровь поляковъ, — то возмущающее душу равнодушіе и презрѣніе къ народу, къ его нуждамъ и къ его стремленіямъ, которыя царятъ всюду, начиная съ залоуловъ Зимняго дворца и кончая тѣми притонами грабежа и разврата, которыя называются правительственными установленіями. Однимъ словомъ, за всѣ тѣ мерзкія, нелѣпыя и дикопроизвольныя подвиги той разбойничьей шайки, которая начинается звѣздоносными тупыми негодяями и кончается нѣмѣтною голью рабскаго чиновничества, грабящаго вдоль и поперекъ.

„2) Я хотѣлъ начать дѣло съ вершины этого правительственнаго кабака въ томъ убѣжденіи, что, разрушивъ и уничтоживъ ее,

я бы поднялъ коснѣющій въ невѣжествѣ и рабствѣ народъ на завоеваніе своихъ правъ, человѣческихъ и гражданскихъ.—Я говорю здѣсь о той власти, именуемой верховною, за которою скрывается вся мерзость и гнусность самодержавнаго произвола, той власти, которая за либеральными фразами, вродѣ реформа съ верху, скрываетъ явную неспособность къ рѣшительному соціальному, гражданскому и политическому перевороту, который, во что бы то ни стало, необходимъ для русскаго народа.

„3) Эта власть, первоначальный шагъ которой былъ привѣтствуемъ съ такою радостью, съ такою теплою вѣрою въ коренную реформу, которая бы сняла съ народнаго развитія тѣ цѣпи рабства и гражданскаго позора, которыя постарался набить на него Незабвенный деспотъ, не имѣла настолько характера, чтобы посмотрѣть будущему своей земли прямо въ глаза и рѣшить освобожденіе крестьянъ не въ такой пошлой и смѣшной формѣ, въ какой явились пресловутыя Положенія. Народъ и общество ждали другого, народъ изъ давно, съ трепетомъ и замираніемъ сердца, ожидаемаго манифеста ничего не понялъ, не потому, чтобы онъ не могъ отдать себѣ отчета въ перемѣнѣ своего положенія, а потому, что для него казалось и самое содержаніе, и форма его совершенно неудовлетворительными. Изъ этого—общее глухое недовольство, которое не было понято ни вершиною, ни цѣлымъ строемъ безобразнаго правительственнаго скопища, а отсюда—кровь, кнутъ, военная экзекуція, грабежъ, произволъ...

„4) Россія думала, что эта власть воспользуется средствами нелѣпаго самодержавія для того, чтобы произвести переворотъ, въ которомъ она нуждалась, чаяла, ждала его. Послѣ всего того что сдѣлалось и дѣлается въ настоящее время, всѣ прекрасныя ожиданія и благородныя надежды лопнули, какъ радужный мыльный пузырь. Кругомъ все по прежнему: тотъ же дикій и безполезный произволъ деспотизма, страшная неспособность, боязнь, тупость, совершенное отсутствіе серьезнаго пониманія народа и его стремленій, по-прежнему грабятъ, бьютъ и наслуютъ народъ... Однѣ бездарности замѣняются другими, которыя за звѣздами, княжескими, графскими и баронскими титулами, генеральскими эполетами и тому подобнымъ хламомъ, скрываютъ отсутствіе убѣжденій, страшный развратъ и сильную страсть нажиться и обезпечить свою жизнь на широкую ногу гнуснымъ и вопіющимъ грабежомъ. Такія личности, какъ Адлербергъ, Панинъ, Муравьевъ, Строгановъ, Долгорукій и подобная имъ сволочь и гниль, которыя должны бы быть заклеймены печатью позора народнаго проклятія, на которыхъ слѣдовало бы покончить съ тѣлеснымъ наказаніемъ и кнутомъ въ Россіи, еще скрываются за спиною ничего не знающаго, ничего не слушающаго, ничего не видящаго и ничего не понимающаго самодержавія, и отравляютъ всякое благородное начинаніе въ народѣ и обществѣ.

„5) Уничтоженіемъ верховной власти, т. е. слѣпого и ни на что неспособнаго самодержавія, я хотѣлъ достигнуть совершеннаго и повсемѣстнаго уничтоженія помѣщичьяго права на землю, а всю русскую землю обратить въ народную общую собственность для общенароднаго пользованія. Положеніями, наполненными вопіющими нелѣпостями и преднамѣренными противорѣчіями, разрушается сильная основа будущаго развитія: полюбовныя соглашенія—начало разложенія общиннаго землевладѣнія и будущаго несчастія русскаго

народа. Дворовые люди, остающіеся въ рабствѣ и обдѣленные землей,— начало самаго страшнаго пролетаріата и бездомнаго, безхлѣбнаго скитальчества огромной массы въ Россіи... Неужели выгоды проигравшихся и поддерживающихъ рабство, развратныхъ и дикопомѣстненныхъ дворянъ важнѣе выгодъ и будущей судьбы цѣлаго русскаго народа? Это понимали и говорили всѣ, начиная съ благородныхъ сотрудниковъ редакціонной комиссіи, Тверского комитета, и кончая огромнымъ большинствомъ общества; этому вопросу посвящены были самыя зрѣлыя и обдуманныя статьи русскихъ журналовъ. Даже большинство помѣщиковъ начинало задумываться... Всѣ требовали одновременныхъ и рѣшительныхъ разграниченій и опредѣленій двухъ сторонъ, изъ которыхъ одна еще ратовала за рабство, за розги, за помѣщичій произволъ, другая съ глухою и сдержанною ненавистью ожидала освобожденія. Переходное состояніе, какъ самое неудовлетворительное и безсмысленное, было осуждено всѣми. И что же изъ этого вышло? Появился манифестъ и Положенія, которые своею двухсмысленностью взволновали крестьянъ. Они совершенно правы, если рѣшились разомъ сбросить съ себя рабство и помѣщичій произволъ. Развратное и гнусное чиновничество было очень радо погрѣть себѣ руки и само подняло бунтъ. Затѣмъ—кровь, грабежъ, произволъ въ самомъ дикомъ и безграничномъ его видѣ и возмущающія душу мерзости.—И это должны были знать и вершина; и всѣ тѣ которые ее окружаютъ. За пролитую народную кровь — нужно мстить кровью.— Потомство отдастъ проклятію и позору имя того, который могъ ее не проливать и допустилъ своихъ же слугъ изъ передней Зимняго Дворца до ужаснаго звѣрства.

„6) А кровь полилась? Ее не скроешь ничѣмъ, ни дипломатическими уловками, ни рабскими статьями газетъ. Она пролита и пролита самымъ звѣрскимъ и подлѣйшимъ образомъ. За одно это дѣло каждый русскій долженъ ненавидѣть и презирать свое подлое правительство, свою несчастную армію, которую обратили въ толпу гнусныхъ убійцъ. Гдѣ же либеральныя фразы? Гдѣ та кроткая и благородная мысль, которая когда-то высказалась? Вся Европа, исключая, разумѣется, вполнѣ достойныхъ друзей—Австріи и Пруссіи, съ ужасомъ и омерзѣніемъ отвернулись отъ этой страшной картины задуманнаго гуртового убійства. Мученическая нація желчно почувствовала, что николаевщина съ ея героями еще не умерли.—Да! Передъ этимъ подвигомъ либеральнаго русскаго правительства лопнули всѣ надежды, лопнуло даже то рабское терпѣніе, которое доставалось въ удѣлъ русскому народу и обществу... Общество должно, наконецъ, понять, что рабское тупое самодержавіе—абсолютное зло, не допускающее никакихъ относительныхъ понятій. Оно увидѣло и видитъ, что на громкія фразы безграничнаго произвола—плохая надежда.

„7) А цензура? А такое милое учрежденіе, какъ III Отдѣленіе, которое вполнѣ характеризуетъ тотъ правительственный порядокъ, который для своего существованія нуждается въ подобныхъ мерзостяхъ. Они цвѣтутъ, процвѣтаютъ и даже готовы вступить въ новый періодъ развитія. А гоненія на воскресныя школы, чиновничій произволъ, который грозитъ поглотить въ себѣ самые лучшіе соки народной жизни?..

„А народное образованіе, которое должно довольствоваться тѣми ничтожными крохами, которыя остаются отъ пышныхъ и громадныхъ бюджетовъ придворной администраціи и безполезныхъ войскъ? А

совершенно произвольная, не соотвѣтствующая ни народнымъ, ни государственнымъ потребностямъ, раздача арендъ тѣмъ лицамъ, которыя такъ же думаютъ о пользѣ народа и русскаго развитія, какъ и тѣ благородные сыны Германіи, поступающіе въ русскую службу, или гораздо правильнѣе—въ службу русскаго правительства, чтобы набить себѣ карманъ? А раздача народной собственности въ вѣчное и потомственное владѣніе? Не довольно того, что ограбили и грабятъ народъ въ настоящее время, но хотятъ отнять у него то, что имѣло бы огромное вліяніе въ будущемъ. Землю слѣдовало бы приберечь для размножающагося народонаселенія, ее слѣдовало бы раздать тысячи бездомнымъ батракамъ, а не генераламъ и различнымъ тайнымъ и дѣйствительнымъ совѣтникамъ, которые и безъ того уже успѣли нагрѣть руки на счетъ того же бѣднаго народа. Ею слѣдовало воспользоваться для того, чтобы нанести разомъ рѣшительный ударъ чиновничеству и грабежу, и вмѣстѣ съ тѣмъ не оставить тысячи семействъ безъ куска хлѣба. Все это такъ просто и понятно, но развѣ такіе государственные мужи, какъ Муравьевъ, Адлербергъ и Игнатьевъ и т. п. думаютъ объ этомъ: они грабятъ, и ихъ грабежъ въ тысячу разъ развратнѣе и пагубнѣе для народа, чѣмъ мелкій грабежъ канцелярскихъ воришекъ. Самые благородные и энергическіе дѣятели, желавшіе дѣйствительнаго добра и любящіе Россію и русскій народъ, смѣло вышли на дѣло, но этотъ омутъ всякой низости, подлости и всего того, для чего не приберешь словъ, сразу остановилъ ихъ. Пора, пора и русскому народу и обществу разбить ту цѣпь, которая приковываетъ ихъ къ гнилой колодѣ—полунѣмецкому правительству. Будущее—не лучше: не много добра, а вѣрнѣе много зла, принесутъ питомцы такихъ менторовъ, какъ меценатъ николаевщины—Строгоновъ.

„7) Вотъ причины, которыя побудили меня возвратиться въ Россію—покончить однимъ ударомъ съ тѣмъ гнетомъ деспотизма, самоуправства, рабства и позора, подъ которымъ задыхается русская жизнь и развитіе, который подсѣкаетъ ихъ въ настоящемъ и безпощадно извращаетъ въ самомъ будущемъ. Мнѣ остается только чувство досады и презрѣнія къ самому себѣ за то, что я не исполнилъ того, что задумалъ. Раскаяніе въ чемъ бы то ни было совершенно далеко отъ меня: я всегда буду презирать и ненавидѣть тотъ омутъ разврата, грабежа, застоя и всякихъ гадостей, который губитъ Россію. Я не отказываюсь отъ своихъ намѣреній, потому что въ нихъ я вижу коренной переломъ въ судьбѣ всего отечества—къ лучшему. Совершенное уничтоженіе нелѣпаго, всеподавляющаго самодержавія и связаннаго съ нимъ правительственнаго, гражданскаго и политическаго строя—начала новой жизни, иного развитія. Что бы меня не ожидало въ будущемъ—я всегда останусь при этомъ убѣжденіи. Все, что здѣсь написано, было давно высказано, съ необыкновеннымъ талантомъ, со всею страстью негодованія, съ любовью къ Россіи и ея будущему, съ великою гражданскою силою, людьми, которые погибли и гибнутъ въ духотѣ правительственнаго гнета. Отъ всего здѣсь написаннаго—я не отказываюсь. Никакого снисхожденія—не прошу и не намѣренъ просить.

Михаилъ Бейдеманъ.

13 сентября 1861 года.

Читая этотъ необыкновенный документъ, не можешь повѣрить тому, что эта дерзкая прокламація, полная рѣзкихъ оскорбительныхъ словъ по адресу верховной и высшей власти, написана человѣкомъ со связанными руками, — узникомъ Алексѣевскаго равелина. Нельзя не поразиться смѣлости, съ какой заточенный бросаетъ оскорбленія въ лицо своимъ читателямъ — тюремщикамъ. Съ какимъ чувствомъ долженъ быть отнестись къ произведенію и его автору всесильный, ближній бояринъ, шефъ жандармовъ князь Долгоруковъ, узрѣвъ свою фамилію въ общей группѣ сволочи и гнили и прочитавъ, что на немъ, на князѣ, слѣдовало бы въ Россіи покончить съ тѣлеснымъ наказаніемъ! Какъ долженъ былъ отнестись къ заявленію другой его читатель — императоръ Александръ Николаевичъ, прочитавъ такое яркое нападеніе на себя, свою личность, свою политику... Кѣмъ сдѣланное? Какимъ-то ничтожнымъ поручикомъ, арестантомъ, возвысившимъ свой голосъ отъ узъ темничныхъ. И этотъ поручикъ осмѣливался мечтать, не только мечтать, а готовиться... покончить однимъ ударомъ съ нимъ, освободителемъ. Онъ, монархъ, именовался вершиной правительственнаго кабака. Все это было такъ невѣроятно, что и въ III Отдѣленіи, и у шефа жандармовъ, и у царя мелькала мысль, не съ умалишеннымъ ли они имѣютъ дѣло.

Отправляя въ Ливадію подлинное объясненіе Бейдемана, графъ Шуваловъ присоединилъ и слѣдующій докладъ: „Вотъ, князь, обстоятельство очень серьезнаго значенія, оно можетъ измѣнить направленіе, которое его величеству угодно будетъ дать дѣлу Бейдемана. Послѣдній довелъ до моего свѣдѣнія черезъ коменданта о своемъ намѣреніи дать показанія. Я послалъ къ нему начальника I-й экспедиціи, но Бейдеманъ настаивалъ на томъ, что онъ изложитъ показанія письменно, и продолжалъ ту же систему молчанія, которой онъ не измѣнялъ со времени своего ареста. Вы сами, князь, войдете въ оцѣнку принциповъ подсудимаго и вы нарисуете умыселъ, заставляющій благословлять руку Провидѣнія, остановившаго фанатика, но не безумца — смѣю думать. Я думаю отправиться въ крѣпость завтра, чтобы попытаться заставить его дать самое полное признаніе, но я сомнѣваюсь въ успѣхѣ, и думаю, что онъ заговоритъ только въ день суда въ единственной надеждѣ предать гласности свои намѣренія и выставить себя мученикомъ за политическія убѣжденія“.

Александръ II остановился пока на рѣшеніи, подсказанномъ графомъ Шуваловымъ, и на запискѣ послѣдняго, 27 сентября, написалъ: „не предавая его покуда военному суду, оставить въ заключеніи въ крѣпости“.

19 сентября графъ Шуваловъ отправилъ въ Ливадію отчетъ о посѣщеніи Бейдемана въ крѣпости. Эта бесѣда управляющаго III Отдѣленіемъ съ узникомъ, не прибавляя ничего существеннаго къ его заявленію, дала иллюстрирующія подробности замысла Бейдемана.

„Я видѣлся въ крѣпости съ арестантомъ Бейдеманомъ и имѣлъ съ нимъ продолжительное объясненіе, и дѣлалъ ему вопросы, на которые онъ отчасти отвѣчалъ, — отчасти нѣтъ. Я вышелъ отъ него убѣжденнымъ въ томъ, что онъ фанатикъ самаго вреднаго свойства и, быть можетъ, не въ нормальномъ состояніи умственныхъ способностей. Бейдеманъ задумалъ свой преступный замыселъ уже давно, задумалъ его хладнокровно и исполнилъ бы его, сколько мнѣ показалось, твердо и рѣшительно, если само Провидѣніе не помѣшало бы тому и не предало его въ руки Финляндской полиціи.

„Бейдеманъ упорствуетъ въ молчаніи относительно всего того, что побудило его бѣжать, того, что онъ дѣлалъ за границей, но объясняетъ съ полною откровенностью цѣль его возвращенія въ Россію. Его политическую исповѣдь ваше сіятельство уже изволили прочесть: подтверждая все писанное имъ, онъ сказалъ мнѣ, что обманутый въ своихъ надеждахъ, убѣждаясь съ каждымъ днемъ болѣе, что Государь желаетъ лучшаго только на словахъ, онъ по примѣру Орсини (въ его глазахъ образецъ всего великаго и благороднаго) рѣшилъ вывести свое отечество изъ настоящаго его положенія, нанеся самодержавію въ лицѣ Государя смертельный ударъ, и какъ онъ изъясняется, разомъ покончить самодержавіе. На замѣчаніе мое ему, что самодержавіе принципъ, а не лицо, Бейдеманъ отвѣчалъ, что теперь настало такое время, что одновременно съ перемѣною царствованія измѣнился бы и характеръ монархической власти.

„Обдумывая свои намѣренія, Бейдеманъ пришелъ къ тому заключенію, что настоящая минута самая удобная для коренныхъ реформъ, онъ рѣшился теперь же возвратиться въ Россію для исполненія своего преступнаго замысла, но, опасаясь пріѣхать прямо въ Петербургъ, онъ предпочелъ направить путь черезъ Финляндію въ Архангельскую губернію, гдѣ бы онъ сблизился съ раскольниками, отъ которыхъ надѣялся получить матеріальныя средства и паспортъ для прибытія сюда, и здѣсь, не медля ни минуты, посягнуть на жизнь его величества, что, по его словамъ, „было весьма не трудно исполнить, такъ какъ, по воспитанію своему въ военно-учебномъ заведеніи, ему извѣстны всѣ привычки Государя“ и потому что, „не дорожа жизнью, которую онъ посвятилъ на это дѣло, онъ даже не намѣренъ былъ, по нанесеніи удара, бѣжать и укрыться отъ преслѣдованій.

„Чрезвычайно важнымъ считалъ я узнать отъ Бейдемана, дѣйствуетъ ли онъ одинъ и подъ вліяніемъ личныхъ своихъ убѣжденій, или же онъ состоитъ въ связи съ другими лицами или тайными обществами. Я прибѣгалъ къ разнаго рода уловкамъ, но онъ непреклонно отвѣчалъ одно и то же, что дѣйствуетъ одинъ, и что всякое участіе другихъ лицъ уменьшило бы въ его глазахъ ту славу, которую пріобрѣлъ въ случаѣ успѣха.

„Слѣдуетъ полагать, что онъ говоритъ правду; вообще, онъ показался мнѣ правдивымъ, и, когда ему не хочется отвѣчать на вопросъ, то онъ молчитъ упорно. Для достиженія моей цѣли я, подъ видомъ участія, совѣтовалъ ему въ облегченіе его судьбы указать даже на мнимыя лица и вымышленныя общества, но онъ на это не поддавался и продолжалъ завѣрять, что дѣйствуетъ одинъ и что этимъ гордится. Бейдеманъ выражалъ мнѣ и мысль, что онъ надѣялся на мщеніе народа, который, увидавъ въ немъ убійцу, подосланнаго помѣщиками, сталъ бы повсюду рѣзать дворянъ.

„Я просилъ коменданта крѣпости принять въ отношеніи надзора за нимъ наистрожайшія мѣры.

„Разговора моего съ Бейдеманомъ я не смѣлъ передать великому князю Михаилу Николаевичу, которому извѣстны всѣ прочія обстоятельства дѣла. Не угодно ли будетъ указать, какъ мнѣ дѣйствовать въ этомъ случаѣ въ отношеніи его высочества.

„Я потребовалъ изъ Финляндіи подробныя свѣдѣнія о заарестованіи Бейдемана и о лицахъ, тому способствовавшихъ, въ томъ вниманіи, что его величеству, быть можетъ, благоугодно будетъ знать имя того, который, хотя безсознательно, но спасъ Россію отъ этого изверга.

Въ докладѣ графа Шувалова обращаютъ вниманіе три подробности. Графъ Шуваловъ началъ трактовать дѣло Бейдемана, какъ неудавшееся покушеніе на цареубійство, и ссылаться на Провидѣніе, удержавшее занесенную руку преступника и пославшее своевременно финляндскую полицію. По пути такого толкованія онъ увлекалъ и шефа жандармовъ и царя: забѣгая впередъ, онъ уже разыскивалъ финна-спасителя государя для достойной награды. Затѣмъ Шуваловъ въ отчетѣ сообщаетъ и то, о чемъ Бейдеманъ не писалъ: въ случаѣ удачи, цареубійство было бы объяснено въ народѣ, какъ актъ мести со стороны дворянина царю за освобожденіе отъ крѣпостнаго права и какъ призывъ къ рѣзнѣ помѣщиковъ. И наконецъ еще одна мелкая деталь, характерная для графа Шувалова. Онъ, входившій во вкусъ власти, приближавшійся къ престолу, запрашивалъ, долженъ ли онъ хранить въ секретѣ дѣло Бейдемана даже отъ брата царя, великаго князя Михаила Николаевича. Черезчуръ уже лестнымъ казалось быть третьимъ при двухъ знающихъ тайну—князѣ Долгоруковѣ и царѣ.

Дѣйствія графа Шувалова заслужили царское одобреніе: противъ строкъ: „я потребовалъ свѣдѣнія изъ Финляндіи“ царь написалъ „хорошо сдѣлалъ“, а противъ строкъ „можетъ благоугодно будетъ знать имя спасителя“ царь написалъ „непремѣнно“. А общая резолюція царя была: „О томъ, какъ съ нимъ поступить подумаю еще. Всѣ показанія его можно сообщить великому князю Михаилу Николаевичу“.

Въ дѣлѣ Бейдемана оказался одинъ счастливый человѣкъ—лейманъ Коккъ. Нежданно, негаданно за спасеніе жизни русскаго государя и великаго князя финляндскаго ему свалилась награда: денежное пособіе въ 300 рублей серебра.

4.

2 октября комендантъ крѣпости довелъ до свѣдѣнія графа Шувалова, что арестантъ Бейдеманъ желаетъ объявить ему какую-то тайну. 6 октября Шуваловъ былъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ. О результатѣ посѣщенія онъ отправилъ 6 октября слѣдующій докладъ:

„Я посѣтилъ сего числа въ крѣпости арестанта Бейдемана и желалъ подробнымъ допросомъ разъяснить тѣ обстоятельства его жизни, о которыхъ онъ до сего времени такъ упорно хранилъ молчаніе. — Я засталъ Бейдемана нѣсколько встревоженнымъ моимъ посѣщеніемъ и замѣтилъ, что онъ тяготится незнаніемъ о своей дальнѣйшей участи. При началѣ моего съ нимъ разговора, я не могъ добиться ни до чего, но мало по малу онъ сталъ поддаваться на мои вопросы и объяснилъ слѣдующее:

„Бейдеманъ утверждаетъ, что, несмотря на его желаніе отправиться въ южную Европу и въ особенности въ Италію, онъ этого исполнить не могъ, не имѣя къ тому денежныхъ средствъ. Всѣ 14 мѣсяцевъ своего бѣгства онъ провелъ въ Швеціи, изрѣдка переѣзжалъ въ Норвегію, слѣдилъ оттуда за ходомъ дѣлъ въ Россіи, и когда узналъ о возникшихъ крестьянскихъ безпорядкахъ въ Казанской и Пензенской губерніяхъ, то намѣревался отправиться туда и пропагандою своею поддерживать въ крестьянахъ духъ волненія. На этотъ конецъ имъ составленъ проэктъ манифеста, найденный при немъ и уже извѣстный Вашему Сіятельству изъ предшествовавшихъ моихъ донесеній. На замѣчаніе мое, что, не сомнѣвался самъ въ смерти вели-

БИБЛИОТЕКА
... РАБОТНИКОВ
...

каго князя Константина Павловича, онъ слѣдовательно ложью хотѣлъ взбунтовать крестьянъ, Бейдеманъ отвѣчалъ, что „можно прибѣгать къ лжи противъ лжи и что правительство наше „ложь“. Я старался дознаться, не участвовалъ ли Бейдеманъ въ какомъ-либо скандинавскомъ обществѣ, но убѣдился, что онъ о нихъ не имѣетъ и понятія и не сочувствуетъ скандинаво-финской пропагандѣ. Въ послѣдствіи Бейдеманъ убѣдился, что крестьянскіе безпорядки будутъ непремѣнно подавлены распоряженіями правительства и что дѣйствіямъ его не предстоитъ успѣха; тогда Бейдеманъ рѣшился посягнуть на жизнь его величества, какъ на единственный способъ вызвать переворотъ въ государствѣ, и для исполненія сего купилъ револьверъ, который при немъ и найденъ.

„Бейдеманъ подтвердилъ все сказанное имъ въ первый разъ о намѣреніи отправиться въ Архангельскую губернію и сблизиться тамъ съ раскольниками. На намекъ мой, что подъ вліяніемъ чувства фанатизма онъ присваиваетъ себѣ такія дѣла, отъ которыхъ онъ бы несомнѣнно отступился, Бейдеманъ остался непреклоннымъ и отвѣчалъ, что жертвуетъ своею жизнью лишь тотъ человѣкъ, который проникнутъ мыслью необходимости того, что онъ задумалъ, и что „цареубійство не дѣлается изъ любви къ искусству.

„Я не могъ возбудить въ Бейдеманѣ ни малѣйшаго чувства раскаянія, онъ выражалъ одно желаніе — о скорѣйшемъ рѣшеніи его судьбы—и въ особенности—предстать предъ военный судъ.

Прочтя докладъ графа Шувалова, царь надписалъ: „окончательное приказаніе дамъ по возвращеніи“. Александръ II находился, очевидно, въ полномъ недоумѣніи. Обращаясь съ политической исповѣдью и открывая по доброй своей волѣ свое намѣреніе на цареубійство,—безъ этого признанія намѣреніе никогда не было бы открыто—Бейдеманъ задалъ, дѣйствительно, задачу. Выдача самого себя казалась властямъ дѣломъ противоестественнымъ, ибо они не были въ состояніи понять, что подобное заявленіе могло вытекать изъ благороднѣйшихъ побужденій человѣческаго духа, что къ этому чистѣйшему протесту могли толкать исключительно ненависть и презрѣніе къ существовавшему строю. Бейдеману было всего на всего 21 годъ; будь онъ постарше, онъ, можетъ быть, и справился бы съ увлекавшимъ его энтузіастическимъ настроеніемъ и смолчалъ бы о своихъ замыслахъ. Въ своемъ дѣлѣ онъ самъ себѣ былъ единственнымъ свидѣтелемъ и единственнымъ обвинителемъ. Странно было бы предать его суду на основаніи такихъ данныхъ. Графъ Шуваловъ подсказывалъ рѣшеніе—не предавать суду, ибо судъ былъ бы демонстраціей; царь признавалъ резоннымъ этотъ совѣтъ, не давалъ разрѣшенія на преданіе Бейдемана военному суду, но, очевидно, и самъ не зналъ, какъ быть съ Бейдеманомъ, и все откладывалъ окончательное рѣшеніе.

Послѣдняя бесѣда съ Шуваловымъ очень взволновала Бейдемана. Намекнувъ о письмѣ къ родственникамъ, о которомъ, какъ помнитъ читатель, III Отдѣленіе освѣдомилось изъ всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ, Шуваловъ попалъ на больное мѣсто Бейдемана. Послѣдній представилъ себѣ картину розысковъ родственниковъ, ихъ допросовъ, быть можетъ, ихъ ареста и взволновался. Испросивъ черезъ коменданта разрѣшеніе писать, Бейдеманъ 8 октября обратился съ слѣдующимъ заявленіемъ:

3362

„Въ послѣднее ваше посѣщеніе вы намекнули мнѣ о письмѣ, которое я будто бы писалъ моимъ родственникамъ изъ за границы. Я отказался отъ этого не изъ подлого малодушія, но потому, что я дѣйствительно ничего и никому не писалъ изъ за границы. Съ другой стороны, не желая мѣшать въ свое дѣло слишкомъ дорогихъ для меня именъ, совершенно непричастныхъ ни моимъ поступкамъ, ни моимъ намѣреніямъ, я обращаюсь къ вамъ, какъ къ благородному человѣку, и прошу не касаться ничѣмъ моихъ родственниковъ. Я не хочу, чтобы тѣ, которыхъ я свято уважаю, сдѣлались предметомъ полицейскихъ допросовъ,—это, по моему мнѣнію и убѣжденію, было бы гнусно и преступно. Что же касается до отправленія моего къ Гарибальди, то на этотъ счетъ я вамъ дамъ личное объясненіе. Я вполнѣ надѣюсь на ваше благородство и думаю, что вы оставите въ сторонѣ тѣхъ, которымъ я дѣйствительно писалъ, но которые совершенно не причастны моему дѣлу. Отъ письма, писаннаго мною изъ Финляндіи, я не отказываюсь, какъ не намѣренъ отказаться отъ всего того, что вамъ писалъ и говорилъ. На всякое ваше недоумѣніе я самъ буду давать объясненіе—и думаю, что мѣшать въ мое дѣло другихъ значитъ пускать въ дѣло гнусное полицейское крючкотворство, которое было бы для васъ недостойно и къ которому вы сами объявили себя неспособнымъ. Надѣюсь, что въ этомъ дѣлѣ вы поступите не какъ начальникъ III Отдѣленія, а какъ благородный человѣкъ.

Михаилъ Бейдеманъ.

„Въ письмѣ къ моимъ родственникамъ изъ Финляндіи я дѣйствительно выразилъ желаніе ѣхать къ Гарибальди—на этотъ счетъ вы получите мое личное объясненіе. Сознаніе факта съ моей стороны обязываетъ васъ оставить въ покоѣ тѣхъ, которые сообщили вамъ этотъ фактъ. Этого требуютъ и юридическое пониманіе и здравый смыслъ. М. Б“.

Справедливость требуетъ сказать, что III Отдѣленіе не разыскивало родственниковъ Бейдемана, получившихъ письмо, но не въ силу снисхожденія къ его просьбѣ, а скорѣе по соображеніямъ о сохраненіи полнаго секрета въ дѣлѣ Бейдемана, и прежде всего о сохраненіи въ тайнѣ его ареста.

Въ отвѣтъ на это заявленіе III Отдѣленіе предложило 25 октября коменданту разрѣшить Бейдеману писать и то, что будетъ имъ написано, доставлять. Одновременно послѣдовало и другое распоряженіе: на содержаніе Бейдеману, вмѣсто отпускавшейся ранѣе суммы въ 13 коп., явно недостаточной, князь Долгоруковъ приказалъ отпускать по 50 коп. Надо добавить, что съ момента своего заключенія въ равелинѣ Бейдеманъ былъ единственнымъ заключеннымъ вплоть до 14 октября, когда сюда былъ доставленъ М. Л. Михайловъ.

Все движеніе по дѣлу Бейдемана заключалось въ тѣхъ запискахъ, которыя онъ писалъ въ равелинѣ; а вся дѣятельность III Отдѣленія по этому дѣлу состояла исключительно въ подшиваніи этихъ записокъ къ дѣлу. Безъ всякаго преувеличенія: весь процессъ Бейдемана сводился исключительно къ этимъ дѣйствіямъ. Нашъ долгъ передъ памятью Бейдемана обязываетъ насъ воспроизвести всѣ его объясненія, въ которыхъ онъ открывалъ свою душу и свои мысли.

Между тѣмъ, графъ Шуваловъ, совершая стремительную карьеру, уступилъ свой постъ начальника штаба корпуса жандармовъ и уп-

равляющаго III Отделеніемъ А. Л. Потапову, свиты Е. В. генералъ-маіору. До назначенія А. Л. Потаповъ работалъ въ слѣдственной комиссіи и генеральномъ судѣ по разслѣдованію злоупотребленій и безпорядковъ въ дѣлѣ снабженія войскъ во время войны 1854 года, въ 1860 году исправлялъ должность обер-полицмейстера въ Петербургѣ и въ томъ же году ту же должность въ Москвѣ. Въ 1861 году онъ принялъ порученіе произвести преобразованіе Варшавской полиціи.

26 октября Бейдеманъ адресовалъ свое новое заявленіе уже Потапову:

„Вы предложили мнѣ изложить въ историческомъ порядкѣ всѣ обстоятельства, которыя сопровождали мое житье-бытье за границею.

„Пользуясь этимъ случаемъ, я хочу объяснить, кромѣ предложеннаго пункта, все то, что было мною написано г. Шувалову въ первомъ моемъ объясненіи, неудовлетворительномъ въ томъ отношеніи, что оно было написано подъ впечатлѣніемъ желанія высказать мое личное чувство—а я не обставилъ дѣла изложеніемъ тѣхъ фактовъ, которое бы дало болѣе юридическій характеръ моимъ объясненіямъ. Причиною этого было недоразумѣніе, выразившееся на первый разъ тѣмъ, что во мнѣ видѣли орудіе чьихъ-то замысловъ, и дѣло приняло другое направленіе. Имѣя совершенное отвращеніе отъ разнаго рода мистификацій, я постараюсь, елико возможно, очертить все дѣло спокойнѣе и отчетливѣе, не отступая ни на шагъ отъ всего того, что было высказано мною прежде.—

„Во первыхъ, признаюсь, мнѣ всегда казалось смѣшною жалкая близорукость нашего правительства, которое убѣждено, что всѣ опасныя для него идеи навѣваются нашему несчастному православному люду изъ-за моря. Всякая человѣческая мысль, всякое благородное слово негодованія—были принимаемы, какъ отголосокъ тамошнихъ партій, то демократовъ, то конституціоналистовъ, иногда республиканцевъ, а подъ часъ и коммунистовъ. Это жалкое заблужденіе тѣмъ болѣе непростительно, что оно не могло не замѣтить самобытной жизни русскаго общества и народа: не нужно быть демократомъ, чтобы негодовать на произволъ, даже не подозрѣвая существованія коммунизма, можно презирать грабежъ и неправду. Русское возстаніе—результатъ сознанія собственныхъ силъ, сознанія безобразія и неправоты той обстановки, которою окружено русское развитіе. Народъ встанетъ не для того, чтобы осуществлять какую-нибудь теорію, а для того, чтобы отомстить за свое рабство, чтобы завоевать себѣ человѣческія права. Все это я сказалъ не для красоты слова, а для того, чтобы разъяснить свои отношенія къ этому вопросу. Я уже выше сказалъ, что во мнѣ хотѣли видѣть субъекта (выражаясь юридически), зараженнаго идеями демократизма, замыселъ котораго былъ результатомъ исключительнаго господства одной мысли (idée fixe). Во мнѣ видѣли фанатика, который, въ безсознательномъ стремленіи къ осуществленію своего идеала, рѣшился на цареубійство. Оставляя, пока, въ сторонѣ свои идеалы и желанія, я для прекращенія подобныхъ недоразумѣній и больше всего для очищенія собственной совѣсти, отстраняю отъ себя эту роль благороднаго самопожертвованія, которая во всякомъ случаѣ заслужила бы мнѣ если не любовь народа, то полное уваженіе его. Стрѣлять въ кого бы то ни было изъ любви къ искусству, изъ одного желанія во что бы то ни стало сдѣлаться жертвою—эта мысль всегда была отъ меня далека, не потому чтобы во мнѣ не нашлось глубокаго сочувствія ко всякому благород-

ному подвигу, а потому, что подобныя жертвы, хотя и оставляютъ слѣдъ, рѣдко достигаютъ своей цѣли. Мнѣ хотѣлось другого. Я видѣлъ въ достиженіи своей цѣли цареубійства не торжество демократіи въ Россіи, не осуществленіе своихъ мыслей и идеаловъ, а начало того движенія, которое такъ и ни иначе разрушило бы настоящій порядокъ вещей. Я не былъ адептомъ какой бы то ни было политической секты.—я только желалъ, желаю и буду желать счастья и человѣческихъ условій общественнаго быта своему народу. Еще разъ повторяю, что не нужно вліянія никакихъ партій, а побольше любви къ русскому человѣку, да каплю здраваго смысла, чтобы, скрѣпя сердце, ударить съ плеча въ безобразное правительственное скопище, которое насъ давитъ, душитъ и грабитъ.—

„Изъ всего этого вы видите, что мое дѣло очень просто: никакихъ демократическихъ или скандинавскихъ партій, никакихъ заговоровъ и т. п. Я просто человѣкъ, оскорбленный до глубины души наглымъ произволомъ, возмутительнымъ развратомъ и всѣми мерзостями нашего милаго правительства. Тутъ дѣло не въ Гарибальди и не въ Орсини, которыхъ я отъ души люблю и уважаю, а въ нашихъ доморощенныхъ кондотьерахъ, грабящихъ и убивающихъ народъ, въ доказательство своего отеческаго попеченія объ немъ.

„Мнѣ остается теперь отвѣчать на вашъ вопросъ о жизни моей за границей. Въ этомъ случаѣ я постараюсь освѣтить ее настолько, насколько это нужно для юридическаго взгляда на предметъ. Подробное описаніе моего житья-бытья было бы слишкомъ скучно и утомительно, а главное не дало бы никакой пищи самой тонкой казуистикѣ. Начну съ того, что предположеніе мое объ отправленіи къ Гарибальди не осуществилось, и я даже долженъ былъ остаться въ Швеціи. Отыскивая матеріальныя средства для своего существованія, я переходилъ изъ одного города въ другой, занимаясь ручною работою. Не надобно забывать что конецъ прошлаго и начало настоящаго года были ознаменованы блистательными подвигами нашего правительства, въ которыхъ оно, казалось, хотѣло превзойти самого себя. Я не буду говорить обо всемъ, что сдѣлано имъ въ это время, замѣчу только самые крупные сюрпризы, какъ, напримѣръ, Варшавскій съѣздъ, безсмысленная политика въ отношеніи къ Италіи, которые, конечно, во всякомъ русскомъ, неповрежденномъ въ здравомъ смыслѣ, должны были возбудить самое желчное негодованіе [1]), и если эти нелѣпыя и вредныя для русскаго народа выходки не были встрѣчены полнымъ гласнымъ сопротивленіемъ, если они не

---

[1]) Бейдеманъ имѣетъ въ виду предпріятія русскаго правительства по внѣшней политикѣ въ 1860 году. Въ октябрѣ состоялся въ Варшавѣ съѣздъ трехъ монарховъ: Александра II, императора австрійскаго и принца-регента прусскаго. Въ итальянскомъ вопросѣ русская дипломатія, вѣчно боявшаяся революціи, логично стала за законныя правительства и противъ итальянскаго освободительнаго движенія. Самъ Александръ II строго осуждалъ предпріятіе Гарибальди на Неаполь и потворство ему со стороны сардинскаго двора. А когда сардинскія войска, не объявляя войны, вступили въ Церковную область, и графъ Кавуръ объявилъ о намѣреніи присоединить Неаполитанское королевство къ Сардиніи, русская миссія, по приказанію Александра II, была отозвана изъ Турина. См. С. С. Татищевъ. Имп. Александръ II, Спб. 1903, т. I, стр. 266—269. Варшавскому съѣзду посвящена блестящая статья Герцена: «Es reiten drei Reiter» въ № 85 «Колокола» отъ 15 ноября 1860 года. Отголоски этой статьи чувствуются и въ ироническихъ строкахъ Бейдемана. Объ отозваніи миссіи—статья въ № 84 «Колокола» отъ 1 ноября 1860 года подъ заголовкомъ «Самодержавная демонстрація».

вызвали открытаго протеста со стороны общества, то это можно развѣ объяснить только непонятнымъ, ослинымъ терпѣніемъ нашего общества!.. Не стану расписывать настоящаго порядка вещей — скажу только, что вся эта мерзость можетъ довести всякаго человѣка до мщенія и остервенѣнія... Но пресловутый манифестъ объ освобожденіи крестьянъ, да гнусное убійство несчастныхъ поляковъ — заставили меня убѣдиться, что хорошаго ожидать нечего, что крестьянская кровь требуетъ отомщенія, словомъ, что только тогда рухнетъ вся гадость нашей жизни, когда народъ встанетъ на ноги... Средство, которое я избралъ, мнѣ показалось самымъ вѣрнымъ. Остальное вы знаете изъ перваго моего объясненія, написаннаго г. Шувалову.

„Въ Швеціи я не имѣлъ сношенія ни съ какою политической партіею, ни съ кѣмъ не велъ переписки,—это говорю для того, чтобы успокоить наше правительство; я даже смѣю увѣрить его, что если бы даже я и хотѣлъ этого, то не имѣлъ въ этомъ случаѣ никакой физической возможности. Всякіе полицейскіе розыски будутъ напрасны— тамъ даже не знаютъ моего имени.

„Кончая все это, я еще разъ повторяю, что я не выраженіе или орудіе какой-нибудь партіи, и если я и рѣшился на ударъ, то это не для осуществленія своихъ идеаловъ, а потому, что видѣлъ необходимость рѣшиться на это. Помочь моей бѣдной родинѣ было единственнымъ и самымъ сильнымъ моимъ желаніемъ.

„На все, что могло бы возбудить ваше недоумѣніе въ написанномъ, я готовъ дать вамъ личное мое объясненіе.

Михаилъ Бейдеманъ.

„Городовъ, въ которыхъ я жилъ, не называю — я полагаю, это совершенно лишнее, скажу только, что обратный путь въ Россію я началъ съ юго-западной стороны Швеціи, и въ Торнео перешелъ русскую границу“.

И эту записку Бейдемана прочелъ Александръ II и изволилъ положить резолюцію: „Она ничего не заключаетъ въ себѣ ни новаго, ни особеннаго“.

Слѣдующій документъ дѣла о Бейдеманѣ—подписанная княземъ Долгоруковымъ маленькая записочка на почтовомъ листкѣ: „Государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: поручика Михаила Бейдемана оставить въ Алексѣевскомъ равелинѣ впредь до особаго распоряженія“

5

Потянулись дни, недѣли, мѣсяцы заточенія. Все движеніе по дѣлу Бейдемана заключалось въ подшитіи къ дѣлу его объясненій и произведеній, писанныхъ въ крѣпости. Бейдеманъ оставался еще при прежней непримиримости и непреклонности своей революціонной исповѣди. И каждое новое его объясненіе еще усугубляло тяжесть его положенія: къ такой твердости III Отдѣленіе вообще не было пріучено. 5 января 1862 года Бейдеманъ съ пылкостью писалъ:

„Изъ всего сказаннаго и написаннаго до сихъ поръ можно вывести, самымъ строгимъ и послѣдовательнымъ порядкомъ, заключеніе о причинѣ моего возвращенія изъ Швеціи,—о намѣреніяхъ, которыя я желалъ привести въ исполненіе, однимъ словомъ о всѣхъ тѣхъ

обстоятельствахъ, которыя необходимы для новаго судебнаго обслѣдованія моего дѣла. Въ немъ до сихъ поръ остается только одно темное мѣсто: причина, побудившая меня выѣхать изъ отечества. Желая сдѣлать все дѣло яснѣе, такъ сказать, удобоваримѣе, я хочу дать нѣсколько объясненій объ этомъ пунктѣ.

„До сихъ поръ я рѣшительно отказывался отъ этого,—и мое новое намѣреніе—результатъ не четырехмѣсячнаго прозябанія въ Алексѣевскомъ равелинѣ, а слѣдствіе болѣе полнаго обсужденія моего настоящаго положенія. Признаюсь, что послѣ того, какъ я очень ясно выразилъ свой взглядъ на настоящее правительство, съ моей стороны было бы непростительною слабостью, если не сказать ребячествомъ, скрывать то, что нераздѣльно связано съ этимъ взглядомъ. Причина, побудившая меня оставить отечество, та же самая, которая побудила меня возвратиться въ него: желаніе уничтоженія настоящаго правительства, современныхъ государственныхъ и общественныхъ формъ и твердое намѣреніе, на обломкахъ этого уродливаго зданія содѣйствовать къ устройству такого государства, такихъ общественныхъ отношеній, которыя бы были сообразны съ правдою, съ здравымъ смысломъ и съ настоящими и будущими потребностями русскаго народа. О подробностяхъ моего плана и о томъ обстоятельствѣ, почему я избралъ финляндскую дорогу для своего удаленія, и, наконецъ, почему самое мое удаленіе изъ Россіи было необходимо для выполненія моихъ намѣреній, я не хочу распространяться: оно совершенно безполезно: если бы мнѣ удалось ихъ выполнить, я бы не сидѣлъ въ настоящее время въ равелинѣ. Это самое ясное объясненіе, которое я могу дать на вышеприведенный вопросъ: излишнія подробности затемнили бы только дѣло.

„О житьѣ моемъ въ Швеціи я уже писалъ, это такой пунктъ въ моемъ дѣлѣ, который выходитъ изъ сферы полицейскаго разслѣдованія и объ который рушатся всѣ махинаціи не одного III Отдѣл., но всѣхъ 4-хъ Отдѣленій вкупѣ. Швеція имѣетъ счастіе принадлежать къ тѣмъ немногимъ государствамъ Европы, которыя не терпятъ полицейскаго вмѣшательства чужого правительства. Всѣ же обстоятельства моей жизни въ Финляндіи, по возвращеніи моемъ изъ Швеціи, могутъ быть дознаны—въ этомъ случаѣ мнѣ нечего прибавлять или объяснять.

„Но можетъ родиться слѣдующій вопросъ: не имѣлъ ли я сообщниковъ въ своихъ замысловъ до удаленія моего изъ Россіи? Объ этомъ нѣсколько словъ. При современномъ напряженномъ состояніи нашего общества легче, чѣмъ когда-нибудь, составлять заговоры, но я былъ всегда того мнѣнія, что въ русской жизни заговоры, несмотря на всю энергію и дѣятельность своихъ членовъ, не достигаютъ и не достигнутъ своей цѣли, потому что они — выраженіе меньшинства русскаго общества, слишкомъ отдѣленнаго отъ народа. Моя цѣль—поднять народъ, поднять 40 мил. крестьянъ, передъ которыми и тайная и явная полиція совершенно безсильна, а для открытія заговоровъ правительство держитъ огромную шайку шпіоновъ, въ мундирахъ небеснаго цвѣта (свѣтло-голубой) и безъ оныхъ,—они и открываются. Слѣдовательно, было бы слишкомъ близоруко съ моей стороны составлять какія бы то ни было общества. Если бы народъ, т. е. крестьяне, объявивши открытую войну правительству,—чего я хотѣлъ достигнуть,—тогда всѣ заговоры для

борьбы съ настоящимъ правительствомъ сдѣлались они безполезнями,—оно обрушилось бы безвозвратно и навсегда.

Михаилъ Бейдеманъ.

„Говоря о Швеціи, я не могу безъ негодованія вспомнить о томъ позорномъ дѣлѣ, которымъ заклеймило себя недавно настоящее правительство.—Не удивительно бы было, если бы подлѣйшее правительство въ мірѣ—австрійское—изъ дружбы къ Россіи,—которой она тайный, недоброжелательный и всегдашній врагъ,—послало бы въ Зимній Дворецъ хлопотать о преслѣдованіи всякой свободной русской мысли; не удивительно бы было, если бы на самомъ верху Сухаревой башни стараніями австрійскихъ графовъ изъ передней этого дворца была построена обсерваторія для австрійскихъ шпіоновъ, въ видахъ наблюденія за московскими славянофилами: но безконечнаго презрѣнія заслуживаютъ такіе дальновидные умы, какъ Замятинъ, которые вносятъ на утвержденіе Государственнаго Совѣта мнѣнія о преслѣдованіи русскихъ за ненависть къ Австріи, и преступно со стороны Государственнаго Совѣта утверждать подобные образчики умственной наглости, рабства и крайняго презрѣнія къ русскому народу [1]).—Какъ

---

[1]) Гнѣвная приписка къ письму вызвана правительственной мѣрой, которой «Колоколъ» посвятилъ двѣ замѣтки: въ № 93 отъ 1 марта 1861 года и въ № 95 отъ 1 апрѣля. Конечно, изъ этихъ замѣтокъ узналъ о нихъ и Бейдеманъ. Въ № 93 «Колокола» подъ заголовкомъ: «Послѣднее убѣжище изгнанниковъ закрыто» читаемъ»: У г-жи Замятниной есть мужъ, исправляющій должность великана и нѣмого евнуха при императорскомъ сералѣ юстиціи. Оказывается, что небольшаго роста великанъ и въ нѣмые не годится: онъ такъ громко сталъ говорить молоть, что даже въ Таймсѣ раздалось ((Times 16 February). «Сенатскія вѣдомости» обнародовали законъ (англичане не имѣютъ другого слога для этого рода бумагъ), утвержденный государемъ по представленію Замятнина о преслѣдованіи преступленій противъ монарховъ, находящихся въ дружескихъ сношеніяхъ съ Россіей. На основаніи этого закона будетъ сдѣлана конвенція между Россіей и Австріей о наказаніи государственныхъ преступниковъ». А въ № 95 дано дополнительное сообщеніе подъ заголовкомъ «Розги и плети, употребляемыя международно». «Иностранныя газеты, передовая русскія новости часто вводятъ насъ въ ошибки. Такъ Таймсъ разсказалъ совсѣмъ невѣрно Замятнинскій законъ о наказаніи государственныхъ преступниковъ противъ другихъ государствъ (См. Кол. 93); на дѣлѣ онъ гораздо гнуснѣе, вотъ что напечатано въ СПБ. Вѣдомостяхъ: «Государственный совѣтъ, мнѣніемъ своимъ, высоч. утвер. 16 іюня 1858 г., положилъ: предположенное главноуправляющимъ II отд. собств. е. и. в. канцеляріи дополненіе подлежащихъ статей Уложенія о наказаніяхъ, имѣющее служить основаніемъ для заключенія условія съ австрійскимъ правительствомъ о взаимности наказаній по государственнымъ преступленіямъ, утвердить, и, вслѣдствіе того, постановить. Если одно изъ преступленій, означенныхъ въ ст. 293, 261, 265, 271, 272 и 275 улож. о наказаніи, будетъ учинено—противъ иностраннаго государства, съ которымъ, на основаніи трактатовъ или обнародованныхъ о томъ узаконеній, постановлена надлежащая, въ семъ отношеніи, обоюдная взаимность или же противъ верховной того государства власти, виновные, буде къ сему не присоединится и преступленіе, подлежащее другому, болѣе тяжкому наказанію, приговариваются: къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ какъ личныхъ, такъ и по состоянію осужденнаго ему присвоенныхъ и къ ссылкѣ на житье въ губерніи Томскую и Тобольскую, или-же, если они не изъяты отъ наказаній тѣлесныхъ, къ наказанію розгами, въ мѣрѣ, опредѣленной ст. 33 сего уложенія для четвертой или пятой степени наказаній сего рода, и къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства, на время отъ двухъ до четырехъ лѣтъ, или отъ одного года до двухъ лѣтъ. Когда-же сіе преступленіе учинено съ увеличивающими вину обстоятельствами, то къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, въ мѣста не самыя отдаленныя, а буде они не изъяты отъ наказаній тѣлесныхъ, и къ наказанію плетьми черезъ палачей, въ мѣрѣ, опредѣленной ст. 22 сего уложенія для второй степени наказаній сего рода».

согласить подобныя уродливыя явленія правительственнаго разврата съ нотами пустоглаголящаго министра Горчакова, въ которыхъ онъ торжественно объявляетъ передъ лицомъ всей Европы, что русское правительство въ своей политикѣ будетъ преслѣдовать интересы своего народа,—что же это, какъ не возмутительная насмѣшка и надъ русскимъ народомъ и надъ здравымъ смысломъ!

Но дорого платятъ за подобныя насмѣшки.

М. Бейдеманъ.

6.

25 января 1862 года, по желанію Бейдемана, его посѣтилъ генералъ Потаповъ, не оставившій никакого отчета о своей бесѣдѣ съ заключеннымъ. Надо думать, что она прошла недружелюбно, ибо навѣяла Бейдеману слѣдующее оригинальное произведеніе.

Нѣчто объ Утопіи.

(Посвящается г-ну Потапову).

Не все то золото, что блеститъ.

(Русская пословица).

„Въ словарѣ человѣчества есть нѣсколько словъ, судьба которыхъ очень замысловата. Сказанное, обыкновенно, отдѣльною личностью извѣстной національности на извѣстной почвѣ, получаетъ то слово право гражданства у всѣхъ народовъ, на различныхъ почвахъ; повторяютъ то слово всегда и вездѣ, говорятъ то слово кстати и некстати. Къ такимъ привилегированнымъ словамъ принадлежитъ безспорно и слово Утопія (Utopie, Utopien). Сказала то слово могучее, на англійской почвѣ, одна изъ громаднѣйшихъ личностей XVII столѣтія Ѳома Моръ (Thomas Morus), раздавленная подъ гнетомъ деспотизма Генриха VIII. Въ своей книгѣ, написанной по тогдашнему обычаю на латинскомъ языкѣ и озаглавленной словомъ Utopia, онъ произносилъ страшное слово осужденія тогдашнему порядку вещей и тогдашнему общественному устройству; могучей рукой рисовалъ онъ и другое общество и другія общественныя отношенія. Заклеймили тѣмъ словомъ всякую честную мысль объ уродливой постройкѣ совершеннаго общества, всякую благородную мечту о человѣческомъ и нравственномъ распредѣленіи матеріальныхъ средствъ существованія, и объ совершенной умственной свободѣ всѣхъ личностей въ кастическомъ обществѣ. Пошло гулять съ тѣхъ поръ то слово по бѣлому свѣту: шипятъ его шипомъ змѣинымъ и бояре—помѣщики, и сановники со звѣздами и генерала шитые,—больно любятъ они то слово безсмысленное; шипятъ его всѣ ученые тупоумные, шипитъ его всякая тварь подколодная. Но дѣйствительно ли все то утопія, что мечтается; и все то суть, что существуетъ? Дѣйствительно ли былъ утопистъ Гракхъ Бабефъ, который за свои убѣжденія сложилъ голову на эшафотѣ, и дѣйствительно ли практическіе умы—та стая пошлыхъ французскихъ экономистовъ, какъ напр.: Мишель Шевалье, Беловскій

и etc., которые уживаются съ такимъ подло-наглымъ правительствомъ, какъ правительство Луи Наполеона? Дѣйствительно ли былъ утопистъ Робертъ Оуенъ, котораго вся жизнь была однимъ подвигомъ, и дѣйствительно ли нравственные люди такіе дѣятели, какъ Маколей, Брумъ, Пальмерстонъ и Гладстонъ?.. Дѣйствительно ли были утописты Стенька Разинъ и Емельянъ Пугачевъ, которые погибли страшною смертью въ рукахъ подло-низкаго (не русскаго) правительства, и дѣйствительно ли благородные граждане и практическіе дѣятели такая сволочь, какъ Панинъ, Долгорукій, Гагаринъ, Игнатьевъ (Анаѳема!!!..), Муравьевъ[1]), Бутковъ, Строгановъ, Адлербергъ[2]), и т. д. Дѣйствительно ли утописты такія свѣтлыя личности, какъ Огаревъ и Герценъ. и дѣйствительно ли практическіе дѣятели такіе умишки, какъ Бабстъ[3]), Чечеринъ, Безобразовъ и другая московская кислятина?... Съ другой стороны что такое нелѣпое самодержавіе, какъ не величайшая утопія? (Разумѣется съ точки зрѣнія пользы, какую оно приноситъ обществу, а не съ точки зрѣнія особъ первыхъ трехъ классовъ, т. е. покрытія грабежа, чиновническаго разбоя, всякой неправды и другой гадости). Что такое наше чиновничество, какъ не утопія? (Опять таки съ точки зрѣнія общественной пользы, а не съ точки зрѣнія г. Переверзева, который въ министерствѣ финансовъ доказалъ, какъ дважды два—четыре, что честность есть утопія, потому самому его сдѣлали сенаторомъ[4]) для доказательства другой аксіомы: справедливость и правдивость есть утопія, что онъ и не замедлилъ доказать). Что такое весь нынѣшній порядокъ вещей, какъ не утопія? (Опять съ точки зрѣнія пользы русскому народу, а не съ точки зрѣнія такой нѣмецкой ж...., какъ Адлербергъ, которому больно милы и грабежъ администраціи, и неправда въ судахъ, и рабство, и безотвѣтственный разбой, и преслѣдованіе всякой свободной русской мысли: больно милы ему и министерство двора и темная театральная дирекція съ чиновническимъ характеромъ. По нашему крайнему разумѣнію его бы давно пора nach Vaterland, пускай бы цѣловался тамъ съ Миной Іогановной[5]).

— На первые вопросы отвѣчаю — нѣтъ.

— На вторые вопросы отвѣчаю — да.

„Теперь нѣсколько словъ къ вамъ, г. Потаповъ. Вы—утопистъ потому самому, что вы должны или отказаться отъ здраваго смысла, или оставить III Отдѣленіе. Я называю утопіей желаніе принести пользу русскому народу, служа въ III Отдѣленіи: здравый смыслъ

---

[1]) Прошу г. читателя, т. е. г-на III Отдѣленіе, увѣдомить меня, когда отправить сего добраго мужа на покой, я отъ всего сердца скажу ему Анаѳему, какъ говорю это Игнатьеву. Примѣчаніе Бейдемана.

[2]) Какъ позабыть такого голубчика. Примѣчаніе Бейдемана.

[3]) Такъ и слышится картофельная отрыжка питерскаго сапожника изъ нѣмцевъ, проживающаго на Васильевск. Островѣ. Примѣч. Бейдемана.

[4]) Доходили эти слухи и до Швеціи. Примѣчаніе Бейдемана. Эта ироническая фраза должна бы быть истолкована, какъ отголосокъ замѣтки «Колокола» о Переверзевѣ въ № 92: «Сенатскія арестантскія роты (Осужденный Переверзевъ)».

[5]) Мина Ивановна, сожительница г. Адлерберга, была притчей Петербурга. Не умолчалъ о ней, конечно, и «Колоколъ». См. напр. замѣтку «Домъ, примкнувшійся къ Минѣ Ивановнѣ на почтовыхъ» въ № 84 отъ 1 ноября 1860 г.

осуждаетъ всякое тайно-полицейское преслѣдованіе злоупотребленій, слѣдовательно вамъ остается преслѣдовать *нашего брата*, а это ужъ того, не для меня,—не безпокойтесь, я и самъ *зубастъ*,— а для юношей неопытныхъ. Хотя вы и не Богъ знаетъ что преобразовали въ Петербургѣ и въ Москвѣ (объ вашей дѣятельности въ Варшавѣ я въ неизвѣстности), но все таки вы показали честное русское намѣреніе дѣйствовать добросовѣстно; а за это большое спасибо. Одно странно въ вашей дѣятельности: это быстрое перескакиваніе съ одного мѣста на другое, изъ одной столицы въ другую; или васъ увлекали роковыя слова: *Петербургъ, Москва, Варшава*, или что-нибудь другое, только это обстоятельство заставляетъ задумываться насчетъ характера вашихъ реформъ. Вѣдь вы не сказочный богатырь, г. Потаповъ, а ужъ тотъ богатырь

Башни за облакъ кидаетъ.

„На всѣхъ парусахъ промчавшись мимо трехъ столицъ, бѣлокаменныхъ, вы бросили якорь въ III Отдѣленіе,—это уже изъ рукъ вонъ. Оставьте пожинать лавры на этомъ поприщѣ всякимъ нѣмецкимъ ер... и поѣзжайте въ Москву преобразовывать полицію на *русскій ладъ* (только не на нѣмецкій, т. е. не на чиновническій). Этимъ вы избавите честное русское имя отъ позора, и принесете дѣйствительную пользу русскому народу. Не сомнѣваясь въ вашемъ благородствѣ, я думаю, что вы примите этотъ совѣтъ.

P. S. Если вы встрѣтите г. Шувалова, то передайте ему отъ меня мое русское спасибо за то, что онъ отказался украшать своимъ присутствіемъ III Отделеніе, чѣмъ онъ набавилъ еще одно русское имя отъ сраму и вѣчнаго позора.

„*Примѣчаніе*: Манифестъ объ *освобожденіи крестьянъ* я не причисляю даже къ утопіямъ, это такая х....., что не нахожу довольно словъ, чтобы выразить его суть: вообще, онъ подлъ ниже всякой подлости, скверенъ ниже всякой скверности, мерзокъ ниже всякой мерзости, нелѣпъ ниже всякой нелепости и гадокъ ниже всякой гадости...

Михайло Бейдеманъ.

Въ этомъ произведеніи останавливаетъ наше вниманіе несколько бережное и до извѣстной степени снисходительное отношеніе къ Потапову не въ примѣръ бичуемой Бейдеманомъ компаніи Аделберга, Муравьева, Игнатьева и т. д. Потапов для него еще не опредѣлился. Нѣкоторыя подробности о Потаповѣ Бейдеманъ могъ читать въ „Колоколѣ“. Въ № 84 от 1 ноября 1860 г. Потаповъ, тогда исправлявшій должность петербургскаго полицмейстера, былъ задѣтъ въ замѣткѣ „Полицейскій маскарадъ Игнатьева“. В № 92 отъ 15 февраля 1861 года, сообщая о вступленіи Потапова въ должность московскаго оберъ-полицмейстера, Герценъ рекомендовалъ ему обратить вниманіе на *чиновниковъ* при московской ямѣ. По поводу этой замѣтки Герценъ получилъ любопытное „исправительное“ письмо, которое онъ напечаталъ въ № 95 отъ 1 апрѣля 1861 года. Авторъ письма вступился за обиженного Герценомъ Потапова; онъ пишетъ, что Потаповъ заслуживаетъ благодарности за учрежденный имъ словесный судъ (въ полиціи) въ Москвѣ, за увеличеніе жалованія полицейскимъ чиновникамъ и т. д. Герценъ иронически высмѣивалъ автора письма, но не отка-

зался признать хорошія черты въ дѣятельности Потапова: „насъ упрекаютъ, что мы, отдавая полную справедливость клопамъ, не хотимъ ее отдать Потапову. Помилуйте, господа, да мы Потапова не знаемъ, готовы вѣрить, что онъ будетъ хорошій оберъ-полицмейстеръ, а свойство клоповъ знаемъ очень хорошо. Да, Потаповъ добродѣтельный оберъ-полицмейстеръ,—мы не споримъ,—мало ли что есть въ Москвѣ, такъ еще есть Степанъ Петровичъ Шевыревъ, тотъ очень хорошій человѣкъ"... Несомнѣнно, впечатлѣніемъ этой полемики между Герценомъ и авторомъ исправительнаго письма объясняется извѣстная терпимость Бейдемана къ Потапову.

Князь Долгоруковъ, прочитавъ произведеніе Бейдемана, приказалъ „пріобщить его къ дѣлу для соображенія въ случаѣ надобности".

Пріобщены къ дѣлу и литературныя произведенія Бейдемана: статья „Славянофильство, какъ принципъ", статья „Объ учрежденіи ярмарки въ м. Довское" и довольно большая поэма въ стихахъ „Ванюша"—подражаніе древне-русской повѣсти „Горе Злосчастіе". О второмъ изъ названныхъ произведеній мы не будемъ говорить по совершенной его незначительности.

Поэма „Ванюша"—подражаніе древне-русской повѣсти „Горе Злосчастіе" не имѣетъ художественныхъ достоинствъ и въ рѣзкой фривольной формѣ повторяетъ въ стихахъ тѣ же мысли, которыя раньше Бейдеманъ излагалъ въ прозѣ. Общая тема—обманъ крестьянства, совершенный Александромъ II въ Положеніи 19 февраля.

Въ приложеніи мы воспроизводимъ полный текстъ поэмы [1]).

Очень цѣнна для выясненія источника политическихъ взглядовъ Бейдемана статья „Славянофильство, какъ принципъ". Эту статью мы считаемъ нужнымъ привести цѣликомъ въ приложеніяхъ.

Кромѣ литературныхъ произведеній, подшитъ къ дѣлу и конституціонный проектъ Бейдемана. Онъ сохранился только въ копіи III Отдѣленія, да и то незаконченной: остается неизвѣстнымъ, была ли работа прервана самимъ Бейдеманомъ за полной безплодностью или была прервана переписка за полной ненужностью проекта. Не можемъ также опредѣлить, къ какому періоду тюремной жизни Бейдемана относится составленіе этого проекта. Конституціонныя вожделѣнія Бейдемана крайне скромны и сводятся къ введенію выборнаго элемента въ составъ Государственнаго Совѣта при сохраненіи исключительно совѣщательнаго характера за этимъ учрежденіемъ. Текстъ конституціоннаго проекта воспроизводится въ приложеніяхъ.

7.

Въ первыхъ числахъ января 1863 года Бейдеманъ пожелалъ „имѣть свиданіе съ Потаповымъ для объясненій". 3 января Потаповъ испросилъ разрѣшенія на посѣщеніе у князя Долгорукова, князь въ свою очередь—у Александра II. 5 января дано было высочайшее разрѣшеніе и 10 января Потаповъ былъ въ равелинѣ. Въ дѣлѣ имѣется скупая помѣтка Потапова: „былъ и лично доложилъ Его Сіятельству".

---

[1]) «Повѣсть о Горѣ-Злосчастіи» была открыта А. Н. Пыпинымъ и впервые опубликована въ «Современникѣ» въ 1856 году. Произведеніе Бейдемана—поддѣлка подъ эту народную повѣсть съ заимствованіемъ словъ, эпитетовъ, цѣлыхъ стиховъ. Литературный анализъ не входитъ въ задачу нашей работы.

Очевидно, конечно, что Потаповъ убѣждалъ Бейдемана открыть все. Результатомъ посѣщенія было новое обращеніе Бейдемана уже не къ шефу жандармовъ, а къ самому Государю. Оно не содержало рѣзкихъ обличеній, но не было и просьбой о помилованіи. Это была новая попытка уяснить тюремщикамъ революціонную психологію. Бейдеманъ повторялъ тотъ же анализъ дѣйствительности въ новыхъ выраженіяхъ, на этотъ разъ сдержанныхъ и спокойныхъ, и давалъ то же объясненіе генезису революціоннаго чувства. Но было и новое въ этой его запискѣ. Онъ, во-первыхъ, открылся относительно своей заграничной жизни и объяснилъ, что, живя въ Лондонѣ, онъ работалъ, какъ наборщикъ, въ типографіи „Колокола“ и, во-вторыхъ, взялъ назадъ свое признаніе въ замыслѣ на цареубійство. Подчеркивая свое намѣреніе вести агитацію въ народѣ—спеціально среди раскольничьяго населенія сѣвера—и поднять возстаніе, Бейдеманъ сознавался въ томъ, что неудача въ самомъ началѣ дѣла, безславный конецъ побудилъ его прибѣгнуть къ маскировкѣ дѣла и оговорить самого себя въ цареубійственномъ замыслѣ. „Все это было не такъ—я долженъ сознаться, но въ моемъ положеніи не было, изъ чего выбирать“—писалъ Бейдеманъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Бейдеманъ сдѣлалъ въ своемъ объясненіи очень неясные и таинственные намеки о причинахъ удаленія изъ Россіи. Онъ отказывался открыть правду до конца, говорилъ, что это выше его силъ, указывалъ на какія-то тяжелыя обстоятельства, повидимому, интимнаго характера... „Скажу только, что, если я не сдѣлался убійцею, то въ этомъ случаѣ я обязанъ слѣпому случаю, что моя собственная совѣсть давно уже осудила меня. Но въ этомъ, Ваше Величество, не было ничего противоправительственнаго. Если бы фактъ совершился, я бы отвѣчалъ вамъ, какъ Верховному Судьѣ, но въ настоящемъ случаѣ я долженъ отвѣчать, какъ подданный, возставшій на своего Государя“. Представляя царю искреннее изложеніе своего преступленія, Бейдеманъ настоятельно совѣтовалъ ему дать конституцію Россіи и тѣмъ положить самую крѣпкую основу для будущаго развитія отечества, а себѣ—пріобрѣсти имя Великаго изъ Великихъ.

Приводимъ полностью письмо Бейдемана, лебединую пѣснь, пропѣтую въ стѣнахъ равелина.

„Великій Государь.

„Если я беру на себя смѣлость писать къ Вашему Величеству, то это не съ цѣлью выпросить помилованіе своему поступку—поступку, до того выступающему изъ ряда обыкновенныхъ противо-правительственныхъ проступковъ и такъ громко говорящему за самого себя,—что, я думаю, всякое стараніе оправдать себя было бы дѣломъ столь же дерзкимъ, сколько недобросовѣстнымъ.—Причина тому, съ одной стороны—потребность, понятная въ человѣкѣ въ моемъ положеніи, раскрыть свою душу, съ другой стороны—то убѣжденіе, что рано или поздно Вашему Величеству все будетъ извѣстно. Слѣдовательно, или желаніе совершенно скрыть настоящее дѣло, или двусмысленная полуоткровенность—въ обоихъ случаяхъ является, какъ актъ преступной неспособности стать лицомъ къ лицу съ чистою совѣстью.

„Обстоятельства не могутъ всего оправдывать, и если человѣческая жизнь подвержена уклоненіямъ, то причина ихъ столько же въ обстоятельствахъ, сколько въ доброй волѣ всякаго человѣка. Если

вслѣдствіе тяжелыхъ обстоятельствъ—я принужденъ былъ оставить отечество, то обратное возвращеніе въ него съ цѣлью поднять бунтъ,—было дѣломъ личныхъ моихъ соображеній, актомъ моей доброй воли. Что касается до первыхъ, то признаюсь Вашему Величеству, что полная исповѣдь—свыше моихъ силъ. Это та сторона моего сердца, которая тяжело и трудно раскрывается, которая слишкомъ лична для того, чтобы совершенно высказаться. Скажу только, что, если я не сдѣлался убійцею, то въ этомъ случаѣ обязанъ слѣпому случаю, что моя собственная совѣсть давно уже осудила меня. Но во всемъ этомъ, Ваше Величество, не было ничего противоправительственнаго.—Если бы фактъ совершился, я бы отвѣчалъ Вамъ, какъ Верховному судьѣ, но въ настоящемъ случаѣ я долженъ отвѣчать, какъ подданный, возставшій на своего Государя.

„Начну съ причинъ болѣе отдаленныхъ, но тѣмъ не менѣе имѣющихъ ту или другую связь со всѣмъ послѣдующимъ. Русская общественная жизнь представляется до сихъ поръ явленіемъ хаоса, безпорядочной борьбы благородныхъ стремленій, съ одной стороны, съ другой—той грустной, возмутительной обстановки, въ которой пребавляется огромное большинство русскаго народа. Если воспитаніемъ, молодымъ неиспорченнымъ чувствомъ, мы выходимъ половиною нашего существованія изъ этой рамки, то зато другою половиною мы глубоко проникаемся развращеніемъ обыденнаго строя. Причина тому—и наше поверхностное воспитаніе и ученіе, и взаимная зависимость общественныхъ явленій. Живой темпераментъ, который данъ Богомъ на долю русскаго человѣка, требуетъ въ своихъ стремленіяхъ скораго и полнаго удовлетворенія, котораго не можетъ дать совершенно инертная жизнь большинства; оттого въ этихъ стремленіяхъ нѣтъ мѣры, нѣтъ закона, разумнаго основанія.—Государственное устройство нашего отечества, инертное по самой своей природѣ, тѣмъ болѣе неудовлетворительное, что безотвѣтственное чиновничество, своимъ развращающимъ вліяніемъ на общественную и народную жизнь, глубоко возмущало всякое свѣжее чувство, всякое сердце, въ которомъ была хоть капля патріотическаго жара. А между тѣмъ Правительство вело себя такъ, какъ будто бы этого не замѣчало или не хотѣло замѣтить; большинство правительственныхъ людей даже защищало такой порядокъ вещей, потому что находило въ этомъ свою выгоду. До Бога высоко, а до Царя далеко—говорило большинство и видѣло въ этомъ необходимость, противъ которой ничего не подѣлаешь. А негодованіе росло и росло,—и что удивительнаго, если составлялись заговоры противъ Верховной власти, въ которой видѣли силу, поддерживающую всю эту мерзость. Законнаго способа къ выраженію своего недовольства не было, да это было и опасно; оставалось писать доносы, что было противно нравственному чувству. Конечно, во всемъ этомъ нельзя обвинять одно правительство, виновато тутъ было и общество, которое было слишкомъ равнодушно ко всему, что его окружало, въ которомъ было слишкомъ мало нравственной энергіи для того, чтобы ужиться и допустить это растлѣніе. Но возрожденіе общества было невозможно при такихъ условіяхъ, въ которыхъ оно жило, и мысль, что легче свергнуть правительство, нежели исправить общество,—очень естественна.—Вотъ отчего во всѣхъ заговорахъ прошлаго царствованія, не смотря на всю безукоризненность стремленій, на всю энергію и умъ ихъ коноводовъ,—видна какая то болѣзненная несостоятельность. Вотъ отчего всѣ наши протесты не

имѣютъ грозной силы доказательства; они—порывы нетерпѣнія, бѣшенаго раздраженія, но только порывы. Въ нашемъ обществѣ не можетъ быть организованныхъ оппозицій, и именно потому, что самое это общество слишкомъ раздѣлено.—Оппозиція, сильная энергіею и единодушіемъ, возможна только въ нашемъ народѣ; такою она дѣйствительно явилась при Стенькѣ Разинѣ и Ем. Пугачевѣ.

„Всѣхъ этимъ, Ваше Величество, я хочу сказать, что недовольство правительствомъ—естественный результатъ противорѣчія здравыхъ человѣческихъ понятій съ тѣмъ, что происходитъ на самомъ дѣлѣ; это недовольство будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока правительство будетъ чуждо тѣхъ мнѣній, которыя начинаетъ высказывать возрождающееся общество; пока наше отечество не будетъ имѣть такого государственнаго устройства, при которомъ и правительство, и общество будутъ составлять одно цѣлое, пока Ваше Величество не дастъ представителямъ общества законную мѣру участія въ правительственныхъ дѣлахъ. Этимъ дѣломъ Ваше Величество положитъ самую крѣпкую основу для будущаго развитія нашего отечества и пріобрѣтетъ себѣ имя Великаго изъ Великихъ. Но до сихъ поръ это недовольство повсемѣстно,—мы выносимъ его прямо изъ жизни, а потому оно, дѣйствительно, сначала неопредѣленное, безъ яснаго сознанія и настоящей причины этого чувства, средствъ къ разумному его удовлетворенію, впослѣдствіи вырастаетъ въ то болѣзненное чувство отчаянія, которое порождаетъ заговоры, не имѣющіе никакой опоры, никакой почвы ни въ обществѣ, ни въ самой жизни. До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, было такъ.

„Если я съ самаго начала сказалъ, что оставилъ отечество вслѣдствіе обстоятельствъ, то и въ этомъ случаѣ и не могу, и не долженъ оправдываться передъ Вашимъ Величествомъ; я только могу просить Васъ не требовать отъ меня полнаго признанія въ этомъ дѣлѣ. Проѣхавъ въ Куопіо, я перемѣнилъ свое платье и пѣшкомъ сталъ пробираться къ шведской границѣ, которую и перешелъ черезъ четыре недѣли. Очутясь на чужой землѣ, я принялъ твердое намѣреніе отправиться въ Италію къ Гарибальди, во первыхъ, потому, что это прямо соотвѣтствовало моимъ военнымъ наклонностямъ, а во вторыхъ, что въ неаполитанскомъ возстаніи были всѣ задатки для будущаго возстанія турецкихъ славянъ. Не хочу скрыть отъ Вашего Величества и того, что поддержка и сочувствіе нашего правительства къ Бурбонской династіи была одна изъ причинъ искренно желать паденія Франциска II. Поддержка такихъ личностей, какъ Фердинандъ и его сынъ, если не было со стороны Россіи дѣломъ безславнымъ, то во всякомъ случаѣ возмутительнымъ. Если принципъ законности—хорошъ самъ по себѣ, то ужъ лучше совершенное невмѣшательство, чѣмъ приложеніе его къ такимъ несчастнымъ случаямъ, какъ поддержка Неаполя и Австріи. Если народныя симпатіи и антипатіи не всегда могутъ руководить политикой правительства, то, съ другой стороны, эта политика не должна возмущать чувства народной гордости. Подъ чужимъ именемъ я успѣлъ черезъ два мѣсяца пройти Швецію, а въ концѣ октября былъ уже въ Англіи. Вашему Величеству извѣстно, что въ Лондонѣ есть Русская Типографія, въ которой печатаютъ такія вещи, которыя, къ глубокому сожалѣнію, не могутъ печататься въ нашемъ отечествѣ. Во главѣ этого заграничнаго литературнаго движенія стоятъ двѣ личности, соединяющія громадныя духовныя силы съ самою горячею любовью къ Россіи. Оправдывать Герцена и Ога-

рева передъ лицомъ Вашего Величества было бы съ моей стороны дѣломъ слишкомъ смѣлымъ, да наврядъ-ли они нуждаются въ оправданіи и защитѣ. Скажу только, положа руку на сердце, что я бы отъ всей души желалъ, чтобы въ нашемъ отечестве было бы побольше людей, въ которыхъ, было бы столько же любви къ Россіи, столько же сознательнаго участія къ ея будущности. Два раза порывался я отправиться изъ Англіи въ Италію и оба раза неудачно. Тогда я сдѣлался наборщикомъ въ Русской Типографіи. Всѣ мои мысли обратились исключительно на то дѣло, которое по волѣ Вашего Величества, должно было составить эпоху въ нашей исторіи,—на великое дѣло освобожденія крестьянъ. При этомъ не могу не сознаться Вашему Величеству, что если во всемъ ходѣ крестьянскаго вопроса правительству принадлежала, безспорно, сторона праваго, если оно создавало великую основу будущности русскаго народа, то съ другой стороны во всѣхъ обстоятельствахъ, сопровождающихъ его рѣшеніе были всѣ причины къ энергической оппозиціи со стороны депутатовъ отъ дворянства; было много такихъ уклоненій со стороны самого правительства, что все это могло заставить лопнуть терпѣніе, самое вѣрноподданническое. Реформы должно вести рѣшительно, и полумѣры только раздражаютъ. Наконецъ, самый февральскій манифестъ, которымъ Ваше Величество объявили Россіи великую радость, поселилъ во мнѣ рѣшительное убѣжденіе, что только сильная оппозиція дворянства могла заставить правительство принять реформу государственнаго устройства нашего отечества. Но оппозиція одного дворянства въ настоящее время не мыслима, она не имѣетъ почвы въ народѣ, а потому безсильна: только сильнымъ народнымъ возстаніемъ можно было дать этой оппозиціи и жизнь, и силу. И я рѣшился на самый подлый поступокъ для достиженія своей цѣли. Онъ извѣстенъ Вашему Величеству, и я не буду о немъ распространяться; да и силъ не хватаетъ. Въ одномъ могу увѣрить Ваше Величество, что изобрѣтеніе всего плана принадлежитъ исключительно мнѣ, и никто изъ русскихъ, живущихъ въ Лондонѣ, не только не зналъ объ немъ, но и настоящее мѣсто моего отправленія изъ Англіи, въ маѣ мѣсяцѣ, осталось неизвѣстнымъ. Въ маѣ я пріѣхалъ въ Норвегію и черезъ Лапландію отправился къ границамъ Финляндіи, которыя и перешелъ въ іюлѣ мѣсяцѣ. Начать дѣло я предполагалъ между раскольниками Архангельской губерніи, во-первыхъ, потому, что необозримые лѣса—очень хорошій театръ для партизанскихъ дѣйствій, а во-вторыхъ потому, что здѣсь, за неимѣніемъ помѣщиковъ, возстаніе переставало быть движеніемъ соціальнымъ и получало характеръ возстанія противъ правительства. Я думалъ такъ: самое главное въ этомъ дѣлѣ начало, и если рано или поздно прійдется сложить голову, то во всякомъ случаѣ можно очень много сдѣлать. Но Вашему Величеству извѣстно, что и самое начало дѣла не удалось: я былъ безславно остановленъ въ Финляндіи. Дѣло рушилось, и я рѣшился лучше стоять до конца, чѣмъ подло оправдываться въ чемъ бы то ни было. Мнѣ оставалась одна позорная смерть, и я не задумался замаскировать настоящее дѣло сознаніемъ въ покушеніи на дорогую жизнь Вашего Величества. Все это было не такъ—я долженъ сознаться, но въ моемъ положеніи не было, изъ чего выбирать. Скоро тому минетъ полтора года, въ это время много было съ моей стороны напраснаго упрямства, много лишнихъ словъ, но, рѣшившись откровенно сознаться Вашему Величеству, я бы почелъ преступленіемъ скрыть что бы то ни было. Сдѣланнаго

дѣла не воротишь—я это знаю, знаю также, что позднее раскаяніе совершенно безполезно. Но лучше поздно, чѣмъ никогда. Для полноты исповѣди передъ Вашимъ Величествомъ, я долженъ сознаться, что, находясь въ постоянныхъ столкновеніяхъ съ польскими эмигрантами въ Англіи, я вынесъ оттуда полную симпатію къ этому народу и искреннее желаніе самостоятельнаго возрожденія Польши, какъ начала возрожденія западныхъ славянъ.

„Вотъ все, что я могу, положа руку на сердце, сказать Вашему Величеству. Судить въ Вашей волѣ.

„Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный

Михайло Бейдеманъ".

12 января 1863 г.

Письмо Бейдемана было доложено царю 26 января, оставлено безъ всякихъ послѣдствій и подшито къ дѣлу.

Слѣдующее хронологическое извѣстіе о Бейдеманѣ мы получаемъ не изъ дѣла, а изъ источника литературнаго — воспоминаній Н. В. Шелгунова [1]). Н. В. Шелгуновъ былъ посаженъ въ Алексѣевскій равелинъ 15 апрѣля 1863 года и сидѣлъ здѣсь до 29 ноября 1864 года. Здѣсь онъ имѣлъ возможность перестукиваться съ Бейдеманомъ; приведемъ это цѣнное для біографіи Бейдемана сообщеніе: „Въ арміи Гарибальди было не мало русскихъ, не только мужчинъ, но и женщинъ... Припоминаю еще, что изъ одной финляндской деревни, въ которой стояли русскіе уланы, въ одно прекрасное утро исчезъ русскій офицеръ; послѣ него остался чемоданъ съ военной формой. Загадочное исчезновеніе офицера заставило много говорить, называли и фамилію его, но никто не зналъ, куда онъ дѣлся. Такъ эта исторія и замолкла. Въ апрѣлѣ 1863 года я былъ заключенъ въ Алексѣевскій равелинъ. Не успѣлъ я еще хорошенько основаться въ новой для меня обстановкѣ, какъ сосѣдъ съ правой стороны началъ вызывать на разговоръ энергическимъ стучаніемъ. Изъ неукротимости, съ какою сосѣдъ барабанилъ въ стѣну, я понималъ, насколько онъ желаетъ установить сношеніе, а потому-то и не отвѣчалъ ему. Послѣ нѣсколькихъ дней безплодныхъ вызываній на разговоръ сосѣдъ стучать пересталъ. Такъ прошло мѣсяца три-четыре. Разъ меня привезли въ судъ. Въ первомъ залѣ, въ ожиданіи допроса, стояло уже нѣсколько человѣкъ и между ними, у противоположной мнѣ стѣны, молодой артиллерійскій офицеръ, а рядомъ съ нимъ два часовыхъ съ ружьями (у меня были такіе же ассистенты). Для меня до сихъ поръ остается секретомъ, какимъ манеромъ офицеръ этотъ узналъ, откуда я; но, порывисто отдѣлившись отъ стѣны, онъ быстрымъ, военнымъ шагомъ подошелъ ко мнѣ въ упоръ, и вотъ—нашъ разговоръ, который кончился прежде, чѣмъ часовые успѣли прійти въ себя.

— Въ которомъ №? — спросилъ меня офицеръ.

Я отвѣтилъ.

— Чернышевскій сидитъ въ такомъ-то №.

— А кто со мной рядомъ? — спросилъ я артиллериста, проникнувшись уваженіемъ къ его авторитетному всезнанію.

— Бейдеманъ. Вы за что?

---

[1]) Юбилейный сборникъ Литературнаго Фонда. 1859—1909. Изъ воспоминаній Н. В. Шелгунова, стр. 380—381.

Я отвѣтилъ.

— А вы?

— За то-то.

„И такъ же порывисто офицеръ повернулся и сталъ между своими часовыми.

„Какъ только я вернулся къ себѣ, я самымъ энергическимъ и дружескимъ образомъ сталъ стучать сосѣду. Онъ оказался не злопамятнымъ и отозвался. Когда прошелъ первый порывъ обмѣна чувствъ, сосѣдъ, сдѣлавъ короткую паузу, ударилъ въ стѣну одинъ разъ: „тукъ", затѣмъ, черезъ паузу, два раза — „тукъ-тукъ", потомъ три раза. Я понялъ, что сосѣдъ учитъ меня азбукѣ, пріостановилъ его, взялъ карандашъ и бумагу, затѣмъ опять вызвалъ его и записалъ всю азбуку, которую онъ мнѣ простучалъ. Сосѣдомъ оказался тотъ самый офицеръ Бейдеманъ, который такъ таинственно исчезъ изъ Финляндіи. Онъ убѣжалъ къ Гарибальди, сражался за освобожденіе Италіи, но былъ схваченъ, арестованъ и заключенъ въ Алексѣевскій равелинъ. Въ 1863 году Бейдеману было 23 года. Въ 1864 г. меня освободили такъ внезапно, что я не успѣлъ проститься съ Бейдеманомъ, и не знаю ничего объ его дальнѣйшей судьбѣ".

Итакъ Бейдеманъ передъ III Отдѣленіемъ и царемъ отрицалъ то, что онъ сражался въ войскахъ Гарибальди, но признавалъ это въ разговорѣ черезъ стѣну съ Шелгуновымъ и въ письмѣ къ роднымъ. Послѣднее признаніе представляется намъ болѣе достовѣрнымъ, чѣмъ первое отрицаніе, но необъяснимо, почему Бейдеманъ счелъ нужнымъ скрывать гарибальдійскій эпизодъ своей жизни. Любопытно, что послѣ категорическаго заявленія, сдѣланнаго Шувалову лично 5 октября 1861 г., о томъ, что онъ въ южной Италіи не былъ изъ-за отсутствія денегъ и несмотря на крайнее свое желаніе, Бейдеманъ письменно черезъ 3—4 дня какъ будто хотѣлъ измѣнить свое категорическое утвержденіе: „что же касается до отправленія моего къ Гарибальди, то на этотъ счетъ я вамъ дамъ личное объясненіе" — писалъ Бейдеманъ. Разъ если не былъ у Гарибальди, такъ и объяснять нечего. Знать же, почему не былъ, Шувалову было вовсе не интересно. Кажется, Бейдеманъ по намекамъ Шувалова (а намеки основывались на очень общемъ извѣстіи письма, дошедшаго до начальника таможни) не могъ выяснить, что именно ему извѣстно объ его гарибальдійской эпопеѣ, и потому былъ въ выжидательномъ положеніи, продолжая отрицать и готовя признаніе. На всякій случай свое сообщеніе письма къ роднымъ о поѣздкѣ къ Гарибальди Бейдеманъ готовился истолковать, какъ заявленіе о желаніи ѣхать, но приходилъ въ раздраженіе при мысли, что могутъ безпокоить получившихъ его письмо. 26 октября онъ съ прежней категоричностью утверждалъ письменно, что предположеніе его объ экспедиціи къ Гарибальди не оправдалось. Повторяю, если Бейдеманъ сражался въ войскахъ Гарибальди, то для насъ совершенно непонятно настойчивое отрицаніе этого факта [1]).

[1]) См. дальше сообщеніе о Бейдеманѣ въ «Колоколѣ» отъ 1 августа 1568 г. П. Е. Щеголевъ.

8.

Мы исчерпали всѣ данныя, которыми располагали Александръ II и шефъ жандармовъ въ дѣлѣ Бейдемана. Къ единственному источнику исторіи его жизни—архивному дѣлу мы могли присоединить только одно фактическое свѣдѣніе въ воспоминаніяхъ Н. В. Шелгунова. Но скудныя указанія архивныхъ листковъ, восторженныя и рѣзкія прокламаціи Бейдемана, смѣлое исповѣданіе имъ революціонной вѣры надо вдвинуть въ рамки исторической эпохи 1858—1861 годовъ, надо овѣять дыханіемъ ликующаго возбужденія, которое охватило всю нашу литературу, изящную и прикладную, побѣдно неслось черезъ рубежъ со столбцовъ „Колокола“, и образъ Бейдемана оживетъ въ нашемъ воображеніи, заблещетъ яркими красками. Возбужденіемъ эпохи былъ созданъ духовный человѣкъ въ Бейдеманѣ.

Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Кіевскомъ Владимірскомъ кадетскомъ корпусѣ. Онъ поступилъ сюда 5 сентября 1857 г. До осени 1857 г. этотъ кадетскій корпусъ былъ неранжированнымъ и только осенью 1857 г. былъ развернутъ въ корпусъ полнаго состава. Новое военно-учебное заведеніе привлекало особое вниманіе высшаго военно-учебнаго начальства и самого монарха. Они очень старались о привитіи настоящихъ кадетскихъ традицій къ новому корпусу. Уже въ октябрѣ 1857 г. корпусъ, какъ выражались въ былое время, былъ осчастливленъ посѣщеніемъ царя и великаго князя Николая Николаевича. Молодой кадетъ лицезрѣлъ своего обожаемаго монарха. Въ апрѣлѣ 1858 г. корпусу было пожаловано знамя. Отсюда шли патріотическія настроенія. Съ открытіемъ корпуса была обновлена учебная сторона дѣла. Въ преподаватели были приглашены профессора Кіевскаго университета [1]). Изъ нихъ слѣдуетъ упомянуть объ энтузіастѣ-словесникѣ А. И. Селинѣ, свойственникѣ Герцена (они были женаты на родныхъ сестрахъ), объ А. И. Линиченкѣ, объ извѣстномъ юристѣ Незабитовскомъ. Быть можетъ, ихъ уроки дали первый толчокъ размышленіямъ Бейдемана объ окружающей его русской дѣйствительности, сообщили высокій тонъ его настроеніямъ. Изъ Кіева Бейдеманъ перешелъ въ Петербургъ. 16 іюня 1859 г. онъ былъ зачисленъ въ Константиновское военное училище и черезъ годъ 16 іюня 1860 г. онъ былъ выпущенъ поручикомъ изъ отдѣленія генеральнаго штаба 3-го спеціальнаго класса. По аттестаціи начальства, во время годичнаго пребыванія въ училищѣ, Бейдеманъ велъ себя весьма скромно и поведенія былъ хорошаго. По успѣхамъ былъ отнесенъ въ первый разрядъ. Просматривая списки преподавателей училища, мы не находимъ среди нихъ такихъ, вліянію которыхъ мы могли бы приписать развитіе свободолюбія въ Бейдеманѣ. Но въ 1859—1860 г. не школа, а жизнь была разсадникомъ свободныхъ идей и чувствъ.

Канунъ освобожденія былъ эпохой великаго общественнаго возбужденія. Шестидесятые годы были въ полномъ цвѣту. Намъ нѣтъ надобности останавливаться на ихъ характеристикѣ. Мы не знаемъ жизненной обстановки Бейдемана, не знаемъ его петербургскихъ связей, знакомствъ, отношеній къ лицамъ, намъ извѣстнымъ, но если дѣлать выводы изъ полнаго молчанія о немъ въ литературѣ мемуаровъ, въ современныхъ документахъ, то не нужно ли заключить, что юноша Бейдеманъ принадлежалъ къ разряду одинокихъ, думающихъ

[1]) Н. П. Завадскій. Владимірскій Кіевскій кадетскій корпусъ (1851—1901). Истор. очеркъ. Кіевъ. 1908.

про себя, замкнутыхъ мечтателей? Главнѣйшимъ, а быть можетъ, и единственнымъ возбудителемъ его мысли была литература. Излагая въ первомъ своемъ признаніи политическую исповѣдь, Бейдеманъ заканчивалъ ее словами: „Все, что здѣсь написано, было давно высказано съ необыкновеннымъ талантомъ, со всей страстью негодованія, съ любовью къ Россіи и ея будущему, съ великой гражданской силой людьми, которые погибли и гибнутъ отъ правительственнаго гнета". Здѣсь не названы проповѣдники передовыхъ идей, но позднѣе въ письмѣ къ царю Бейдеманъ назвалъ ихъ имена: „Во главѣ заграничнаго литературнаго развитія стоятъ двѣ личности, соединяющія громадныя духовныя силы съ самой горячей любовью къ Россіи. Оправдывать Герцена и Огарева передъ лицомъ Вашего Величества было бы съ моей стороны дѣломъ слишкомъ смѣлымъ, да наврядъ ли они нуждаются въ оправданіи и защитѣ. Скажу только, положа руку на сердце, что я бы отъ всей души желалъ, чтобы въ нашемъ отечествѣ было бы побольше людей, въ которыхъ было бы столько же любви къ Россіи, столько безкорыстнаго участія къ ея будущности".

Герценъ и Огаревъ были властителями думъ Бейдемана; подъ вліяніемъ ихъ пылкой проповѣди сложилось его политическое міросозерцаніе.

Изъ „Колокола" онъ почерпнулъ и фактическій матеріалъ для размышленій надъ русской дѣйствительностью, и самую оцѣнку его. Критикуя неправду русской общественной жизни, Бейдеманъ опирался не столько на собственный свой опытъ, котораго, пожалуй, у него и не могло еще быть на 21-мъ году жизни, сколько на сообщенія „Колокола". Анализируя всѣ извѣстныя намъ его заявленія, писанныя въ Алексѣевскомъ равелинѣ, мы можемъ возвести къ статьямъ „Колокола" и всѣ приводимыя Бейдеманомъ указанія фактическаго характера, и всѣ его политическія разсужденія. Съ полной категоричностью можно утверждать, что вся политическая исповѣдь Бейдемана, *за однимъ исключеніемъ*, укладывается въ статьяхъ „Колокола". У Бейдемана нѣтъ ни одной темы, *за исключеніемъ одной*, которая не была бы разработана въ „Колоколѣ", нѣтъ ни одной подробности, новой по сравненію съ „Колоколомъ" [1]).

Мелкая подробность: бичуя развратъ и тупость представителей высшей власти, Бейдеманъ для иллюстраціи называетъ рядъ фамилій (Адлербергъ, Панинъ, Долгоруковъ, Строгановъ, Гагаринъ, Игнатьевъ, Бутковъ, Муравьевъ и т. д.); среди нихъ нѣтъ ни одного имени, которое не встрѣчалось бы, съ приличествующей ему характеристикой, на столбцахъ „Колокола".

Въ прямой зависимости отъ статей Герцена находятся и общіе взгляды Бейдемана на самобытность русскаго развитія, на роль нѣмцевъ въ нынѣшней русской исторіи, на прогрессивное значеніе славянофильства, нашедшіе изложеніе въ его статьѣ „Славянофильство, какъ принципъ". Исповѣданное здѣсь славянофильство Бейдемана было славянофильствомъ самого Герцена.

Двадцатилѣтній Бейдеманъ ушелъ изъ дому и перешелъ русскую границу черезъ двѣ недѣли по. окончаніи курса въ закрытомъ учебномъ заведеніи. Что толкнуло его на этотъ рѣшительный шагъ? Бейдеманъ сначала отказался отвѣтить на этотъ вопросъ своимъ тюремщикамъ, но на пятомъ мѣсяцѣ заключенія далъ категорическій

[1]) См. выше аналогіи, указанныя въ примѣчаніяхъ къ запискамъ Бейдемана

отвѣтъ: „Причина, побудившая меня оставить отечество, та же самая, которая побудила меня возвратиться въ него: желаніе уничтоженія настоящаго правительства, современныхъ государственныхъ и общественныхъ формъ, и твердое намѣреніе, на обломкахъ этого уродливаго зданія, содѣйствовать къ устройству такого государства, такихъ общественныхъ отношеній, которыя были бы сообразны съ правдой, съ здравымъ смысломъ и съ настоящими и будущими потребностями русскаго народа". Въ письмѣ къ царю, писанномъ на 15 мѣсяцѣ заключенія, Бейдеманъ глухо и неясно говоритъ о томъ, что оставленіе отечества было результатомъ тяжелыхъ обстоятельствъ, что полная исповѣдь на этотъ счетъ была бы свыше его силъ, и что эта та сторона его сердца, которая тяжело и трудно раскрывается. Очевидно, у Бейдемана были мотивы очень личнаго и интимнаго характера, для насъ неясные.

Возбужденіе, царившее въ русскомъ обществѣ и литературѣ, требовало отъ отдѣльнаго человѣка кипучей дѣятельности во имя блага страны, народа, участія въ освободительной работѣ. Одинокій юноша мечталъ о подвигахъ грандіозныхъ, объ уничтоженіи правительства, о полномъ разрушеніи современныхъ государственныхъ и общественныхъ формъ—на меньшее онъ не пошелъ бы! Но какъ реально приступить къ совершенію подвига? Обыденность, пошлость окружавшей жизни была невыносима, служба въ армейской кавалеріи въ Кашинѣ сулила тусклыя сумерки. Можно ли было, питая въ душѣ великіе замыслы, хоть на одну минуту уйти въ эту жизнь? Надо было при первой возможности, сейчасъ же, немедленно порвать всѣ связи съ дѣйствительностью! А на западѣ герой подвига могъ найти приложеніе своимъ силамъ. Борьба за свободу кипѣла въ это время въ Италіи, вождемъ ея былъ Гарибальди. Объ итальянскихъ дѣлахъ, о походѣ Гарибальди Бейдеманъ читалъ обстоятельнѣйшія статьи Н. Г. Чернышевскаго въ отдѣлѣ „Политика", ежемѣсячно помѣщавшемся въ „Современникѣ". Въ рукахъ Бейдемана до его отбытія изъ Россіи были свѣжія книжки „Современника" съ отчетомъ о началѣ выступленія Гарибальди Въ маѣ 1860 года начался походъ знаменитой тысячи—подвигъ безумнаго риска и смѣлости. Къ итальянцамъ—волонтерамъ Гарибальди—примыкали иностранцы, которыхъ привлекалъ идеалистическій порывъ борьбы за свободу и необычайная отвага предпріятія. Выпущенный изъ военнаго училища офицеръ могъ найти удовлетвореніе въ этой борьбѣ и жаждѣ героическихъ дѣлъ, и специфическимъ интересамъ военнаго человѣка. Понятно, воодушевленіе Бейдемана нашло исходъ въ рѣшеніи бросить все въ Россіи и уйти въ войска знаменитаго итальянскаго патріота.

За границей Бейдеманъ окунулся въ водоворотъ революціонныхъ идей. О томъ, что онъ дѣлалъ тамъ, мы знаемъ только изъ его разсказовъ, но все равно, сражался онъ въ войскахъ Гарибальди или только работалъ въ типографіи „Колокола", вдыхая вмѣстѣ съ пылью свинцовыхъ литеръ свѣжую бодрость вольнаго русскаго слова, или, наконецъ, въ теченіе года успѣлъ и побывать въ Италіи и пожить въ Лондонѣ, все равно идея революціонной борьбы росла и крѣпла въ его душѣ, принимала осязательныя формы. Крестьянскую волю, данную 19 февраля 1861 года, онъ пережилъ за границей острѣе, чѣмъ оставшіеся на родинѣ соотечественники. Бейдеманъ раздѣлилъ мнѣніе незначительнаго меньшинства о крайней неудовлетворительности, половинчатости и фальшивости великой реформы. Въ развитіи взгля-

довъ Бейдемана на крестьянскую реформу „Колоколъ“ сыгралъ большую роль.

Былъ одинъ моментъ—самый первый, когда Герценъ и Огаревъ привѣтствовали реформу Александра II (въ передовой статьѣ № 95 отъ 1 апрѣля 1861 года „Манифестъ“). „Александръ II сдѣлалъ много, очень много; его имя теперь уже стоитъ выше всѣхъ его предшественниковъ. Онъ боролся во имя человѣческихъ правъ, во имя состраданія, противъ хищной толпы закоснѣлыхъ негодяевъ—и сломилъ ихъ! Этого ему ни народъ русскій, ни всемірная исторія не забудутъ. Изъ дали нашей ссылки мы привѣтствуемъ его именемъ, рѣдко встрѣчавшимся съ самодержавіемъ, не возбуждая горькой улыбки,—мы привѣтствуемъ его именемъ о с в о б о д и т е л я! Но горе, если онъ остановится, если усталая рука его опустится. Звѣрь не убитъ, онъ только ошеломленъ! Теперь пока стоглавая гидра, которой каждая голова или Муравьевъ, или Гагаринъ, не совсѣмъ опомнилась, надобно покончить ее и освободить, вмѣстѣ съ русскимъ крестьяниномъ, новую русскую государственную мысль—и отъ нѣмецкихъ колодокъ, и отъ русскихъ татаръ, тучныхъ нашей кровью, нашими слезами, нашимъ изнуреніемъ“.

Но очарованіе продолжалось всего одинъ моментъ. Очень скоро «Колоколъ“ перешелъ къ критикѣ началъ реформы. Ей посвящены статьи Огарева „Начало русскаго освобожденія (осторожная и сдержанная статья въ № 96 отъ 15 апрѣля) и „Разборъ новаго крѣпостнаго права“ (въ №№ 101—106). Основной тезисъ провозглашенъ имъ въ первой статьѣ (№ 101 отъ 15 іюня): „Крѣпостное право не отмѣнено. Н а р о д ъ ц а р е м ъ о б м а н у т ъ“! Крестьянскіе бунты, вспыхнувшіе сейчасъ же по объявленіи воли, и безпощадное подавленіе ихъ правительствомъ—въ особенности возстаніе въ селѣ Бездиѣ, Казанской губерніи, открыли глаза Герцену и Огареву на сущность реформы. „Съ 19 февраля до 8 мая,—писалъ Огаревъ,—прошло 78 дней; обстоятельства обозначились. Въ февралѣ подписанъ манифестъ, въ апрѣлѣ льется кровь безоружныхъ крестьянъ, въ маѣ циркуляръ новаго министра внутреннихъ дѣлъ предписываетъ губернаторамъ объяснить народу, что барщина не есть барщина. Такого уродливаго хода дѣлъ мы и не ожидали. Итакъ комитетъ подъ предсѣдательствомъ Константина Николаевича оттертъ на задній планъ; теорія государственнаго развитія поручена Бутковымъ, а практика Апраксинымъ. Стало быть, ожидать, чтобы комитетъ „для устройствъ сельскаго состоянія на общихъ и единообразныхъ началахъ“—помогъ дѣлу, исправилъ бы, или передѣлалъ „Положенія о крестьянахъ“—было съ нашей стороны мечта, которую мы, изъ жажды блага народнаго, лелѣяли на одинъ день. Въ то время правительство, казалось, стало во главѣ русскаго освобожденія; его положеніе было необычайно свѣтло и счастливо: оно его утратило разомъ, и наконецъ, надежда на него, вѣра въ него рушилась окончательно. Упавши въ кровь, оно упало въ грязь—и вынуждено объяснить народу, что черное не черное, что два не два, что барщина не барщина. Какая ложь и какое безсиліе! Причины такого хода дѣлъ разгадать не трудно: ихъ двѣ: 1) правительство въ освобожденіи народа не искренно, т. е. въ сущности, государь не хочетъ никакого освобожденія; 2) оно совершенно бездарно, т. е. не умѣетъ ничего понять и ничего сдѣлать. Разрывъ съ этимъ правительствомъ для всякаго честнаго человѣка становится обязательнымъ“.

За пролитую крестьянскую кровь Огаревъ объявлялъ виновнымъ Александра II. „Вамъ захотѣлось поиграть въ освобожденіе и вы не пожалѣли мужицкой крови, Александръ Николаевичъ? Ну! Смотрите—какъ бы вамъ ею не захлебнуться!... Читая лѣтопись дурно прикрытаго военно-чиновничьяго злодѣйства, намъ приходитъ на умъ: неужели Александръ II, когда остается одинъ, ну, хотя бы воротясь съ медвѣжьей охоты, или послѣ путешествія съ императрицей по монастырямъ,—неужели въ минуту уединенія и раздумья онъ никогда не подумалъ, что онъ убійца и палачъ? И что тутъ нечего извиняться—я-де не самъ, изъ собственнаго ружья, разстрѣливаю и не собственной высочайшей рукой порю?... Неужели, при этой мысли, онъ никогда внутренно не содрогнулся, особенно вспомнивъ, что виновата не жертва, а безтолковость царскихъ законовъ? Неужели у него никогда не навернулась горькая слеза, и онъ не почувствовалъ къ себѣ глубочайшаго презрѣнія? Если мысль, что онъ палачъ и убійца, приходитъ ему въ голову и мучитъ его,—пожалуй, въ немъ еще отыщется доблесть—просить у народа прощенья. Ну, а если она ему никогда не приходитъ въ голову?... Тогда онъ просто жалкой и ничтожной человѣкъ, который—по тупоумію и нераскаянности—можетъ тѣшиться казенной благодарностью какихъ-то шереметевскихъ мужиковъ, въ то время, когда самъ льетъ неповинную кровь народа и награждаетъ крестами своихъ наемныхъ злодѣевъ".

Критикуя Положеніе 19 февраля 1861 года въ своихъ признаніяхъ изъ крѣпости, Бейдеманъ находился, несомнѣнно, подъ вліяніемъ статей Огарева. Въ частности, тѣ моменты, которые подчеркивалъ Бейдеманъ, нашли яркое освѣщеніе у Огарева: установленное актомъ 19 февраля переходное состояніе, добровольныя соглашенія и полюбовныя сдѣлки, нарушеніе принципа общиннаго землевладѣнія, открытіе грабительскихъ возможностей для чиновничества. Не входя въ подробное сравненіе мнѣній Бейдемана и взглядовъ „Колокола", ограничимся лишь утвержденіемъ въ общей формѣ.

Расправы надъ крестьянами, чинимыя подъ руководствомъ спеціальныхъ посланцевъ, генералъ-и флигель-адъютантовъ, наполнили слезами и ужасомъ Герцена и Огарева такъ же, какъ, несомнѣнно, и Бейдемана. Но еще раньше извѣстій о подавленіи крестьянскихъ бунтовъ пришли за рубежъ вѣсти о подавленіи мирныхъ польскихъ манифестацій въ Варшавѣ, о разстрѣлѣ мирнаго населенія. Рука, готовая поднять тостъ за освободителя, опустилась. „Черезъ новую кровь, пролитую въ Варшавѣ, нашъ тостъ не могъ итти. Преступленье было слишкомъ свѣжо, раны не закрылись, жертвы не остыли, имя царя замерло на губахъ нашихъ",—писалъ Герценъ въ № 96 „Колокола" отъ 15 апрѣля (статья „10 апрѣля и убійства въ Варшавѣ"). „Какъ все измѣнилось въ такое короткое время? Гдѣ надежды, приподнявшія головы, гдѣ свѣтлый взглядъ? Опять страшно встрѣтить свободнаго человѣка, все кажется, что онъ насъ упрекаетъ. Неужели и въ насъ отбрызнула кровь съ грязью?" (въ статьѣ „Mater dolorosa" въ № 97, отъ 1 мая). Событія въ Варшавѣ поразили и потрясли Бейдемана, у котораго были, по его признанію въ письмѣ къ царю, теплыя отношенія съ эмигрантами-поляками, жившими въ Лондонѣ.

Разстрѣлы крестьянъ, разстрѣлы мирнаго польскаго населенія, пролитіе крови польской и русской довели до высшей степени нервную раздражительность Бейдемана, завершили процессъ созданія революціонной идеологіи и вывели его на дорогу активнаго революціон-

наго выступленія. По полному отсутствію какихъ-либо сообщеній о Бейдеманѣ, идущихъ изъ за рубежа, и въ полномъ согласіи съ его категорическимъ отрицаніемъ какихъ-либо единомышленниковъ и сообщниковъ, мы можемъ заключить, что онъ опять былъ одинокъ въ своихъ рѣшеніяхъ, онъ не дѣлился ни съ кѣмъ своимъ подвигомъ, онъ одинъ бралъ на свои плечи дѣло величайшей трудности, поднятіе народнаго возстанія. Онъ, двадцатилѣтній русскій офицеръ, выступалъ мстителемъ за народную кровь. Онъ продолжилъ тѣ выводы, которые сдѣлалъ „Колоколъ“ изъ русскихъ обстоятельствъ 1861 года: отъ крушенія надеждъ на мирное преуспѣяніе онъ перешелъ къ новымъ и твердымъ надеждамъ на народную революцію, отъ мысли о необходимости разрыва съ гнуснымъ правительствомъ онъ перешелъ къ мысли объ уничтоженіи правительства и о пораженіи его главы.

Одинокій, замкнутый въ себѣ и исполненный отважной рѣшимости, русскій офицеръ-революціонеръ обрѣлъ своего врага, ощутилъ и почувствовалъ. Онъ стоялъ передъ самодержавіемъ, тѣмъ чудищемъ, которое мучило чувства лучшихъ русскихъ людей. Самодержавіе нелѣпое, всеподавляющее, ничего не знающее, не видящее, не понимающее, слѣпое, ни на что неспособное, рабское, тупое—это все эпитеты, которыми Бейдеманъ старался разъяснить заколдованное чудовище. Но это огромное и косное, почти мифическое, становилось простымъ и обыкновеннымъ въ своемъ земномъ, русскомъ олицетвореніи. Монархъ, освободитель—вершина власти! Съ вершины бы начать разрушеніе государственной власти! Принципъ и лицо были въ чудесномъ сліяніи. Уничтоженіе лица казалось и уничтоженіемъ принципа. Цареубійство представлялось великимъ дѣломъ, послѣ котораго—казалось Бейдеману—откроется новая, чудесная жизнь. Цареубійство несло бы полное уничтоженіе помѣщичьяго права, было бы кореннымъ переломомъ въ русской жизни, дало бы знакъ возстанію народному, положило бы начало тому движенію, которое такъ или иначе разрушило бы настоящій порядокъ вещей. Но что бы ни принесло цареубійство, оно уже было, до всякихъ результатовъ, актомъ мести за крестьянскую кровь, актомъ мести, который могъ быть по глубокому убѣжденію Бейдемана, только благословенъ народомъ. Вотъ мысли, которыя выносилъ въ сердцѣ и головѣ Бейдеманъ. Когда люди изъ III Отдѣленія спрашивали у него о сообщникахъ и о возбудителяхъ, подстрекнувшихъ его, и намекали на то что онъ былъ не самостоятеленъ и являлся лишь орудіемъ, Бейдеманъ загорался негодованіемъ и съ чувствомъ оскорбленнаго одиночества отталкивалъ эти намеки. „Я только желалъ, желалъ и буду желать счастія и человѣческихъ условій общественнаго быта своему народу... Я убѣдился, что хорошаго ожидать нечего, что крестьянская кровь требуетъ отмщенія, и что только тогда рухнетъ вся гадость нашей жизни, когда народъ встанетъ на ноги... Помочь моей родинѣ было единственнымъ и самымъ сильнымъ моимъ желаніемъ“.

Въ то время, когда Бейдеманъ приходилъ къ конечнымъ выводамъ революціоннаго міросозерцанія, надъ разрѣшеніемъ вопроса о томъ, что же дѣлать русской оппозиціи, работала мысль Н. В. Шелгунова и М. Л. Михайлова. Шелгуновъ далъ отвѣтъ въ прокламаціи „Къ молодому поколѣнію“. Въ іюнѣ 1861 года текстъ этого воззванія былъ привезенъ Михайловымъ въ Лондонъ и отпечатанъ въ типографіи „Колокола“ въ количествѣ 600 экземпляровъ. Въ серединѣ

іюля Михайловъ привезъ эту прокламацію въ Петербургъ и въ августѣ и сентябрѣ распространилъ ее при содѣйствіи Шелгунова, Михаэлиса и А. Н. Серно-Соловьевича. 14 сентября Михайловъ былъ арестованъ и въ декабрѣ того же года былъ осужденъ за принятое имъ на себя составленіе и распространеніе прокламаціи къ шести годамъ каторжныхъ работъ. Прокламація Шелгунова была написана подъ вліяніемъ пропаганды того же „Колокола“, но шла въ своихъ выводахъ дальше. Шелгуновъ прямо ставилъ вопросъ о грядущей революціи. Въ своихъ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ Шелгуновъ, припоминая содержаніе прокламаціи, писалъ: „тамъ говорилось, что напрасно такъ боятся революціи, что войны истребляютъ милліоны людей, если смертью можно купить благо народа. Это мѣсто было ли центромъ тяжести прокламаціи, не помню, но оно вышло центромъ тяжести обвиненія (въ дѣлѣ Михайлова). Пойди мысль еще на шагъ впередъ и Михайловъ былъ бы приговоренъ къ смерти“ [1]).—„Императорская Россія разлагается,—писалъ Шелгуновъ.—Если Александръ II не понимаетъ этого и не хочетъ добровольно сдѣлать уступку народу—тѣмъ хуже для него... Если царь не пойдетъ на уступки, если вспыхнетъ общее возстаніе, недовольные будутъ послѣдовательны: они придутъ къ крайнимъ требованіямъ“. [2]) Мысль о цареубійствѣ только намѣчается. Бейдеманъ пошелъ на шагъ впередъ; онъ зафиксировалъ эту мысль и отказался связывать ее съ мыслью о возможныхъ уступкахъ со стороны царя. Тѣ прокламаціи, которыя Бейдеманъ писалъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ, совпадаютъ во многихъ подробностяхъ съ воззваніемъ Шелгунова. Конечно, такое совпаденіе можетъ свидѣтельствовать о единствѣ революціоннаго настроенія. Шелгуновъ хорошо разъясняетъ это: „Александръ II самъ разжигалъ революціонное чувство, возбуждая преувеличенныя ожиданія. Освобожденіе совершилось въ такой тайнѣ и общее вниманіе было такъ напряжено, что каждый ждалъ гораздо большаго, чѣмъ получилъ. Неудовлетвореніе вызвало недовольство, а недовольство создало революціонное броженіе. Вотъ источникъ этихъ прокламацій. Кому принадлежитъ первая (въ 1861 году) прокламація, неизвѣстно, но прокламаціи точно по уговору явились всѣ въ одно время. Всѣ они принадлежатъ очень небольшому кружку людей, дѣйствовавшихъ отдѣльно и въ глубокой тайнѣ. Паника и надежды были гораздо сильнѣе, чѣмъ бы имъ слѣдовало быть. И правительство преувеличивало опасность, и молодость ошибалась насчетъ силы, за которой она готова была итти“... [3]). Но если Бейдеманъ передъ отъѣздомъ въ Россію работалъ въ типографіи „Колокола“, то позволительно предположить, что ему была извѣстна эта прокламація, и совпаденіе въ такомъ случаѣ можетъ допускать и иное объясненіе, кромѣ ссылки на одинаковыя условія эпохи.

Рѣшеніе было принято. Бейдеманъ перешелъ шведскую границу. Орудія возстанія и цареубійства были при немъ: манифестъ отъ имени Константина Перваго и пистолетъ съ испорченнымъ замкомъ. Мы отмѣчали своеобразный подходъ къ пропагандѣ народнаго возстанія: народъ долженъ былъ возстать во имя царя и по призыву подложнаго манифеста. Въ исторіи революціонныхъ движеній этотъ

---

[1]) „Голосъ Минувшаго“ 1918, № 4—6, ст. 66. Изъ воспоминаній Н. В. Шелгунова.

[2]) Полный текстъ прокламаціи см. въ сборникѣ В. Базилевскаго «Государственныя преступленія». Второе приложеніе. Парижъ. 1905 (ст. 2—15).

[3]) „Голосъ Минувшаго“, указ. кн., ст. 64—65.

методъ обманной пропаганды, какъ извѣстно, не давалъ годныхъ результатовъ и былъ негоднымъ оружіемъ. Возстанавливая по клочкамъ манифестъ, мы врядъ-ли ошибемся, указавъ на вліяніе статьи Огарева въ № 59 „Колокола“ отъ 1 января 1861 года „На новый годъ“. Бейдеманъ проектировалъ въ манифестѣ установленіе областного самоуправленія: Огаревъ какъ разъ и развивалъ тему раздѣленія Россіи по областямъ. Любопытно, что, перечисляя титулы императора Константина Перваго, Бейдеманъ придерживался областныхъ границъ, очерченныхъ Огаревымъ: такъ у него вслѣдъ за Огаревымъ явилась область Бѣломорская, Бѣлорусская, Заднѣпровская, Закавказская и т. д.

Пистолетъ тоже оказался негоднымъ оружіемъ и не сослужилъ пользы Бейдеману. Черезъ полтора года заключенія Бейдеманъ заявилъ, что онъ оговорилъ себя въ замыслѣ на цареубійство, но онъ такъ часто и такъ подробно въ своихъ признаніяхъ развивалъ возможные мотивы цареубійства, что у насъ не остается сомнѣній, что мысль о цареубійствѣ владѣла имъ и была на грани ея воплощенія, съ трудомъ сознаваемой самимъ Бейдеманомъ.

Остальное намъ извѣстно. Планы Бейдемана потерпѣли полное крушеніе, и когда онъ очутился въ Алексѣевскомъ равелинѣ съ клочками манифеста царя Константина, ему оставалось одно — не опустить своего взора передъ чудовищемъ, которое онъ собирался сразить, и утвердить свое революціонное я въ дерзкомъ и смѣломъ заявленіи своихъ мыслей и замысловъ. Одно удовлетвореніе было достижимо для него: сказать всю правду, назвать сановныхъ грабителей Россіи настоящими именами, бросить въ лицо могущественному врагу неслыханныя оскорбленія! Этого удовлетворенія Бейдеманъ добился, но какой цѣной?...

9.

Мы знаемъ всѣ объясненія, написанныя Бейдеманомъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ въ теченіе полуторалѣтняго заключенія. Съ рѣзкой опредѣленностью онъ отстаивалъ передъ тюремщиками свое революціонное право на возстаніе и на цареубійство; правда, въ послѣднемъ заявленіи—письмѣ къ царю онъ отрицался отъ послѣдняго замысла, но сохранялъ ту же независимость тона и сужденій. Все это время онъ ждалъ суда, готовился къ нему, все посылалъ записки и объясненія, боясь, какъ бы его намѣренія не подверглись невѣрному истолкованію. Но какъ разъ ставить Бейдемана на судъ не хотѣли ни III Отдѣленіе во главѣ съ своимъ шефомъ, ни самъ Александръ II. Мы уже указывали на нѣкоторыя колебанія царя въ дѣлѣ Бейдемана. 2 ноября князь Долгоруковъ записалъ на памятномъ листкѣ, что „государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ поручика Михаила Бейдемана оставить въ Алексѣевскомъ равелинѣ впредь до особаго распоряженія“. Въ декабрѣ III Отдѣленіе занялось разсмотрѣніемъ вопроса о судьбѣ Бейдемана при наличности такого повелѣнія. Сохранилась не получившая движенія записка — удивительный образецъ іезуитизма. Содержаніе ея непередаваемо и она должна быть воспроизведена полностью. Мы просимъ читателя вдуматься въ эту записку:

„Находясь уже въ Алексѣевскомъ равелинѣ, Бейдеманъ въ собственноручной запискѣ высказалъ свой преступный образъ мыслей

и открылъ при этомъ бывшій у него умыселъ на цареубійство съ цѣлью ниспровергнуть настоящій образъ правленія въ Россіи.

„Обнаруженіе этого, безъ всякихъ посторонннихъ побудительныхъ причинъ къ тому, безъ всякихъ обстоятельствъ, вызывавшихъ его на такую откровенность, ожесточеніе, съ какимъ онъ излагалъ свои мысли по этому предмету: все это доказываетъ раздраженное состояніе его души, свидѣтельствующее въ нѣкоторой степени ненормальность умственныхъ его способностей. Состояніе это, съ оставленіемъ его въ крѣпостномъ заключеніи, едва-ли можетъ измѣниться къ лучшему и, вѣроятно, будетъ имѣть слѣдствіемъ умопомѣшательство.

„Для предупрежденія этого и въ видахъ законности, равнымъ образомъ и для предупрежденія нареканія со стороны общества, требующаго во всемъ законнаго и гласнаго направленія дѣлъ и осуждающаго обыкновенно административныя мѣры правительства, — хотя бы онѣ были, какъ чаще случается, съ пользою для лицъ, противъ которыхъ мѣры сіи принимаются — желательно было бы, чтобы Бейдеманъ преданъ былъ законному суду, котораго онъ и самъ проситъ.—Судъ неминуемо приговоритъ его къ тяжкому наказанію, тѣмъ болѣе что онъ не показываетъ ни малѣйшаго раскаянія; это также признакъ ненормальнаго состоянія ума, но какъ бы строгъ ни былъ судебный приговоръ, наказаніе, опредѣленное судомъ ограничивается извѣстнымъ срокомъ, въ продолженіе коего преступникъ побуждается заслужить своимъ добрымъ поведеніемъ облегченіе участи, не лишается надежды въ будущемъ и имѣетъ цѣль жизни; тогда какъ въ заключеніи на неопредѣленный срокъ безнадежность можетъ довести до отчаянія и въ Бейдеманѣ непремѣнно увеличитъ ожесточеніе.

„При этомъ представляется вопросъ — сколько времени предполагается содержать Бейдемана въ заключеніи и какъ поступить съ нимъ, если послѣ нѣсколькихъ лѣтъ Государю Императору угодно будетъ обратить на него свое милосердіе? — Бейдеманъ еще очень молодъ, чрезъ 10 лѣтъ онъ не достигнетъ еще вполнѣ того возраста, въ которомъ разсудокъ въ состояніи будетъ взять верхъ надъ его заблужденіями и увлеченіями, а между тѣмъ десятилѣтнее заключеніе усилитъ въ немъ еще болѣе раздраженіе и въ такомъ положеніи души онъ не въ состояніи будетъ оцѣнить снисхожденія, какъ это доказалъ теперь Бакунинъ“ [1]).

Извольте понять изъ этой записки, что же предлагаетъ III Отдѣленіе? Заключеніе на неопредѣленный срокъ, какъ ожесточающее Бейдемана, не отвѣчаетъ цѣли, но наказаніе по суду ограничивается опредѣленнымъ срокомъ. Но вѣдь и чрезъ 10 лѣтъ Бейдеманъ будетъ еще очень молодъ и врядъ ли исправится, а кромѣ того десятилѣтнее заключеніе усилитъ въ немъ еще болѣе раздраженіе и т. д., и т. д. Безъ какой-то тягостной тоски нельзя вдумываться въ резоны, выставляемые этой запиской.

Никакихъ новыхъ фактическихъ объясненій отъ Бейдемана болѣе не послѣдовало. Никакихъ розысканій по дѣлу Бейдемана III Отдѣленіе не дѣлало ни въ теченіе перваго полуторалѣтняго періода его заключенія, ни впослѣдствіи. Онъ самъ себѣ былъ и ножъ, и рана. Никакого слѣдствія по его дѣлу не велось, никакого суда не было.

---

[1]) Бакунинъ былъ освобожденъ изъ Шлиссельбургской крѣпости въ 1857 году. Приблизительно въ то время, когда писалась эта записка, Бакунинъ, окончательно оцѣнивъ снисхожденіе правительства, совершалъ побѣгъ изъ Сибири.

Его судьба была рѣшена уже помянутымъ нами листкомъ для памяти, на которомъ записано 2 ноября 1861 года изящнѣйшимъ канцелярскимъ почеркомъ высочайшее повелѣніе объ оставленіи Бейдемана въ Алексѣевскомъ равелинѣ впредь до особаго распоряженія и скрѣплено аккуратно кругловатой подписью князя Долгорукова.

Особаго распоряженія при жизни Александра II по дѣлу Бейдемана не послѣдовало.

10.

Съ момента заключенія въ равелинъ Бейдеманъ оставался единственнымъ узникомъ въ теченіе полутора мѣсяцевъ, а затѣмъ равелинъ наполнился заключенными и не пустовалъ въ 1861—1866 годахъ. За этотъ періодъ въ равелинѣ побывали лица, отдѣлавшіяся легко и вышедшія на волю. Бейдеманъ, который сидѣлъ въ величайшемъ секретѣ, въ тайнѣ отъ всѣхъ, безъ переписки и свиданій, нашелъ возможность передать черезъ одного изъ выпущенныхъ, что онъ „умоляетъ родныхъ хлопотать объ его освобожденіи, для избавленія его отъ сумасшествія, что пусть лучше сошлютъ его въ солдаты или даже въ каторжную работу—лишь бы выпустили на свѣтъ Божій". Такія вѣсти отъ Бейдемана пришли осенью 1864 года. Отъ имени сестры Бейдемана Викторіи Степановны Степановой была составлена докладная записка слѣдующаго содержанія:

„Поручикъ Драгунскаго Военнаго Ордена полка Михаилъ Степановъ Бейдеманъ, три года тому назадъ безъ вѣсти пропавшій, оказался содержащимся въ С.-Петербургской крѣпости. Мать его въ сентябрѣ минувшаго 1863 года умерла на пути изъ Бессарабіи въ Крымъ, для испрошенія у Государя Императора помилованія ея сыну. Тетка Бейдемана Феодосія Яковлева до сихъ поръ не смѣла обратиться съ просьбою о помилованіи его, пока не прибыла сюда изъ Бессарабіи родная сестра его Викторія, которая, по братской любви, надѣется, что братъ ея Михаилъ обратится къ полному раскаянію въ своемъ проступкѣ. Сестра заключеннаго въ крѣпости Бейдемана Викторія, увѣренная въ благодушіи Вашего Сіятельства, осмѣливается испрашивать единственной милости дозволить навѣщать Бейдемана въ его заточеніи".

Эту записку профессоръ Николаевской академіи генеральнаго штаба П. П. Глиноецкій, находившійся въ родствѣ съ Бейдеманомъ, передалъ генералу Петру Кононовичу Менькову и просилъ его похлопотать за Бейдемана у Н. В. Мезенцева. Изъ письма Глиноецкаго процитированы нами переданныя на волю мольбы Бейдемана. Препровождая записку сестры вмѣстѣ съ письмомъ Глиноецкаго, П. К. Меньковъ писалъ 5 ноября 1864 года Н. В. Мезенцеву:

„Привѣтствую тебя, мой добрый другъ, Николай Владимировичъ! Зная готовность твою на все доброе и честное, я обращаюсь къ тебѣ съ покорнѣйшею просьбою, буде возможно, помочь несчастной семьѣ, жалобы коей изложены въ прилагаемой у сего запискѣ. Генеральнаго штаба полковникъ Глиноецкій, профессоръ Николаевской академіи, въ письмѣ своемъ проситъ за родственника своего. Понятно, что, являясь посредникомъ въ этомъ дѣлѣ, я знаю только полковника Глиноецкаго, какъ отличнаго и во всѣхъ отношеніяхъ надежнаго офицера, и ничего не вѣдаю ни о его семьѣ, ни о родственникахъ. Мать несчастнаго Бейдемана умерла съ горя и лишеній".

„Пожалуйста, другъ мой Николай Владимировичъ,—сдѣлай возможное для несчастныхъ, на сколько допускаютъ долгъ и человѣчность. Увѣдомь меня нѣсколькими словами“.—

Единственной милости дозволить навѣщать Бейдемана въ его заточеніи просила сестра. Сдѣлать возможное для несчастныхъ родныхъ, насколько допускаютъ долгъ и человѣчность, просилъ Меньковъ.

Просьба родныхъ съ приложеніемъ всѣхъ документовъ была доложена князю Долгорукову. Князь надписалъ 14 ноября 1864 года на записочкѣ: „доложено Е. В—ву, что просительницѣ данъ отвѣтъ неимѣніемъ возможности сказать ей что-либо о ея братѣ. Принять это за правило и на будущее время. Оно передано мною ген.-лейт. Сорокину (коменданту крѣпости)“... Биться головой объ стѣну, вымаливать хоть одно слово о братѣ и услышать: нѣтъ возможности сказать что-либо...

Волна горючихъ слезъ разбилась о хладную и безмолвную скалу III Отдѣленія...

Еще одинъ запросъ былъ сдѣланъ о Бейдеманѣ. Въ № 201 отъ 1 августа 1865 года „Колоколъ“ спрашивалъ: „Правда ли, что русскій офицеръ Бейдеманъ, принимавшій участіе въ итальянской войнѣ и выданный австрійцами въ Россію, съ тѣхъ поръ, т. е. третій годъ содержится въ казематѣ, безъ суда, слѣдствія и, стало, приговора“[1]). Разумѣется, III Отдѣленіе не снизошло до отвѣта.

Бейдеманъ былъ забытъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ Нѣтъ, не забытъ. Каждый мѣсяцъ, 1 числа, комендантъ крѣпости представлялъ царю рапортъ, нарисованный изящнѣйшимъ канцелярскимъ почеркомъ: „Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше представляю при семъ списокъ лицамъ, содержащимся въ Алексѣевскомъ равелинѣ С.-Петербургской крѣпости за январь, февраль и т. д. мѣсяцъ“. Въ спискѣ были графы: кто именно, съ котораго времени содержится, по чьему повелѣнію, № камеры. Въ графѣ „по чьему повелѣнію“ неизмѣнно писалось „по высочайшему повелѣнію“. И каждый мѣсяцъ царь смотрѣлъ эти доклады, ставилъ на нихъ знакъ разсмотрѣнія и сдавалъ для секретнаго храненія въ III Отдѣленіе. Въ теченіе многихъ лѣтъ, когда Бейдеманъ былъ одинъ въ равелинѣ, комендантъ писалъ въ докладѣ, что онъ представляетъ списокъ лицу. Значитъ, Бейдеманъ не былъ забытъ... По меньшей мѣрѣ, двѣнадцать разъ въ годъ вспоминалъ царь объ узникѣ, заключенномъ по его высочайшему повелѣнію...

11.

Глубокое молчаніе хранятъ листы архивнаго дѣла о второмъ періодѣ заключенія Бейдемана. Пропалъ человѣкъ безъ вѣсти, забытъ, забытъ!

---

[1]) Это единственное сообщеніе Герцена о Бейдеманѣ. Ошибки, сдѣланныя въ немъ (выдача австрійцами, содержится третій годъ и т. д.), представляются намъ нарочитыми изъ соображеній осторожности. Понятно, Герценъ не могъ говорить о какихъ-либо своихъ отношеніяхъ къ Бейдеману. Осторожностью объясняется и полнѣйшее отсутствіе какихъ-либо упоминаній о Бейдеманѣ въ сочиненіяхъ и письмахъ Герцена. Вѣсть о Бейдеманѣ дошла до Герцена, очевидно, отъ тѣхъ освобожденныхъ изъ равелина, которые могли войти въ сношенія съ Бейдеманомъ.

Въ іюнѣ 1869 года онъ рѣшился напомнить о себѣ слѣдующимъ прошеніемъ:

„Великій Государь!

„Прошло около восьми лѣтъ съ тѣхъ поръ, когда я, заарестованный въ Финляндіи, какъ безпаспортный бродяга, — былъ наконецъ привезенъ въ Петербургъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость, какъ важный политическій преступникъ, имѣвшій самые преступные замыслы противъ Особы Вашего Величества, противъ безопасности гражданъ и противъ спокойствія государства. На первыхъ порахъ я дѣйствительно, каждымъ своимъ шагомъ, только подтверждалъ свое первоначальное письменное показаніе, исполненное необыкновенной рѣзкости и непростительной заносчивости въ выраженіяхъ о такихъ предметахъ, которые должны быть дороги и священны для мало-мальски хорошаго подданнаго, — а потому и долженъ былъ окончательно поколебать всякое сомнѣніе на счетъ характера и свойства своей личности. Признаюсь Вашему Величеству, что я никакъ не ожидалъ такой снисходительности къ себѣ—послѣ всего того, что было сказано и написано мною, въ продолженіи перваго времени моего пребыванія въ Алексѣевскомъ равелинѣ,—и какъ я ни былъ глубоко убѣжденъ въ благородствѣ и добротѣ Вашего Величества, — все-таки не могъ ожидать такого, по истинѣ, ангельскаго долготерпѣнія съ Вашей стороны, но прошлаго не воротишь.—и мнѣ остается только всею своею будущею жизнью стараться искупить свои прошлые грѣхи и оказаться достойнымъ того высоко-благороднаго самообладанія, которымъ Ваше Величество отвѣтили на всѣ тѣ вызывающія, недостойныя ни честнаго человѣка, ни честнаго гражданина выходки, при воспоминаніи о которыхъ я не могу не чувствовать самое глубокое угрызеніе совѣсти и самое искреннее раскаяніе. Было бы слишкомъ дерзко съ моей стороны, если бы я постарался хоть чѣмъ-нибудь оправдать или объяснить свое прошлое поведеніе въ отношеніи къ Вашему Величеству, да этого я и не желаю—это было бы ниже меня и моихъ убѣжденій о человѣческихъ заблужденіяхъ и ошибкахъ; къ тому же это значило бы подцимать на ноги то прошлое, отъ котораго я не могу не отворачиваться всѣмъ своимъ существомъ — съ негодованіемъ и презрѣніемъ. Но если нельзя окончательно истребить изъ своей памяти прошлый позоръ,—то можно и должно подумать о своемъ будущемъ, которымъ я имѣю возможность—хотя отчасти—загладить это прошлое,—а потому я и осмѣливаюсь просить Ваше Величество, чтобы Оно позволило мнѣ посвятить всю свою будущую жизнь на вѣрное и безрасчетное служеніе Вашему Величеству, — на преданную и неизмѣнную дѣятельность въ интересахъ Вашей власти и Вашей славы; и могу увѣрить Ваше Величество, что какъ бы ни сложились обстоятельства въ будущемъ, я никогда не заслужу упрека ни въ неблагодарности, ни въ измѣнѣ своимъ увѣреніямъ и обѣщаніямъ, даннымъ въ такую минуту, когда вся моя будущность вполнѣ зависитъ отъ доброй воли Вашего Величества.

„Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный Михаилъ Бейдеманъ“.

8 іюля 1869 г. А. Р.

Эта мольба, этотъ вопль безконечно несчастнаго человѣка, схороненный въ пожелтѣлыхъ листахъ архивнаго дѣла и донесшійся до насъ только теперь въ лѣто по Р. Х. тысяча девятьсотъ девятнадцатое, тягостнымъ волненіемъ наполняетъ современное сердце. Душа умирала въ стѣнахъ равелина и билась въ предсмертныхъ мукахъ. Внутренній свободный человѣкъ въ Бейдеманѣ былъ сломленъ, уничтоженъ. Его увѣренія—полная противоположность всѣмъ его утвержденіямъ перваго года заключенія. Онъ обѣщаетъ всю жизнь отдать въ интересахъ царской власти и славы. Онъ распростерся во прахѣ уничиженія и проситъ пощады. Но эта просьба, проникнутая сервилизмомъ, неизбѣжнымъ спутникомъ раскаянія, еще хранитъ остатки чувства собственнаго достоинства въ самомъ тонѣ: есть еще нѣкоторая въ немъ независимость, несоотвѣтствующая униженному содержанію. У насъ нѣтъ данныхъ для сужденія о степени искренности обращенія Бейдемана, да они и не нужны, эти данныя. Одною мѣрой измѣряется въ нашихъ глазахъ глубина душевной драмы заточеннаго.

Крикъ о пощадѣ, возникшій въ мракѣ равелина, донесся до высоты русскаго престола. Всеподданнѣйшее прошеніе было доложено Его Величеству 12 іюля 1869 года и не вызвало никакого, хотя бы малѣйшаго, движенія по дѣлу Бейдемана, не привело ни къ какому, хотя бы малѣйшему, облегченію его участи. Гласъ вопіющаго! Крикъ о пощадѣ поднялся изъ казематовъ крѣпости, донесся до вершинъ и стихъ.

И снова книга жизни Бейдемана обрывается. Цѣлое десятилѣтіе со времени обращенія къ царю не оставило ни одной страницы, ни одной строчки памяти въ архивномъ дѣлѣ. Документы молчатъ объ этомъ десятилѣтіи. Мы только знаемъ, что по лѣ казни Каракозова и послѣ перевода изъ равелина каракозовцевъ Худякова и Ишутина 4 октября и офицера Кувязева 15 октября 1866 года въ равелинѣ остался одинъ Бейдеманъ. Съ этого времени и до 28 января 1873 года—дня появленія въ казематѣ С. Г. Нечаева—въ теченіе 6½ лѣтъ Бейдеманъ былъ единственнымъ узникомъ равелина. Когда въ равелинѣ были заключенные, Бейдеманъ порою могъ вступить хотя бы въ нѣмое общеніе съ сосѣдями; стукъ въ стѣну давалъ извѣстное облегченіе; наконецъ, когда нельзя было поддерживать общенія и такимъ образомъ, все же оставалось скрашивающее тоску одиночества сознаніе, что тутъ рядомъ или черезъ камеру, или черезъ корридоръ есть такой же страдающій человѣкъ. Но послѣ 15 октября 1866 года и этого сознанія не было. Одинъ, одинъ, заброшенный въ казематѣ, забытый небомъ и людьми! На девятомъ году заключенія въ равелинѣ и третьемъ году абсолютно одиночнаго заточенія не выдержала и дрогнула душа, а второго десятилѣтія не вынесъ, измѣнилъ человѣку и разумъ.

12.

Книга жизни Бейдемана развертывается передъ нами на записи 1879 года. Минуло 17½ лѣтъ съ момента заключенія въ равелинѣ, прошло десять лѣтъ со времени обращенія съ просьбой о пощадѣ. 30 января 1879 года Бейдеманъ обратился съ просьбой къ смотрителю равелина маіору Филимонову командировать къ нему для объясненій по его дѣлу довѣренное лицо отъ III Отдѣленія. Комендантъ крѣпости баронъ Е. И. Майдель, который, кажется, былъ человѣкомъ

сердобольнымъ и самымъ обходительнымъ изъ всѣхъ комендантовъ, въ тотъ же день явился въ камеру Бейдемана и выслушалъ отъ него ту же просьбу. Въ тотъ же день о его желаніи комендантъ написалъ начальнику III Отдѣленія А. Л. Дрентельну и, чтобы преклонить ухо сановника къ мольбѣ заключеннаго, закончилъ свое письмо слѣдующимъ сообщеніемъ: „смотритель равелина маіоръ Филимоновъ довелъ до моего свѣдѣнія, что, по показанію часовыхъ, стоявшихъ въ коридорѣ при арестантскихъ комнатахъ, въ послѣдніе дни были случаи, когда Бейдеманъ, ночью лежа на постели, рыдалъ“...

Дрентельнъ предложилъ своему товарищу П. А. Черевину съѣздить въ крѣпость и посѣтить Бейдемана. На письмѣ коменданта имѣется помѣтка: „Ген.-маіоръ Черевинъ лично доложилъ главному начальнику о результатахъ своего посѣщенія арестанта. 31 января 1879 года“. И этими строками исчерпывается все, что мы знаемъ о посѣщеніи... Рѣшительно никакими послѣдствіями для Бейдемана оно не сопровождалось.

Затѣмъ—снова молчаніе архивныхъ листовъ на полтора года, но нѣкоторыя свѣдѣнія о состояніи Бейдемана приноситъ намъ другой источникъ—тѣ сообщенія, которыя Нечаевъ изъ равелина отправлялъ на волю народовольцамъ и которыя были напечатаны, далеко не въ подлинномъ видѣ, въ 1883 году въ № 1 „Вѣстника Народной Воли“. Извѣстно, что Нечаеву удалось распропагандировать своихъ стражей и черезъ нихъ завязать сношенія съ волей, когда въ равелинъ былъ посаженъ 10 ноября 1880 года народоволецъ Степанъ Ширяевъ. Изъ писемъ Нечаева народовольцы получили первыя вѣсти о равелинѣ, о режимѣ заключенія, о сидѣвшихъ здѣсь. Нечаевъ сообщилъ, между прочимъ, и потрясающія данныя о своемъ товарищѣ по заключенію. „Несчастный узникъ, томящійся въ заключеніи болѣе 20 лѣтъ и утративши разсудокъ, бѣгаетъ по холодному каземату изъ угла въ уголъ, какъ звѣрь въ своей клѣткѣ, и оглашаетъ равелинъ безумными воплями. Проходя мимо воротъ равелина въ тихую морозную ночь, обыватели крѣпости слышатъ эти вопли. Этотъ безумный узникъ—бывшій офицеръ-академикъ Шевичъ, доведенный тюрьмой до потери разсудка“.

Мы лишены возможности точно установить тотъ моментъ, когда Нечаеву удалось собрать черезъ своихъ часовыхъ свѣдѣнія о своемъ товарищѣ по заключенію или войти съ нимъ въ сношенія. Но ясно во всякомъ случаѣ, что въ этотъ моментъ Бейдеманъ уже не владѣлъ разсудкомъ, даже фамиліи его не могъ узнать Нечаевъ. Въ настоящее время на основаніи пересмотра всѣхъ дѣлъ архива Алексѣевскаго равелина и всѣхъ ежемѣсячно представлявшихся царю рапортовъ коменданта со списками заключенныхъ мы можемъ съ полной достовѣрностью утверждать, что, кромѣ Бейдемана, и Нечаева, за время 1873—1879 года въ равелинѣ не было никого, и сообщенія Нечаева могутъ относиться только къ Бейдеману. Непонятно, почему Нечаевъ называетъ Бейдемана Шевичемъ. Для объясненія этого факта позволительно привести догадку: не нашелъ ли Нечаевъ записанной на стѣнахъ фамиліи Шевичъ, который дѣйствительно сидѣлъ по ничтожному обвиненію въ украинскомъ сепаратизмѣ въ Алексѣевскомъ равелинѣ съ 12 сентября по 31 декабря 1862 года? Или въ безуміи самъ Бейдеманъ сталъ считать себя Шевичемъ?

Въ добавленіе къ сообщенію Нечаева въ письмѣ къ народовольцамъ слѣдуетъ привести и краснорѣчивыя строки изъ подлиннаго

прошенія Нечаева на имя директора департамента государственной полиціи барона Веліо отъ 25 августа 1880 года о разрѣшеніи пользоваться письменными принадлежностями:—„Проводя скучные, мучительные дни въ хожденіи изъ угла въ уголъ по каземату, какъ звѣрь въ своей клѣткѣ,—проводя еще болѣе мучительныя, безсонныя ночи въ слушаніи безумныхъ воплей несчастнаго сосѣда, доведеннаго одиночнымъ заключеніемъ до ужаснаго состоянія, содрогаясь при мысли, что и меня въ будущемъ ждетъ такая же участь, если не измѣнятся условія праздной жизни, разслабляющей физическія и умственныя силы—я обращаюсь съ просьбой“ и т. д.

Человѣкъ сравнительно новый въ департаментѣ полиціи, не вѣвшійся въ дѣло политическаго розыска, баронъ Веліо противъ строкъ Нечаева о воплях безумнаго сосѣда написалъ: „развѣ нельзя ихъ размѣстить?“ Самъ Нечаевъ, а быть можетъ, дешифровщики его писемъ считали преднамѣреннымъ такое сближеніе двухъ заключенныхъ и дали ему ужасное истолкованіе: „Шевичъ (т.-е. Бейдеманъ) не опасенъ для правительства; мучить его также не имѣло бы смысла; почему же держатъ несчастнаго въ заключеніи? На этотъ вопросъ политика... даетъ объясненіе, ужасающее своимъ безчеловѣчіемъ: безумнаго Шевича держатъ въ тюрьмѣ. потому, что его примѣръ, его вопли и припадки бѣшенства производятъ потрясающее дѣйствіе на другихъ арестантовъ молодыхъ, мыслящихъ, еще не доведенныхъ до отчаянія. Праздное одиночество въ сыромъ склепѣ, грязное непромытое бѣлье, паразиты, негодная пища, адскій холодъ, оскорбленія и поруганія, побои, веревки, колодки, цѣпи, кандалы—всего этого достаточно, чтобы искалѣчить человѣка, чтобы разрушить физическія силы, но сила нравственная не всегда можетъ быть раздавлена этимъ гнетомъ. и палачи ищутъ для этого другихъ средствъ“.

У насъ нѣтъ данныхъ считать такое объясненіе вѣрнымъ, но нѣтъ и данныхъ для его опроверженія. Но съ полной убѣжденностью мы говоримъ: да, такое объясненіе возможно. Дѣйствительность его допускаетъ.

Несомнѣнно, къ Бейдеману относятся и тѣ разсказы, которые Кенанъ собралъ отъ жандармовъ, служившихъ въ равелинѣ и сосланныхъ на поселеніе въ Сибирь за содѣйствіе Нечаеву въ его сношеніяхъ съ волей. По словамъ Кенана, „въ 1882 году въ Петропавловской крѣпости содержался въ одиночномъ заключеніи офицеръ, который въ концѣ-концовъ пересталъ отвѣчать на вопросы. Призванный къ нему врачъ констатировалъ, что онъ впалъ въ идіотизмъ. Онъ могъ еще ѣсть, пить, но въ его усталыхъ стекляпныхъ глазахъ погасъ послѣдній лучъ сознанія, и онъ почти все время проводилъ, не двигаясь, на постели. Ни имя его, ни совершенное имъ преступленіе никому не извѣстны. О существованіи его дали нѣкоторыя свѣдѣнія жандармы, служившіе въ 1882 году въ Алексѣевскомъ равелинѣ и въ августѣ этого года сосланные въ Сибирь за то, что они помогали перепискѣ заключенныхъ съ ихъ друзьями. По ихъ словамъ, этотъ офицеръ, сдѣлавшійся въ концѣ-концовъ сумасшедшимъ и извѣстный только подъ номеромъ занимаемой имъ камеры, былъ привезенъ на много лѣтъ раньше, чѣмъ его впервые увидѣли р а з с к а з а в ш і е объ этомъ жандармы“.

Прошло еще полтора года. 1 марта 1881 года былъ убитъ Александръ II, затѣмъ произошла перемѣна властей. Министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ графъ Игнатьевъ, а директоромъ де-

партамента полиціи—В. К. Плеве. 20 іюня 1881 года Александру III былъ представленъ докладъ о Бейдеманѣ. Докладъ заключалъ краткое изложеніе извѣстныхъ намъ моментовъ, заканчивавшееся упоминаніемъ объ обращеніи Бейдемана на высочайшее имя; докладъ не предлагалъ никакихъ соображеній о томъ, какъ поступить съ Бейдеманомъ. Графъ Игнатьевъ записалъ рѣшеніе царя:—„Доложено 20 іюня въ Петергофѣ. Высочайше повелѣно, если узникъ пожелаетъ, выпустить и свести въ далекія и малолюдныя мѣста Сибири на жительство".

13.

Послѣ царской резолюціи, казалось бы, слѣдующая страница книги жизни Бейдемана должна раскрыться на разсказѣ о его освобожденіи. Но воля не была ему суждена. Тотъ же Плеве 29 іюня доложилъ своему шефу графу Игнатьеву: „въ виду имѣющихся указаній на ненормальное состояніе умственныхъ способностей Бейдемана пожелалось бы, предварительно приведенія Высочайшаго повелѣнія въ исполненіе, помѣстить его на испытаніе въ Окружную лечебницу всѣхъ скорбящихъ въ Казани". Плеве не нашелъ возможнымъ освободить безумнаго Бейдемана, а графъ Игнатьевъ пошелъ дальше Плеве: стѣны дома сумасшедшихъ казались ему ненадежными, и онъ [illegible] резолюцію на докладѣ Плеве: „Согласенъ, но надо принять меры, чтобъ онъ тамъ не сообщался съ людьми, могущими его [illegible] во вредъ правительству". Не совсѣмъ ясно, что хотѣлъ сказать графъ Игнатьевъ, но ясно, что онъ требовалъ сугубаго надзора за Бейдеманомъ даже и въ больницѣ для умалишенныхъ. Такъ была приведена въ исполненіе высочайшая воля: „если узникъ пожелаетъ, выпустить"...

[illegible] департаментъ полиціи сдѣлалъ исполненіе по дѣлу Бейдемана. Были [illegible] три бумаги съ сакраментальной помѣткой [illegible]: „Совершенно секретно. По Высочайшему повелѣнію" № 3937 [illegible] коменданту крѣпости [illegible] Михаила Бейдемана начальнику С.-Петербургскаго жандармскаго управленія ген.-маіору Комарову № 3939, адресованный генералу Комарову, былъ слѣдующаго содержанія:

„Имѣю честь просить васъ, милостивый государь, принять содержащагося въ Петропавловской крѣпости 14, 46, 35, 40, 66, 35, 17, 66, 18, 13, 35, 67, 13, 67, 15, 13, 27, 13 [1]), отъ коменданта крѣпости и [illegible] распоряженіе о препровожденіи его подъ самымъ бдительнымъ надзоромъ двухъ надежныхъ унтеръ-офицеровъ, въ отдѣльномъ помѣщеніи, при полномъ разобщеніи съ окружающими лицами, по желѣзной дорогѣ въ г. Нижній-Новгородъ и далѣе на пароходѣ въ г. Казань, гдѣ означенное лицо должно быть сдано въ распоряженіе Казанскаго Губернатора для помѣщенія въ Окружную лечебницу всѣхъ скорбящихъ".

Казанскому губернатору министръ внутреннихъ дѣлъ по департаменту государственной полиціи (№ 3938) писалъ:

„Имѣю честь просить Ваше превосходительство сдѣлать зависящее распоряженіе о принятіи имѣющаго прибыть въ г. Казань подъ надлежащимъ конвоемъ арестанта 14, 46, 35, 40, 66, 35, 17, 66, 18, 13,

---

[1]) Цифрами зашифрована фамилія Бейдемана.

35, 67, 13, 67, 15, 13, 27, 13, для помѣщенія въ Окружную лечебницу всѣхъ скорбящихъ на предметъ испытанія состоянія его умственныхъ способностей, поручивъ Директору лечебницы доктору Фреже лично произвести тщательное изслѣдованіе состоянія здоровья упомянутаго лица, обязавъ его представить мнѣ подробное заключеніе свое о результатахъ изслѣдованія, съ подробнымъ опредѣленіемъ какъ формы умопомѣшательства арестанта, такъ и приблизительнаго срока его выздоровленія, если таковое предвидится. Вмѣстѣ съ симъ имѣю честь просить Васъ, М. Г., принять всѣ мѣры къ тому, чтобы названный арестантъ во все время пребыванія въ лечебницѣ находился въ совершенно отдѣльномъ помѣщеніи, и чтобы ни подъ какимъ предлогомъ выпускаемъ не былъ при полномъ разобщеніи съ окружающими лицами, оградивъ его вполнѣ отъ сообщенія съ людьми, могущими его эксплуатировать во вредъ правительства. Сообщая о вышеизложенномъ, имѣю честь просить ваше превосходительство о послѣдующемъ не оставить увѣдомленіемъ".

4 іюля Бейдеманъ былъ выданъ подъ расписку генералу Кон[illegible]рову, а 8 іюля отбылъ для принятія Казанскимъ губернаторомъ для помѣщенія въ больницу. Губернаторъ извѣстилъ, что „о результатахъ изслѣдованія состоянія его умственныхъ способностей имъ будетъ представлено особое сообщеніе, по полученіи надлежащихъ свѣдѣній отъ г. директора лечебницы Фреже".

Губернаторъ выдалъ жандармскому унтеръ-офицеру [illegible] Абрамову двѣ квитанціи: первую въ томъ, что принятъ имъ секретный пакетъ и арестантъ, который претензій не заявлялъ, вторую въ томъ, что приняты вещи, бѣлье, бархатная красная шапочка и евангеліе.

Счеты равелина съ Бейдеманомъ закончились тогда, когда былъ разрѣшенъ вопросъ о судьбѣ собственныхъ его вещей, взятыхъ у него при заключеніи въ равелинъ. По описи значилось: полукафтанъ форменный кавалерійскій чернаго сукна съ погонами, шаровары синесѣроватаго сукна, рубаха полотняная, фуражка форменная, каска безъ султана, кавалерійская въ кожаномъ футлярѣ, сапоги со шпорами и штиблеты, галстукъ съ манишкою (форменный), часы [illegible], саквояжъ, эполеты кавалерійскіе, поясъ, шарфъ, портупея кавалерійская, лядунка съ перевязью, шинель [illegible] съ погонами, панталоны лѣтніе, пистолетъ двухствольный (испорченный), ножъ въ деревянномъ черенкѣ. Всѣ эти вещи, по донесенію коменданта, пришли въ разрушеніе.

Еще бы, съ 1861 года за 20 лѣтъ! За это время и человѣкъ пришелъ въ разрушеніе.

Департаментъ полиціи отвѣтилъ коменданту, что вещи въ виду ветхости ихъ подлежатъ уничтоженію. Комендантъ предписалъ смотрителю равелина „уничтожить вещи сожженіемъ въ присутствіи двухъ жандармскихъ унтеръ-офицеровъ а металлическія вещи, какъ-то: пистолетъ, шашку и проч. сломать въ куски и бросить въ Неву, о чемъ составить актъ, за общими подписями участвовавшихъ. 20 іюля вещи были сожжены, а металлическія вещи сломаны въ куски и брошены въ рѣку Неву".

О вещахъ, конечно, было больше заботъ и хлопотъ, чѣмъ о человѣкѣ...

14.

Опять перерывъ, опять молчатъ архивные листы. И наконецъ книга жизни Михаила Бейдемана раскрывается сразу на послѣдней страницѣ...

Казанскій губернаторъ отвѣчалъ 8 іюля 1881 года департаменту полиціи, что о результатахъ медицинскаго изслѣдованія имъ будетъ представлено особое донесеніе. Слѣдующее по времени сообщеніе казанскаго губернатора было отправлено имъ черезъ 6½ лѣтъ. И тутъ гибель Бейдемана. 10 декабря 1887 года (№ 1022) губернаторъ писалъ въ департаментъ полиціи: „На отношеніе отъ 1 іюля 1881 года за № 3938, имѣю честь увѣдомить Департаментъ Полиціи, что находившійся въ Казанской Окружной лечебницѣ во имя Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ на испытаніи въ состояніи умственныхъ способностей арестантъ изъ государственныхъ преступниковъ № 14, 46, 35. 40, 66, 35, 17, 66, 13, 13. 35, 67, 15, 13, 17, 13—5 сего декабря умеръ“.

Цифрами зашифрована фамилія—Михаилъ Бейдеманъ...

5 декабря 1887 года закрылась навсегда книга жизни Михаила Бейдемана [1].

15.

Передъ нами прошла вся его жизнь.

Одинъ годъ (1860—1861) восторженныхъ порывовъ, благороднѣйшаго одушевленія и пылкихъ мечтаній. Благо народа, слава подвига, факелъ народнаго возстанія!

И черезъ годъ сразу Алексѣевскій равелинъ. Вошелъ увѣреннымъ въ себѣ, пылкимъ и дерзкимъ энтузіастомъ. Онъ не поддастся, не измѣнитъ себѣ, не пожертвуетъ самой ничтожной долей своихъ убѣжденій, своего я!

Пережить рѣдкое и острое удовлетвореніе—бросить въ лицо всѣ рѣзкія оскорбительныя слова, прямо въ лицо!

Затѣмъ медленное, разлагающее, засасывающее дѣйствіе равелина. Попытка напомнить о себѣ, крикнуть: авось услышатъ! Мучительный вопль о пощадѣ. „Я весь вашъ, только пустите“! Трепетное ожиданіе—услышатъ!.. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ.

И за громкимъ воплемъ, затихнувшимъ у высоты престола, разумнымъ воплемъ—безумные, дикіе вопли, слышные часовымъ, да сосѣдямъ по камерѣ. Изъ угла въ уголъ, точно звѣрь въ клѣткѣ, вопитъ и бьется головой объ стѣну. А по ночамъ въ затишьи, быть можетъ, въ свѣтлые моменты сознанія—слезы на кровати.

20 лѣтъ заключенія въ равелинѣ.

Увезенъ помраченнымъ разсудкомъ. И еще 6½ лѣтъ той же жизни сумасшедшаго въ больницѣ.

26½ лѣтъ заключенія за годъ революціонныхъ восторговъ...

1919. Май—Іюнь.

---

[1] Основное дѣло о Бейдеманѣ—Архивъ III Отдѣленія, 1 эксп. 1861 № 282. Свѣдѣнія о пребываніи въ равелинѣ—въ дѣлѣ № 10. управленіе Коменданта С. Петерб. крѣпости по Алексѣевскому равелину (по описи Деп. Пол. № 159). Формулярный списокъ о службѣ Бейдемана—въ Лефортовскомъ архивѣ (1 моск. отд. III секціи Г. А. Ф.). Докладъ министра финансовъ съ донесеніемъ Начальника Скулянскаго таможеннаго округа въ дѣлѣ III Отд. 1 эксп. 1861 № 54. См. также въ Отчетѣ о дѣйствіяхъ III Отд. собств. Е. И. В. канцеляріи за 1861, стр. 1—3.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Новая глава «Основныхъ Законовъ». О Государственномъ Совѣтѣ.

§ 1. Государственный Совѣтъ есть высшее совѣщательное собраніе по дѣламъ законодательнымъ.

Примѣчаніе. Дѣла внѣшней политики вносятся на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта только по усмотрѣнію Верховной власти.

§ 2. Государственный Совѣтъ состоитъ подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Комитета Министровъ, изъ выборныхъ отъ областей, изъ членовъ, назначаемыхъ Верховною властью, изъ министровъ[1] и главноуправляющихъ отдѣльными частями Государственнаго Управленія, и Государственнаго Секретаря, который назначается Верховною властью, и статсъ-секретарей.

§ 3. Число уѣздовъ Государственнаго Совѣта должно быть не болѣе числа выборныхъ (47), т. е. по числу теперешнихъ губерній Европейской Россіи (исключая Ставропольской Области, отходящей къ Кавказу) и Земли Войска Донского.

Примѣчаніе. Въ случаяхъ особенной важности, а также передъ открытіемъ и закрытіемъ Государственнаго Совѣта Предсѣдательствуетъ самъ Государь Императоръ.

§ 4. Сибирь, Кавказъ, Финляндія и Царство Польское имѣютъ свои совѣщательныя собранія подъ именемъ Совѣтовъ: Сибирскій Совѣтъ, Кавказскій Совѣтъ, Финляндскій Совѣтъ и Совѣтъ Царства Польскаго.

---

[1] Кромѣ Министра Двора, который въ совѣщаніи не участвуетъ, какъ Министръ, но можетъ участвовать по назначенію Государя Императора, какъ Членъ Государственнаго Совѣта.

§ 5. Совѣтамъ этимъ состоять подъ Предсѣдательствомъ Намѣстника: Сибирскаго, Кавказскаго, Финляндскаго и Царства Польскаго, а въ небытность ихъ—подъ предсѣдательствомъ ихъ товарищей.

§ 6. Для завѣдыванія дѣлами, требующими соображеній Комитета Министровъ, Правительствующаго Сената, Святѣйшаго Синода и утвержденія Государя Императора, учреждаются Сибирскій, Кавказскій, Финляндскій и Царства Польскаго Комитеты, которымъ состоять въ завѣдываніи Статсъ-Секретарей Верховной власти.

§ 7. Ни одно рѣшеніе Государственнаго Совѣта не имѣетъ силы безъ утвержденія Верховной власти и безъ обнародованія Правительствующимъ Сенатомъ.

§ 8. Дѣла въ Государственномъ Совѣтѣ рѣшаются по большинству голосовъ: 2/3 противъ 1/3 по тайной баллотировкѣ (въ ящикѣ съ бѣлыми и черными шарами).

Примѣчаніе. Въ баллотировкѣ участвуютъ только выборные отъ областей и Члены Государственнаго Совѣта; Предсѣдатель Комитета Министровъ наблюдаетъ за правильностью и законностью преній, а Государственный Секретарь составляетъ протоколъ (меморіи) засѣданій; Министры же и Главноуправляющіе въ баллотировкѣ не участвуютъ.

§ 9. Министры и Главноуправляющіе обязательны передъ Государственнымъ Совѣтомъ и вносятъ на его разсмотрѣніе годовые отчеты.

Примѣчаніе. Министръ Финансовъ ежегодную смѣту Государственныхъ доходовъ и расходовъ вноситъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, который для полнаго ея обслѣдованія назначаетъ Комиссію (наровну изъ выборныхъ и членовъ); по разсмотрѣніи же смѣты Комиссіею и по разрѣшеніи ея въ Общемъ Присутствіи Государственнаго Совѣта она вносится на утвержденіе Государя Императора.

§ 10. Государственный Совѣтъ въ лицѣ законнаго большинства 2/3 противъ 1/3 (считая вмѣстѣ и выборныхъ и членовъ) имѣетъ право не только отвергать мнѣніе Министровъ, но и всеподданнѣйшимъ докладомъ чрезъ Начальника Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи просить Государя Императора объ увольненіи Министровъ отъ должностей и о назначеніи на ихъ мѣсто другихъ.

§ 11. Если при рѣшеніи какого-нибудь дѣла возникнетъ явная оппозиція въ Выборныхъ отъ областей, а Государь Императоръ найдетъ ее не согласною съ настоящими выгодами и интересами государства и народа, то немедленно распускаетъ выборныхъ, а дѣло рѣшаетъ по своему Высочайшему усмотрѣнію.

§ 12. По Высочайшему же усмотрѣнію назначается время для открытія Государственнаго Совѣта и созванія выборныхъ отъ областей.

§ 13. Засѣданія Государственнаго Совѣта бываютъ обыкновенныя, по одному разу въ недѣлю, и чрезвычайныя по назначенію Предсѣдателя Комитета Министровъ.

§ 14. Если по болѣзни или по другимъ обстоятельствамъ, какъ выборные отъ областей такъ и члены Государственнаго Совѣта не могутъ присутствовать при баллотировкѣ, то имъ предоставляется право передавать свой голосъ кому нибудь изъ своихъ товарищей,

каждый разъ извѣщая объ этомъ письменно Секретаря Государственнаго Совѣта, которому поручается обязанность слѣдить за правильностью баллотировки и объявленія ея результатовъ.

Примѣчаніе (къ § 14). Время съ 15 мая по 15 августа, считается вакаціоннымъ для всѣхъ членовъ Государственнаго Совѣта, и на это время всѣ засѣданія прекращаются, исключая, разумѣется, случаевъ особенной важности по усмотрѣнію Государя Императора.

§ 15. При засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта могутъ присутствовать въ галлереѣ частныя лица (по билетамъ) и корреспонденты всѣхъ Петербургскихъ газетъ (по особымъ спискамъ): но если интересъ дѣла того потребуетъ, то равно какъ публика, такъ и корреспонденты воспрещаются.

Примѣчаніе. Случаи того и другого опредѣляются предсѣдателемъ Комитета Министровъ.

§ 16. При Государственномъ Совѣтѣ состоятъ: Государственная Канцелярія, Государственный Архивъ и Редакція журналовъ (нынѣ при II Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи).

Примѣчаніе. Государственная Канцелярія состоитъ подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Государственнаго Секретаря, которому для дѣлопроизводства имѣть столько помощниковъ и нужное число писцовъ, служителей и курьеровъ. Государственный Архивъ состоитъ изъ вѣдѣнія Государственнаго Архивіуса и его помощника. Редакція журналовъ состоитъ изъ Предсѣдателя, членовъ, Секретаря и нужнаго числа помощниковъ. Для завѣдыванія хозяйственною частью при Государственной Канцеляріи, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Государственнаго Секретаря, состоитъ смотритель и его помощникъ.

§ 17. Всѣ частныя лица, равно волостныя и дворянскія городскія и другія собранія могутъ въ случаѣ надобности обращаться въ Государственный Совѣтъ посредствомъ адресовъ (страховыхъ), для которыхъ при Государственномъ Совѣтѣ имѣть ящикъ и шнуровую книгу и для разбора которыхъ Общимъ присутствіемъ назначается Особая Комиссія (изъ выборныхъ и изъ членовъ).

Примѣчаніе. На адресѣ должны быть обозначены какъ полныя фамиліи и имена лицъ, такъ и мѣста ихъ жительства.

§ 18. Постѣ разбора адресовъ Комиссія составляетъ всѣмъ имъ протоколъ, который и вносится на разсмотрѣніе Общаго Присутствія для надлежащаго распоряженія.

§ 19. Всѣ дѣла по адресамъ на злоупотребленія служащихъ лицъ съ объясненіемъ дѣла вносятся Общимъ Присутствіемъ чрезъ Государственнаго Секретаря въ Палату о нарушеніи службы Правительствующаго Сената (і Департаментъ).

§ 20. Всѣ распоряженія Общаго Присутствія Государственнаго Совѣта съ согласія Предсѣдателя комитета Министровъ выполняются Министрами и Главноуправляющими частями Государственнаго Управленія.

2.

Славянофильство, какъ принципъ.

(Дорогой памяти Алексѣя Степановича Хомякова и Константина Сергѣевича Аксакова).

Двухъ самыхъ благородныхъ поборниковъ славянофильства не стало. Не стало ихъ въ то время, въ ту минуту, когда общественное сознаніе, столкнувшееся [illegible] на глазъ съ русскою жизнью, съ ея русскими вопросами, почувствовало всю недостаточность [illegible] или полнаго, живаго пониманія этой жизни, всю несостоятельность современной [illegible] или разрѣшенія этихъ вопросовъ. По ихъ [illegible] остались слѣды: ихъ горячія, задушевныя убѣжденія [illegible]. Грустная, одинокая могила Аксакова [illegible] имя Москвы на одномъ изъ азіатическихъ [illegible] и многими. Она выжметъ крупную слезу изъ русскаго сердца и наполнитъ его негодованіемъ къ тѣмъ людямъ, о которыхъ сказалъ поэтъ:

А вы, [illegible] потомки
Извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ:
. . . .
Для васъ и судъ и правда — все молчи!

Да! Они сдѣлали свое дѣло, — дѣло сознанія и мысли, дѣло русской будущности. Многое поймется и объяснится иначе, — но основа ихъ ученія — *самобытность русскаго развитія* — останется незыблемою. — Но много темнаго и нечистаго остается до сихъ поръ на совѣсти славянофильства, много больныхъ мѣстъ, которыхъ не могли [illegible] самыя горячія и искреннія стремленія лучшихъ людей этого толка. Невольно припоминаются всякому тѣ магическія слова ихъ девиза — *самодержавіе, православіе и народность*, которыя родятъ самое горькое чувство сомнѣнія и недовѣрія. И объ этомъ *ихъ девизѣ* я и хочу договориться. Начну сперва съ того, что *славянофильство*, какъ школа, какъ направленіе, распадается на два отдѣла, которые, несмотря на всю разность личныхъ убѣжденій людей, составляющихъ ряды ихъ, вслѣдствіе *историческихъ* условій, ратуютъ подъ однимъ знаменемъ. И настаиваю на томъ, что такихъ дѣятелей, какъ *Шевыревъ*, *Погодинъ* и *Крыловъ*, нельзя смѣшивать съ *Хомяковымъ*, *Аксаковымъ*, *Кирѣевскимъ* и *Самаринымъ*. — Они въ славянофильствѣ ищутъ убѣжища и защиты отъ нападокъ *европейцевъ*, открывшихъ къ соблазну всей почтенной публики, что, напримѣръ, г. *Крыловъ* [illegible] въ первыхъ основаніяхъ римскаго права, что непростительно не знать профессору этого права — мѣста termis Agripinis, и г. Крыловъ, въ качествѣ славянофила, печатаетъ самую рабскую и возмутительную статью о [illegible] царя и прочихъ красотахъ; открывается, напримѣръ, что г. *Шевыревъ* городитъ нелѣпицу въ своихъ *лекціяхъ о русск. словесн.*, и г. Шевыревъ съ старческимъ

задоромъ называетъ Европу развратною вѣдьмою съ прыщиками на носу. Такіе господа знаютъ очень хорошо, что возраженія на все это не будетъ — начальство не приказало, — и празднуютъ время своего позорнаго старчества и умственнаго безсилія. Это люди, принадлежавшіе прежде къ самымъ горячимъ поборникамъ европейскаго просвѣщенія, тоже вслѣдствіе чисто-русскихъ условій, ищутъ въ славянофильствѣ послѣдняго убѣжища, изъ котораго имъ всего безопаснѣе выдавливать гной своего загнившагося самолюбія. Они — неофиты, неофиты не горячей вѣры и твердаго убѣжденія, а гадкаго чувства старческой немощи, неудавшагося желанія оставить за собою прежнее вліяніе и значеніе въ наукѣ и жизни. — Объ нихъ чѣмъ меньше, тѣмъ лучше. Это явленіе естественно и легко объясняется, повторяемъ, условіями русскаго общественнаго быта, въ которомъ смѣна и борьба поколѣній имѣютъ особый характеръ, — характеръ желчной полемики, насмѣшки, ничего не щадящей, а подъ часъ и самой крупной брани. — Но вотъ что странно: такая благородная личность, какъ Аксаковъ, не имѣвшая ничего общаго съ Шевыревымъ ни въ отношеніи современной мысли и науки, ни во взглядахъ на окружающую ихъ среду, глубоко негодовавшая на всю современную жизнь, становится однако подъ одно знамя съ тѣмъ же Шевыревымъ во имя русской самобытности. Такое явленіе возможно только въ русской жизни, оно говоритъ о томъ грустномъ разладѣ мысли съ жизнью, о той тяжелой борьбѣ, которую горько вели съ одной стороны наука, глубокая любовь къ русскому народу, къ кореннымъ началамъ его быта, съ другой — сознаніе [illegible] всей современной обстановки. Да, наконецъ, и вся эта обстановка была [illegible], если не-родными, то по крайней мѣрѣ вовсе не русскими, [illegible]. Вотъ отчего, для того, чтобы не впасть въ явное противорѣчіе своихъ лучшихъ, сердечныхъ убѣжденій съ тѣмъ, что происходило на самомъ дѣлѣ, нужно было, если не оправдывать, то [illegible] все безсмысліе Николаевскаго уклада. Вотъ отчего «самодержавіе, православіе и народность» сдѣлались девизомъ ученія тѣхъ людей, которые всѣхъ глубже, всѣхъ искреннѣе страдали за русскій народъ, за русское развитіе.

Время было тяжелое, время [illegible] всего того, что было лучшаго въ тогдашнемъ обществѣ, — однимъ словомъ, — время [illegible], — время полнаго чиновно-полицейскаго произвола. [illegible] — и слава Богу; осталось отъ него нѣсколько государственныхъ дѣятелей, которые, чувствуя полную неспособность сдѣлать что-либо хорошаго, по крайней мѣрѣ, при удобномъ случаѣ, [illegible] первую попавшую [illegible] за государственныя соображенія. Объ нихъ, [illegible] и о всякихъ другихъ амфибіяхъ, скоро забудутъ. Исторія скажетъ о нихъ слово презрѣнія, и только. Во-вторыхъ, и это самое главное, сущность ихъ [1]) [illegible] какъ-то плохо вязалась со всѣмъ строемъ тогдашняго времени (если такого во [illegible]). Трудно сказать, что было православнаго и народнаго въ тѣхъ бездарныхъ ничтожествахъ остзейскаго происхожденія, которыя составляли главное ядро высшаго государственнаго сословія. Они не понимали, да и не могли понимать русскаго народа, его исторіи, его обычаевъ, его нуждъ; они походили на тѣхъ французскихъ гувернеровъ изъ поваровъ и парикмахеровъ, которыхъ приставляли

---

[1]) [illegible] не въ амфибіямъ.

къ дѣтямъ для хорошихъ манеръ. Главная цѣль ихъ была [illegible], выслужиться. О русскомъ народѣ они очень мало заботились. Они всегда отличались и отличаются безпрекословнымъ исполненіемъ приказа, ползали всѣ въ прахѣ предъ старшими, тиранствовали съ подчиненными, иногда [illegible] грабили, изъ за угла шпіонили—ихъ за то награждали—и все обстояло благополучно. Русское боярство не баловали, ему предоставлена была полная свобода разориться и развратничать, отъ дѣла его подальше, да и подальше; его совершенно [illegible] нѣмецкіе колбасники, производимые въ графы въ родѣ [illegible] и т. д. Даже самое самодержавіе, за которое совершенно не основательно [illegible] вся эта фаланга сердобольныхъ нѣмцевъ было самодержавіе не царское, а чиновно-нѣмецкое, съ [illegible] патетомъ. Что общаго между самодержавіемъ Ивана Грознаго и Николая Павловича? Кто не помнитъ тѣхъ безпомощныхъ толчковъ, которые [illegible] нѣмецкими людьми, когда Кисилевъ[1], [illegible] свою мнимую русскую[2]) реформу — единственное свѣтлое событіе этого темнаго времени. О патріотизмѣ, о горячей любви къ родинѣ и къ народу не было и рѣчи. Стараніе о внушеніи покорности и только. Нѣтъ, не русская народность, не православіе двигали этими людьми, ими двигалъ низкій личный расчетъ, если не еще что больше. Развращеніе было глубоко—оно обхватило всю жизнь и Богъ вѣдаетъ, куда бы оно насъ завело. Внѣшній толчокъ рѣшилъ дѣло.

Но, слава Богу, то время прошло, и слава Богу! Много [illegible] гораздо больше, когда весь арріергардъ Николаевскаго [illegible] орудіе. Я оговорюсь и [illegible] къ [illegible]. Если славянофилы, принимая за начала своего ученія самодержавіе, православіе и народность, хотѣли ихъ защищать, но, по крайней мѣрѣ, [illegible] сущность Николаевскаго ученія, то они [illegible] большую ошибку, если не сказать, въ противорѣчіе. Дѣло слишкомъ [illegible] и, потому самому, не можетъ [illegible] ученій; отъ того [illegible] къ ихъ ученію, которое [illegible], приходится [illegible] результатъ [illegible] ученіе не родное, не истинное, оно [illegible] русскимъ, но только временно. Съ 1830 до 1855 г. все это время можетъ назваться остзейско-петербургскимъ, но никакъ не русскимъ, если угодно, чужимъ, остзейскимъ, но никакъ не славянскимъ.

Но если [illegible] славянофильскаго ученія было [illegible] его вѣрно. Русское развитіе имѣетъ свою [illegible], только ему принадлежащую [illegible] отъ европейской. Русь земля, съ самаго начала русская, а потомъ европейская; исторія русскаго народа своеобычна, особенно не походящая на исторію европейскаго запада. Задача русскаго развитія—въ развитіи своихъ, родныхъ, народныхъ условій общественнаго быта, а не въ слѣпомъ перениманіи чужихъ условій. Европа, если перегнала насъ, то только въ техническихъ средствахъ.

---

[1]) Графъ Кисилевъ [illegible]. Вулгаково и Перовскій [illegible] [illegible] только [illegible].

[2]) Если [illegible] разрѣшенія [illegible] получила [illegible] характеръ, то [illegible] русская.

во внѣшнемъ употребленіи образованія (понимая подъ этимъ словомъ разумность человѣческой жизни, а не французское, англійское и всякаго рода обезьянство), а не во внутреннемъ его усвоеніи. Вѣдь промышленность и желѣзныя дороги не конечная, не высшая цѣль человѣческаго развитія; они только средства къ достиженію этой цѣли, но не самая цѣль. Громадное развитіе промышленности въ Англіи развѣ сопровождалось и сопровождается всегда развитіемъ разумности человѣческихъ отношеній? Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ. Усовершенствованіе фабричныхъ и заводскихъ пріемовъ и машинъ развѣ усовершенствовало самую жизнь, сдѣлало ли ее счастливѣе и разумнѣе для нѣсколькихъ миліоновъ рабочаго населенія? Нѣтъ, и опять таки нѣтъ. Но, говорятъ защитники англійской цивилизаціи, это явленіе есть естественный результатъ — чрезмѣрнаго умноженія народонаселенія, это органическій законъ развитія всякаго человѣческаго общества, это только темная сторона, которая не можетъ затемнить свѣтлыхъ сторонъ англійской цивилизаціи. Но, во-первыхъ, разумность человѣческой жизни состоитъ не въ рабскомъ служеніи органическимъ законамъ природы и общества, а въ ихъ приспособленіи, въ ихъ осмысленіи, соотвѣтственно духовнымъ и нравственнымъ законамъ. Въ противномъ случаѣ вся наука, вся цивилизація (какова она бы ни была) не стоитъ выѣденнаго яйца. Во-вторыхъ, — эта колоссальная промышленность, которая составляетъ самую сильную черту англійской цивилизаціи, — есть также естественный результатъ большаго населенія на маломъ пространствѣ, результатъ счастливаго географическаго положенія. Но населеніе увеличивается [illegible] и у насъ скорѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, результатомъ этого явленія будетъ и у насъ, какъ и всюду, развитіе и усиленіе земледѣльческой и фабричной промышленности. Если бы при настоящемъ положеніи дѣлъ Англія понизила бы ежегодную цифру своей фабричной производительности до производительности этой промышленности въ Россіи, то можно навѣрное сказать, что, по крайней мѣрѣ, пятая часть англійскаго населенія померла бы съ голоду. Тамъ тысяча аршинъ сукна больше или меньше — вопросъ жизни или смерти. Если у мистера Джексона на фабрикѣ при 500 работникахъ работа уменьшится на $^1/_{50}$ часть, то 10 работниковъ должны перейти на другую фабрику (что чрезвычайно затруднительно, а иногда просто невозможно) или умереть, какъ римскіе гладіаторы dans les rues opulents de Londres. Отъ воркгаузовъ (благотворительныхъ заведеній-работныхъ домовъ для бѣдныхъ, содержимыхъ на доходы income tax'а) у нихъ [illegible] отвращеніе и каждый англійскій работникъ, [illegible] скорѣе согласится умереть въ одну прекрасную ночь подъ мраморнымъ крыльцомъ еврейскаго банкира, чѣмъ вторично отвѣдать тамошняго хлѣба-соли. Но если приподнять завѣсу, которая закрываетъ уличный бытъ Лондона, то поневолѣ придется убѣдиться, что англійская цивилизація не такъ привлекательна и разумна, какъ изображаютъ ее тупые англоманы. Прибавьте къ этому, что вслѣдствіе раздѣленія труда работникъ теряетъ всякую смѣтку и обращается въ какую-то живую часть машины, неспособную ни на какое другое дѣло, — самое обыкновенное, кромѣ своей урочной 10-часовой манипуляціи.

Что же касается до свѣтлыхъ сторонъ англійской цивилизаціи, я ихъ не отвергаю: англійское конституціонное устройство, какъ бы ни было оно одностороннее, — сильная основа исторической жизни англійскаго народа: ему онъ обязанъ лучшими сторонами своего го-

сударственнаго и общественнаго быта. Но я далекъ отъ доктринерской точки зрѣнія на этотъ предметъ, далекъ оттого, чтобы видѣть въ Англіи альфу и омегу возможнаго совершеннаго развитія. Да, наконецъ, и вся англійская цивилизація—результатъ англійской исторіи, продуктъ островной жизни: что хорошо тамъ, можетъ быть хорошо и у насъ, но можетъ быть и не хорошо, и даже положительно скверно. (Замѣчаніе относится не къ [illegible] конституціоннымъ устройствомъ, а къ множеству другихъ вопросовъ—т. е. III Отдѣла). Весь вопросъ не въ томъ или другомъ методѣ переставленія то англійскаго индустріализма, то французскихъ модъ, то германскаго [illegible]: весь вопросъ въ самобытной, непредубѣжденной, [illegible] различныхъ условій жизни и быта.

Славянофилы, впрочемъ, и не думали заключаться въ какія-то рамки исключительности; они только предъявляли право существованія русской мысли [illegible] отъ [illegible] взглядовъ; они утверждали, что если имѣютъ смыслъ слова европейская цивилизація, англійская цивилизація или французская цивилизація, то также имѣетъ смыслъ и слово русская цивилизація; употребляли это слово въ смыслѣ общечеловѣческой, т. е. разумности человѣческой жизни, а не въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляютъ его наши [illegible]. Они проповѣдывали любовное обращеніе къ русскому народу, который, [illegible] модныхъ теорій, былъ совершенно забытъ нашими учеными. Они [illegible] протестовали противъ безсмысленнаго перениманія чужого. Они говорили, что если цѣль развитія всякаго общества есть достиженіе идеала, выработаннаго въ этомъ обществѣ, то и идеаломъ для русскаго общества должна быть не Франція, не Англія, не Германія, а свой родной идеалъ, [illegible] русскою исторіею, жизнію русскаго народа; что, наконецъ, и самый путь идеала въ своемъ [illegible] благоразуміе, трезвые, сердечные, любовные: что много было напраснаго увлеченія тѣмъ, что за моремъ, [illegible] остановкою [illegible] быть западной Европы; что было слишкомъ много [illegible] равнодушія къ самому несчастному, забитому, родному [illegible] мужику; что этотъ мужикъ со всѣмъ своимъ міромъ обычаевъ, повѣрій и предразсудковъ оставался непонятымъ, невыслушаннымъ; что, наконецъ, надо поменьше слишкомъ скораго разочарованія и побольше любви сердечной, широкой русской любви.

3.

Ванюша.

(Подражаніе древне-русской повѣсти „Горе-Злосчастіе").

> [illegible]
>
> Н. Огаревъ.

Восходило красное солнышко
Надъ матушкой Русью православною:
Освѣтило родную съ края на край:
Много широкихъ рѣкъ, да морей синихъ, да глубокихъ озеръ,
Много нивъ золотистыхъ, да зеленыхъ луговъ,
Много широкихъ степей, да дремучихъ лѣсовъ,
Много селъ, деревень, городовъ.
И заиграло красное по церквамъ златоглавымъ.
Весело стало и птицѣ, и звѣрю лѣсному.
Весело рыбѣ рѣчной, и коню степному;
Веселилась вся тварь на широкой Руси [illegible]
Заревѣли, заиграли, живая, [illegible]
Не весело только въ богатомъ селѣ, что Неробкомъ.
А изъ того села изъ большого — Неробкаго,
Выходилъ Ванюша-богатырь, крестьянскій сынъ:
Выходилъ богатырь въ Москву златоглавую,
За золотой казной, да за красньмъ товаромъ.
Провожала родная матушка, сына-богатыря провожаючи,
Большимъ кушакомъ горько [illegible];
Мать его родимая къ сердцу и груди его прижимаючи.
Въ бѣлой рукѣ ему [illegible].
Говорила она сыну-богатырю таковы слова:
„На головѣ у тебя, Ванюша, кудри кудрявые завиваются,
Есть у тебя въ плечахъ мощь богатырская,
А въ широкой груди у тебя сердце молодецкое;
Есть у тебя, Ванюша, золотая казна несчетная.
Есть у тебя тройка могучая, богатырская.
Есть у тебя телѣга дубовая, желѣзомъ окованная—
Выѣдешь ты на большую дорогу, на столбовую,
Помчитъ тебя тройка [illegible], богатырская—
До самой Москвы-матушки, до бѣлокаменной.
Да берегися, Ванюша, горя-злосчастнаго,
Ходитъ горе и днемъ, и въ ночь по дорогѣ столбовой,
Никуда нельзя отъ горя [illegible].
Нигдѣ отъ горемычнаго не укроешься—
Ходитъ горе по кабакамъ большимъ, по придорожнымъ.
Нашего брата выглядаетъ, да высматриваетъ;
Сидитъ горе за большимъ столомъ, за зеленымъ
Бумаги пишетъ хитрыя, красной печатью припечатываетъ.
Хуже гада земного, да лютаго звѣря горе-злосчастное".
Выходилъ Ванюша-богатырь на красное крыльцо.

Расправлялъ свои плечи могучія, богатырскія:
А у него очи ясныя, краше свѣтлаго дня.
На головѣ у него русыя кудри шелкомъ завиваются,
На щекѣ у него горитъ кровь молодецкая,
А бородушка у него русая, окладистая.—
Изъ дорогого кумачу на немъ рубаха красная,
Опоясокъ на немъ узорчатый, съ гребенкой тульскою.
А порты на немъ дорогіе, московскіе:
На ногахъ у него сапоги со скрипомъ, козловые,
На могучихъ рукахъ рукавицы съ оторочкой,
А на кудряхъ у него шапка поярковая.
Становится Ванюша во [illegible] въ телѣгу дубовую,
Собиралъ молодецъ возжи плетеные.
А на коняхъ у него хомуты орловскіе,
И черные хомутики охотницкіе,
Заплетены у коней гривы богатырскія,
А дуга не корельная, рѣзная, позолоченная.
Заѣзжаетъ Ванюша богатырь изъ тесовыхъ воротъ,
Родному и родной низко кланялся;
На кудри потомъ шапку надѣвалъ,
Да засвисталъ свистомъ молодецкимъ.
Почуяли могучіе кони свистъ богатырскій,
Всхрапнули они, широкую грудь выпрямивши,
И, какъ перо, понесли телѣгу дубовую.—
Подъѣзжаетъ онъ Ванюша-богатырь у самой у околицы...
Крестьянская дочь поджидала его, Параша раскрасавица,
Бѣлыя руки ломаючи, слезы горючія проливаючи:
„Ужъ зачѣмъ, Ванюша, ты меня одну покидаешь,
Ужъ зачѣмъ, богатырь, ты меня горькую оставляешь.
Больно люблю я твои богатырскія плечи,
Любо мнѣ сердце твое молодецкое".
Крѣпко-на крѣпко обнялъ крестьянскую дочь
Ванюша-богатырь, крестьянскій сынъ:
Онъ Парашу раскрасавицу крѣпко обнялъ,
Въ губы алыя ее цѣловалъ, въ ясныя очи.
„Любы мнѣ ясныя очи твои, да русыя косы,
Больше души люблю я бѣлую грудь, да бѣлую шею:
Да хочется, кипитъ во мнѣ сердце молодецкое;
Людей посмотрѣть захотѣлось, да себя показать,
Золотую казну наживать, красный товаръ торговать.
Такъ прости, прощай, Параша раскрасавица!"
А Параша на широкую грудь горючія слезы роняетъ,
Тяжело въ горючей груди у ней бьется сердце зазнобное:
Чуяло бѣдное черную бѣду, проклятую:
„Ужъ тебя, Ванюша, горе-злосчастное доѣдетъ,
Ужъ тебя, богатырь, горе горемычное дорѣжетъ;
Буду день и ночь убиваться, тебя поджидаючи,
Горькія слезы утираючи, русыя косы расплетаючи".
Выѣзжалъ Ванюша-богатырь на дорогу, на столбовую,
Около могучихъ рукъ онъ обматывалъ возжи плетеныя.
Да засвисталъ свистомъ молодецкимъ.
Помчали его могучіе кони, гривами размахивая,
Помчали они телѣгу дубовую, желѣзомъ окованную,

Копытами землю раздираючи, пыль дорожную поднимаючи.
Завидѣло горе-злосчастіе тройку могучую,
Заслышало горе-горемычное дрожь земную:
Завидна стала горю-злосчастному прыть молодецкая,
Завидна стала горемычному сила богатырская.
А сердце у горя проклятаго — злое, змѣиное.
„Исполать тебѣ, Ванюша-богатырь, крестьянскій сынъ,
На головѣ у тебя русыя кудри завиваются,
У тебя въ плечахъ мощь богатырская,
Да въ груди у тебя сердце молодецкое.
Могучи кони твои черногривые,
Крѣпко слажена у тебя телѣга дубовая:
Да доѣди я тебя горе-злосчастное,
Доведу тебя я, горе-горемычное".
Выѣзжалъ Ванюша-богатырь во торговый градъ,
Во торговый славный градъ, Владиміръ-Князьминскій;
Въѣзжалъ молодецъ во постоялый дворъ навѣсчатый,
Во веселую харчевню московскую, вывѣсчатую.
На дворѣ осадилъ Ванюша тройку богатырскую.
Съ телѣги соскочилъ, богатырь, скокомъ молодецкимъ,
Хозяину и хозяюшкѣ шляпой кланяясь.
Распрягалъ крестьянскій сынъ тройку могучую.

Надѣвало на себя мундиръ горе-злосчастное,
Шпагу чиновную съ боку цѣпляло горе-горемычное,
Каску съ гербомъ на голову клало горе проклятое;
Царскихъ солдатиковъ громко сзывало горе окаянное. —
Входило во постоялый дворъ горе-гореваньице.
А на томъ дворѣ постояломъ, на навѣсчатомъ,
Около студенаго колодца стоялъ Ванюша-богатырь.
Поилъ, молодецъ, коня своего коренного могучаго;
Храпѣлъ богатырскій конь, широкую грудь воздымаючи.
Любовался имъ крестьянскій сынъ, по шеѣ его поглаживаючи.
Подходило къ Ванюшѣ-богатырю горе-злосчастное:
„Ты откель и зачѣмъ пожаловалъ, крестьянскій сынъ.
И гдѣ у тебя билетъ правленый, казенной печатью печатаный?"
Вынималъ Ванюша-богатырь кишень кожаный.
Брякнулъ, молодецъ, золотой казною, непочатою.
Изъ кишеня вынималъ, крестьянскій сынъ, билетъ правленный.
Бумагу мудреную, казенной печатью печатанную.
Да зардѣлось у горя проклятаго сердце змѣиное.
Зардѣлось поганое на золотую казну непочатую.
На могучихъ коней черногривыхъ, да на телѣгу дубовую.
Да на рубаху кумачевую, да на порты дорогія, московскія.
Громко кликало горе-злосчастное царскихъ солдатиковъ,
Наказывало имъ горемычное Ванюшу-богатыря окружити.
Жесткой веревкой ему могучія руки вязати;
Послушались царскіе солдатики горя проклятаго,
По рукамъ и ногамъ вязали богатырское тѣло.

Восходило красное солнышко
Надъ матушкой-Русью православною,

Освѣтило родную изъ края въ край;
Черезъ окошко рѣшетчатое освѣтило конуру темную;
А въ той конурѣ темной на грязной соломѣ
Лежалъ Ванюша-богатырь, крестьянскій сынъ.
Болѣло у молодца могучее тѣло богатырское,
Тяжко билось въ широкой груди сердце молодецкое.
Снята съ богатыря рубаха домашняя кумачевая,
А на немъ другая рубаха грязная, драная;
Сняты съ молодца добротны порты московскіе,
А на немъ другіе порты разодраные;
Сняты съ него и со скрипомъ сапожки козловые,
А на ногахъ у него онучи—опорочки;
Сняты съ него и съ оторочкой рукавички барановыя;
Снятъ съ него и очечникъ узорчатый съ гребенкой тульскою;
Снята съ него и шляпа поярковая.
Все посняло Горе-злосчастное,
Все пособрало Горе-горемычное.
Выволокли сердечные Ванюшу-богатыря на широкій дворъ,
А на томъ дворѣ, на широкомъ, помостъ стоитъ деревянный.
Хорошо придумана по помосту скамеечка сосновая:
Ходятъ по тому помосту палачи, плетьми помахиваючи,
Ванюшу-богатыря, крестьянскаго сына, поджидаючи.
Привязали Ванюшу-богатыря къ скамейкѣ сосновой,
Больно сѣкли ему плетьми тѣло богатырское.
Хоть и есть у Ванюши въ плечахъ мочь богатырская,
Хоть и есть у молодца въ широкой груди сердце молодецкое.
Да сломали ему Ванюшу обиды черныя,
Черная бѣдность, сѣдыми косматая.
Выходитъ Ванюша-богатырь на большую дорогу,
Горько плачетъ, да Горе-злосчастное проклинаючи:
„Ахъ ты, Горе проклятое, злосчастное,
Ужъ до чего ты меня, Горе, домыкало,
До чего Горе-горемычное довело“.
Оглянулся богатырь, а передъ нимъ Горе-злосчастное,
Страшное Горе горемычное:
Нѣтъ на горѣ-злосчастномъ ни кожи, ни рожи,
Хуже старой вѣдьмы безобразное Горе проклятое.
Сверху кафтанъ на горѣ-злосчастномъ весь въ заплатахъ;
Изъ дырявыхъ сапогъ у горя грязные пальцы выходятъ,
А штаны на горемычномъ, солдатскіе, всѣ въ лоскутьяхъ;
На спинѣ у горя съ пескомъ ранецъ собачій,
А на боку у проклятаго шпага чиновная;
Въ одномъ карманѣ у горя горе крестьянское,
А въ другомъ карманѣ у горя червонцы казенные;
Болтаются на груди у горя двѣ пуговки мундирныя,
А на одной пуговкѣ виситъ бумага гербовая,
А на другой виситъ мѣшокъ, большой полотняный,
Денежки въ томъ мѣшкѣ наворованные да награбленные;
Всѣ въ крови руки у горя злосчастнаго,
Всѣ въ грязи, да въ крови, у горя горемычнаго;
А въ правой рукѣ у горя плеточка сыромятная,
А ужъ въ лѣвой рукѣ у горя, розочки вербовыя;
Подъ одною мышкою у злосчастнаго книжка конторская,

Подъ другою у горемычнаго сказка ревизская:
Полъ-головы у горя гладко выстрижено,
А другая у проклятаго гладко выбрита;
Окровавленъ носъ у горя-злосчастнаго,
Повышиблены всѣ зубы у горя-горемычнаго:
А на щекахъ и на лбу у горя знаки черные,
А на спинѣ, у проклятаго, рубцы синіе.
Страшно стало Ванюшѣ-богатырю, на горе глядючи,
Холодная дрожь пообняла по плечамъ [illegible] широкимъ.
Лютая тоска крѣпко сдавила сердце молодецкое:
„Ужъ зачѣмъ ты меня, горе-злосчастное, дотолкаешь,
Ужъ зачѣмъ ты меня, горе-горемычное, [illegible];
Отойди отъ меня горе-проклятое“.
Отвѣчаетъ ему горе-злосчастное:
„Не полать тебѣ, Ванюша-богатырь, крестьянскій сынъ.
[illegible] я тебя [illegible], что я горе-злосчастное.
Оттого я тебя донекаю, что я горе-горемычное;
Больно люба мнѣ, горю-проклятому, Русь православная,
Вдоль и поперекъ [illegible] гуляетъ горе-[illegible];
Больно люби мнѣ [illegible], [illegible] да [illegible].
Больно люби мнѣ [illegible] да [illegible] [illegible]
Люби мнѣ плетка да фуражка солдатская.
Люба мнѣ розга [illegible], [illegible] [illegible]:
Тѣшусь я въ войну надъ бритымъ затылкомъ, да надъ солдатской
цѣпью.
Тѣшусь я [illegible] [illegible] [illegible] . . . да надъ крестьянской . . .
Все сходитъ съ рукъ горю проклятому,
Нѣтъ нигдѣ суда на горе опасное;
[illegible] бьется горе-злосчастное плеча богатырскаго,
Больно бьется горе-горемычное [illegible] [illegible].
Вездѣ [illegible] и почетъ горю-[illegible]:
Во дворцѣ, во царскомъ, горе [illegible] [illegible] [illegible],
[illegible] [illegible] [illegible], горе [illegible];
А бояре [illegible] [illegible] [illegible];
Крѣпко руки жмутъ горю-[illegible];
Больно [illegible] горе [illegible],
Больно съ рукъ [illegible] горе-[illegible].
А съ [illegible] горе-злосчастное [illegible].
А съ [illegible] горе-горемычное [illegible],
А съ [illegible] [illegible] горе-проклятое [illegible] водитъ.
Сидитъ горе за большимъ столомъ, за зеленымъ,
[illegible] [illegible] [illegible], да [illegible],
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible];
По [illegible] [illegible] бумага [illegible] [illegible].
А горе съ [illegible], [illegible] у [illegible] [illegible];
Больно бьетъ горе-злосчастное,
Крѣпко [illegible] горе-горемычное.

Восходило красное солнышко
Надъ матушкой Русью православною,
Освѣтило родную изъ края въ край.
Освѣтило красное большую дорогу столбовую,
А на той дорогѣ, большой на столбовой,

Стоялъ Ванюша-богатырь крестьянскій сынъ,
А кудрявая голова у него упала на широкую грудь,
На широкой груди скрещены его руки богатырскія;
Тяжко воздыхалъ молодецъ, а отъ того вздоха сердечнаго
Воздохнула матушка Русь православная изъ края въ край.
Стоялъ молодецъ посередь самой дороги,
Стоялъ онъ да думалъ думу глубокую:
„Ужъ ворочусь я во родное село, во Неробкое,
Поклонюсь родному батюшкѣ, да родной матушкѣ,
Разскажу я всѣмъ про горе-злосчастное,
Распишу я всѣмъ горе-горемычное;
Пусть вѣдаютъ добрые люди, дѣти крестьянскіе,
Что за лютый звѣрь, горе-злосчастное,
Что за змѣя подколодная горе-горемычное!
Да вспашу я полосу подъ хлѣбъ, подъ озимый,
На нашей мірской землѣ, на урожайной;
Сильно родитъ мірская земля изобильная.
Да заведу я снова могучую тройку черногривую,
Крѣпче прежняго слажу телѣгу дубовую,
Окую ее желѣзомъ полосчатымъ;
Стану золотую казну наживать,
Красный товаръ дорогой торговать".
Да вспомнилъ Ванюша про ясныя очи,
Про русыя косы раскрасавицы Параши;
Вспомнилъ богатырь про горячую грудь, да про бѣлую шею,
Загорѣлось въ немъ сердце ретивое, молодецкое.
Поднималъ Ванюша-богатырь кудрявую голову,
Расправлялъ молодецъ могучія руки богатырскія;
Да и пошелъ по дорогѣ столбовой;
А отъ его шагу могучаго, богатырскаго,
Ходнемъ заходила земля подорожная,
Долго ходилъ Ванюша-богатырь по дорогѣ по столбовой,
Долго мѣрилъ большую шагами саженными;
Не по днямъ, а по часамъ росла мощь богатырская,
Все сильнѣй, да сильнѣй загоралось сердце молодецкое,
А ужъ тѣмъ огнемъ обожгло черную боязнь, вѣдьму косматую,
И почуялъ крестьянскій сынъ волюшку вольную.
Обертывался Ванюша-богатырь на родную сторонку,
Да засвисталъ свистомъ молодецкимъ;
А отъ того могучаго свиста, богатырскаго,
Вздрогнула матушка Русь православная изъ края въ край:
Много плечъ богатырскихъ порасправилось,
Много сердецъ молодецкихъ загорѣлось.
Доходилъ тотъ свистъ могучій, богатырскій,
До Питера славнаго града, столичнаго.
Всполошились бояре-помѣщики, генералы да сановники,—
Крѣпко затылки свои почесали, да ж... почухали;
А ужъ нѣмецкій людъ не нѣмецкая дрожь пробрала.
Задрожали стекла во дворцѣ царскомъ, во зимнемъ.
Вставалъ отъ глубокаго сна царь-государь,
Сонныя очи протиралъ, руками сидѣнье пробовалъ,
Пробовалъ онъ, на чемъ да какъ сидить,
Да и крѣпка ли та вещь, что тономъ называется.

П. Е. Щеголевъ.

Созывалъ царь государь вельможъ да сановниковъ,
Генераловъ, что въ звѣздахъ и лентахъ, да бояръ-помѣщиковъ;
Собиралися они въ палаты царскія
Въ высокія палаты раззолоченныя.
Говорилъ имъ царь-государь таково слово:
„Вельможи, да вы, бояре-помѣщики,
Сановники, да вы, генералы шитые,
Научите меня, какъ съ Ванюшей-богатыремъ управиться,
Какъ мнѣ съ нимъ, крестьянскимъ сыномъ, устроиться“.
Отвѣчалъ ему сановникъ, генералъ шитый,
Понавѣшены на немъ звѣзды и ленты царскія,
Самъ-то онъ родомъ графъ али князь какой,
Только нѣмецкая душенка у него черненькая.—
„Соберемъ, царь-государь, рати царскія,
Въ барабаны громко ударимъ; въ мѣдныя трубы взыграемъ,
Окружимъ мы Ванюшу-богатыря, крестьянскаго сына,
Да закуемъ его въ цѣпи желѣзныя,
Чтобы ему ни плечомъ размахнуть, ни ногой двинуть“.
Ничего царь-государь на такія рѣчи не отвѣчаетъ,
Только глазами похлопываетъ да русые усы поглаживаетъ.
А государевъ царскій братъ Константинъ царевичъ
Не поддался на такія нѣмецкія рѣчи черныя,
Говорилъ онъ царю-государю таково слово:
„Не слушай, царь-государь, нѣмецкихъ рѣчей черныхъ,
Не шути ты шутки съ Ванюшей-богатыремъ,
Больно могучъ и страшенъ крестьянскій сынъ:
Не помогутъ тебѣ ни рати большія, ни барабаны громкіе;
Охъ боюсь, кабы Ванюша-молодецъ больно не разсерчалъ,
Да съ насъ живьемъ шкуръ не посдиралъ“.

Собиралися сановники да вельможи въ большія палаты,
Собиралися туды генералы шитые да бояре-помѣщики;
Собиралися они во большія палаты, во каменныя,
А стоятъ тѣ палаты надъ Невой-рѣкой.—
Собиралися они великое дѣло русское рѣшати,
Какъ Ванюшу-богатыря, крестьянскаго сына, устроити.
Садилися сановники да вельможи за большой столъ,
Садилися за красный генералы шитые да бояре помѣщики;
Во кресла разолоченныя садился царь-государь,
Глазами сонными хлопаючи, русые усы поглаживаючи.
Садилося за тотъ столъ и горе злосчастное,
Горемычное горе, распроклятое:
Всѣ къ горю злосчастному обращаются,
Всѣ горю горемычному сладко улыбаются.
Сидѣли за тѣмъ столомъ три дня да три ночи:
Все выдумывали, какъ Ванюшу-богатыря обманомъ извести.
Какъ его крестьянскаго сына ограбити;
Да и выдумали хитрую бумагу мудреную.—
А писалъ ту бумагу сановникъ, писарь царскій,
Больно любъ тотъ писарь сановникамъ да вельможамъ,
Любъ онъ генераламъ шитымъ да боярамъ помѣщикамъ;
А ужъ больше всего любъ питерскимъ б . . . мъ, заморскимъ.
А ужъ къ той бумагѣ горе злосчастное руку прикладывало.

Кровавой рукой, проклятое, печатью печатало.
Смотрѣлъ царь-государь на горе злосчастное,
Качалъ, головой взираючи на горе горемычное:
„Ужъ больно ты безобразно, горе злосчастное,
Надо тебя прирядити да умыти горе горемычное,
Надо тебѣ на харчи выдати, горе безобразное".
Садился царь-государь во коляску нѣмецкую,
А дѣлали ту коляску въ Питерѣ, славномъ градѣ,
Нѣмецкіе мастера ее строили при царѣ Петрѣ Алексѣичѣ;
Много нѣмецкихъ женъ въ той колескѣ поѣздило.
Много нѣмецкихъ..... въ той колескѣ покаталося.
Да ужъ больно стара стала коляска безобразная,
Все полопалось да попзорвалось на колескѣ проклятой.
А въ ту коляску запряжена пара коней,
А ужъ на тѣхъ коняхъ только кожа да кости,
Еле дышутъ тѣ царскіе кони, злосчастные;
А хомуты на нихъ царскіе еле держутся;
А на козлы садилося горе злосчастное,
Рваныя возжи въ кровавыя руки брало горемычное,—
Пріѣзжалъ царь-государь во дворецъ во Зимній,
Входилъ царь-государь въ палаты разолоченыя;
А ужъ въ тѣхъ палатахъ разной челяди видимо-невидимо,
А нѣмецкихъ разныхъ холоповъ тьма тьмущая;
Какъ гади земные у ногъ ползаютъ,
Шипятъ шипомъ змѣинымъ.
Между нихъ царь-государь похаживаетъ,
Сонными глазами похлопываетъ, имъ змѣинныя головы поглаживаетъ;
Больно любы ему и низкое ползанье и шипы змѣиные.—
Входилъ царь-государь къ царицѣ-государынѣ,
Во комнаты къ ней входилъ, онъ, говорилъ ей таково слово:
„Надо, государыня, рубаху горю злосчастному вымыти,
Надо отъ крови да грязи у горемычнаго выстирати,
Ужъ больно грязна рубаха у горя безобразнаго".
Созывала царица-государыня сестрицъ и невѣсточекъ,
Созывала она своихъ фрѣлинъ княжескихъ дочекъ;
Говорила имъ царица-государыня, таково слово:
„Вы, царскія сестрицы, да вы, государевы невѣсточки,
Да вы мои фрѣлины *), простоволосыя, княжескія дочки.
Приносите вы лохань серебряную съ теплой водой;
Приносите вы на золотомъ подносѣ нѣмецкое мыло, вонючее;
Будемъ рубаху горю злосчастному мыти,
Отъ грязи да крови будемъ ту рубаху стирати".
Набиралось нѣмецкаго бабья полонъ домъ;
Приносили серебряную лохань съ невскою водою, теплою,
Хоть и нельзя теплою водою рубаху вымыти,
Да побоялась царица-государыня своихъ рукъ попарити:
Приносили на золотомъ подносѣ мыло нѣмецкое,
Мудрено то мыло заплѣснѣлое, вонючее.
Призывала царица государыня своего сынка, набольшаго;

*) Это значитъ, что такъ должно произносить ѣ—мягко!
Прим. Бейдемана.

Приходилъ тотъ набольшій сынокъ, царскій,
А затянутъ онъ въ мундиръ полковницкій.
Приносили нѣмецкіе холопы рубаху горя злосчастнаго,
На серебряномъ подносѣ приносили ее, горя горемычнаго;
Испужалися царскія сестрицы и невѣсточки,
Въ омракъ попадали фрѣлины, княжескія дочки,
Ноги свои боярскія къ верху позадирали;
А офицеры царскіе похаживаютъ, шпорами побрякиваютъ,
Княжескія..... да мягкія..... пощупываютъ.
Брала царица-государыня рубаху горя злосчастнаго,
Да изъ рукъ выронила ее, горя горемычнаго;
Видно не нѣмецкимъ рукамъ ту рубаху вымыти,
Не мыломъ вонючимъ отъ крови и грязи выстирати.
А набольшій царскій сынокъ, первородный,
Говорилъ царицѣ, государынѣ, таково слово:
„Оставьте маменька, рубаху горя злосчастнаго,
Будетъ и такъ носить ее горе горемычное;
Призовемъ, маменька, поповъ въ ризахъ злотошвейныхъ,
Будутъ архимандриты изъ кадильницъ серебряныхъ кадити,
Будутъ попы молебны да акафисты правити“.
Радовалась царица-государыня, на свое дѣтище глядючи:
„Ужъ въ кого ты, дитятко, такое мудрое уродилося,
Ужъ кто тѣ мудрыя головы, что тебя уму-разуму учатъ.
Оженю я тебя на кралечкѣ нѣмецкой, писаной,
А ужъ у той кралечки нѣмецкая..... шелковая“.
Ужъ больно нѣмецкія..... на русскіе..... соблазняются,
Крѣпокъ русскій..... не чета..... голландскому.
Приводили горе-злосчастное во палаты каменныя;
Окружали горе горемычное вельможи да сановники,
Окружали его генералы шитые да бояре-помѣщики,
Умывали да одѣвали горе проклятое:
Приносили злосчастному новый кафтанъ весь въ заплатахъ,
А пришиты тѣ заплаты иглою министерскою да нитками канцелярскими;
Приносили горю горемычному новые шаровары солдатскіе, всѣ въ лоскутьяхъ;
Умывали горю проклятому руки кровавыя,
Да не смывается кровь съ рукъ горя злосчастнаго;
Больно пригорѣла къ рукамъ горя горемычнаго;
Хоть и мыли ему руки кровавыя мыломъ заморскимъ.
Изъ за моря привозили то мыло во Питеръ, приморскій градъ,
Привозили изъ за синяго на корабляхъ аглицкихъ, мореходныхъ;
Хоть и за моремъ дѣлано то мыло богатырское,
Да дѣлали его два русскихъ мастера искусныхъ;
А у нихъ на головѣ завиваются русыя кудри,
Да въ горячей груди у нихъ сердца молодецкія [1]).
Больно любъ имъ Ванюша-богатырь, крестьянскій сынъ.
Больно мылитъ то мыло затылки и рыла,
У вельможъ, да сановниковъ, да генераловъ шитыхъ,
Больно ѣстъ то мыло богатырское бояръ-помѣщиковъ;

[1]) Русскіе мастера искусные, конечно, Герценъ и Огаревъ съ ихъ разработкой проектовъ реформы и съ ихъ обличительнымъ «Колоколомъ». *П. Щ.*

Да не даютъ того мыла горю злосчастному,
Больно боятся за горе горемычное.
А умывали руки горю проклятому мыломъ составленнымъ.
Ужъ на одну часть мыла заморскаго, богатырскаго,
Клали сто частей мыла питерскаго, канцелярскаго,
Да на столько же примѣшивали мыла вонючаго нѣмецкаго;
Не умыть кровавыхъ рукъ тѣмъ мыломъ составленнымъ.
Надѣвали на горе злосчастное рубаху немытую,
Надѣвали на горе горемычное ранецъ собачій, съ ремнями чи-
щеными;
Прицѣпляли съ боку горю проклятому шпагу чиновную;
Въ одинъ карманъ клали горю перо канцелярское очиненое.
А въ другой карманъ клали чернила казенныя;
На одну пуговку мундира вѣшали бумагу гербовую,
А на другую пуговку мѣшокъ полотняный, на полъ-пальца обрѣ-
заный.
А обрѣзывалъ тотъ мѣшокъ вельможа, сановникъ царскій,
А поставленъ онъ затѣмъ, чтобы въ судахъ правды не было;
Самъ то онъ родомъ графъ али князь какой,
Только душенка у него черная поганая.
Высыпалъ онъ наворованые денежки на зеленый столъ,
Бралъ въ свои руки ножницы большія министерскія,
Да съ конца на полъ-пальца обрѣзалъ мѣшокъ полотняный;
А зашивали тотъ мѣшокъ сенаторы да судьи царскіе;
А награбленыя денежки по карманамъ попрятали.
Чинили сапоги дырявые горя злосчастнаго,
Шиломъ министерскимъ тыкали, чиновную дратву пропускали;
Да не сдѣлало дѣла шило министерское да дратва чиновная,
Все грязные пальцы у горя выглядываютъ.
Все они у горемычнаго на божій свѣтъ выпалзываютъ.
Давали горю въ правую руку умытую плеточку сыромятную,
А ужъ въ лѣвую руку давали розочку вербовую.
Надѣвали на браную голову горя злосчастнаго,
Картузикъ чиновный, съ кокардой, на горемычнаго.
Подходилъ къ горю злосчастному генералъ шитый,
На лицѣ у него кровь съ молокомъ, парень видный;
Самъ то онъ родомъ графъ али князь какой;
Покачалъ онъ головой, на горе проклятое глядючи:
„Ужъ больно ты не казисто, горе злосчастное,
Нѣтъ на тебѣ ни кожи, ни рожи, горе горемычное;
Ужъ дамъ я тебѣ хитрую штуку нѣмецкую,
На красивый шнуръ черезъ шею перекинешь ту штуку мудреную;
Будешь ходить съ тою штукою по улицамъ, по Питерскимъ,
Страху задавать всѣмъ Неробковцамъ“

Восходило красное солнышко
Надъ матушкой Русью православною,
Освѣтило родную изъ края въ край:
Освѣтило красное большую дорогу столбовую;
Ходилъ по той дорогѣ Ванюша-богатырь, крестьянскій сынъ,
Ходилъ онъ богатырскими ногами саженными;
Не по днямъ, а по часамъ росла въ плечахъ мощь богатырская
Все сильнѣй да сильнѣй загоралось сердце молодецкое.

Догоняло Ванюшу-богатыря горе злосчастное,
Подходило къ молодцу горе горемычное;
Снимало съ бритой головы картузикъ чиновный горе проклятое,
Говорило ему горе окаянное таково слово:
„Исполать тебѣ, Ванюша-богатырь, крестьянскій сынъ,
Отъ царя, государя послано къ тебѣ горе злосчастное,
Отъ вельможъ да сановниковъ послано къ тебѣ, горе горемычное,
Отъ генераловъ шитыхъ да бояръ-помѣщиковъ, горе проклятое;
Посылаютъ они тебѣ хитрую бумагу мудреную".
Отвѣчаетъ горю злосчастному Ванюша-богатырь, крестьянскій сынъ:
„Не учили меня ни батюшка, ни матушка грамоту читати,
Не учили меня родные перомъ писати".
Говоритъ ему горе горемычное:
„Хитрую бумагу мудреную прочитаетъ тебѣ горе злосчастное.
Не впервой читать мудреныя бумаги горю горемычному".
Скверно крякнуло горе злосчастное,
Съ одной босой ноги на другую перевалилось,
Стало зычно читать горе проклятое.
Долго читало горе злосчастное,
Долго слушалъ Ванюша-богатырь горе горемычное.
Прочитамши ту хитрую бумагу, мудреную,
Скверно крякнуло горе окаянное,
Съ одной босой ноги на другую перевалилось горе проклятое.
Размахнулся тогда Ванюша-богатырь, крестьянскій сынъ,
Развернулся тогда молодецъ со всего плеча богатырскаго;
Схватилъ онъ горе злосчастное посередь самой груди,
Да и взмахнулъ горе горемычное на аршинъ отъ земли.
А ужъ отъ той хватки богатырской
Почервѣло страшное горе злосчастное.
Новый кафтанъ на горѣ горемычномъ весь потрескался
А пуговки канцелярскія на проклятомъ всѣ полопались;
Полетѣла изъ рукъ горя злосчастнаго хитрая бумага, мудреная:
Полетѣли съ горя горемычнаго и картузикъ, и бумага чиновная;
Полетѣли изъ рукъ горя проклятаго и плеточка сыромятная, и розга вербовая,
Полетѣли съ горя окаяннаго и мѣшокъ полотняный, и бумага гербовая,
Полетѣли съ горя злосчастнаго и книжка конторская и сказка ревизская,
Полетѣли съ горемычнаго и перо канцелярское и чернила казенныя;
Посинѣло горе распроклятое.
Тряхнулъ Ванюша-богатырь, крестьянскій сынъ, горе злосчастное,
Тряхнулъ, молодецъ, съ богатырскаго плеча горе горемычное;
Говорилъ онъ горю проклятому таково слово:
„Не обманешь меня, горе злосчастное,
Не отдамъ мірской земли боярамъ-помѣщикамъ, горе горемычное.
Вольно хитра бумага мудреная,
Да есть у меня смѣтка здоровая,
Есть у меня руки, къ великому дѣлу способныя.
Такъ прочь отъ меня, горе злосчастное!
Сгинь, горе окаянное, горемычное!

Нѣтъ тебѣ со мной житья, горе распроклятое!
На головѣ у меня завиваются русыя кудри,
У меня въ плечахъ ростетъ мощь богатырская,
Да огнемъ горитъ сердце молоденкое".

Эту повѣсть сочинялъ да написалъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1862 года своимъ землякамъ на радость, а царю-государю, да вельможамъ, да сановникамъ, да генераламъ шитымъ, да боярамъ-помѣщикамъ—на удовольствіе, крестьянинъ села Неробкаго, Михайло-Бейдеманъ; а ужъ тотъ крестьянинъ:

Попался въ лапы къ горю злосчастному,
Попался въ когти къ горю горемычному;
Да не боюсь я тебя, горе злосчастное, окаянное,
Не боюсь тебя, горе горемычное, распроклятое;
Хоть и нѣтъ у меня въ плечахъ мощи богатырской.
Да горитъ во мнѣ злобное сердце, крестьянское.